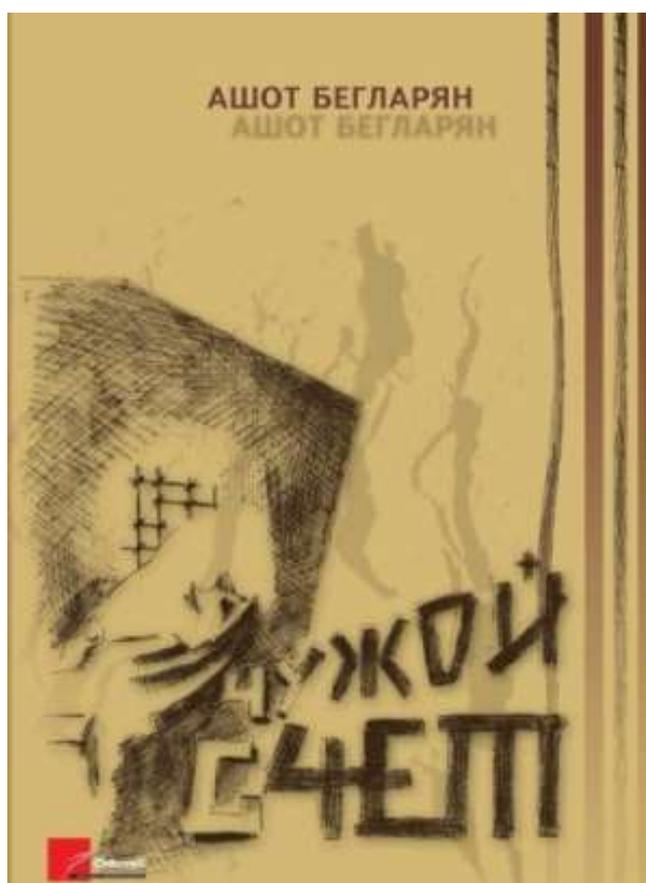

АШОТ БЕГЛАРЯН

ЧУЖОЙ СЧЁТ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ЕРЕВАН

2004

День рождения

Бои, жестокие и кровопролитные, с каждым днём принимали всё более упорный характер: сёла в Мартакертском районе Нагорного Карабаха порой в течение одних суток несколько раз переходили из рук в руки. Лето 92-го стало крайне тяжёлым периодом, когда многое решал случай. Линия фронта была размыта, на передовой всё перемешалось: противники, часто будучи не в силах или не имея достаточно времени, чтобы чётко определить, где свои, а где враг, попадали в окружение и напарывались на засады. Случалось даже, что два своих же подразделения по неведению перестреливались час-другой... Но страшнее и, пожалуй, ещё страннее и нелепее (впрочем, война сама по себе – это переплетение парадоксов, крайностей и абсурда) было то, что противники не различались по своему обмундированию...

Готовясь к наступательной операции, вторая отдельная карабахская рота отправила группу разведчиков для изучения местности. Мовсес Шахмурадян, самый опытный из разведчиков, пошёл впереди своих товарищей...

Он очнулся и тут же ощутил режущую боль под левой ключицей. «Жив», – скорее удивился, чем обрадовался он и попытался поднять голову, но не сумел. В ушах невыносимо звенело, тошнотворно-кровавый рассол во рту вызывал мучительную жажду. С трудом повернул затёкшую шею: пожухлая трава вокруг была залита кровью...

Тут со всей яркостью представилась ему недавняя стычка. Вражеские разведчики появились из густого орешника неожиданно близко. Их было двое – в таких же, защитного цвета «афганках», как он сам, отличить от своих было практически невозможно. Опасаясь ошибки, он крикнул: «Пароль!» Те молча переглянулись и... спустили курки. Раненный, он успел прыгнуть за ближайший бугор и, преодолевая боль, открыть ответный огонь.

Бой длился минут пять. За это время он успел расстрелять все патроны. Когда опустел последний из двух запасных магазинов, пустил в ход гранаты – все до одной, потому что ему казалось, что через минуту всё равно умрёт от раны. С разрывом последней гранаты наступила мёртвая тишина. Затем всё вдруг исчезло...

Он достал из подсумка кусок желтоватой ваты и наложил его на свербящую рану. От кислого запаха крови мутился рассудок. «Если что, живым не сдамся», – подумал он, прижимая к груди ещё не совсем остывший автомат. Неменяющими пальцами нащупал во внутреннем кармане куртки то, что хранил как зеницу ока, – последний патрон, последнюю надежду. Надежду на спасение, избавление от плена. Сейчас он, конечно, понимал, как трудно будет решиться на это...

Нечто похожее произошло неделю назад при возвращении с вылазки в тыл противника. Разведчиков засекли: еле вырвавшись из окружения и чувствуя сзади горячее дыхание противника, они вынуждены были оставить раненого товарища – Меружана, которого долго тащили. Мрачное предчувствие заставило Мовсеса через минуту вернуться к раненому, спрятанному в овражке. Вернуться с тем, чтобы прикончить его: мысль о том, что его близкий друг может оказаться в руках у остервенелого врага, леденила ему сердце – солдаты противника нередко глумились даже над мёртвыми...

Но рука дрогнула...

– Я не смогу этого сделать, – протягивая Меружану гранату, сказал он. – Возьми, подорвёшься вместе с ними, когда уже другого выхода не будет... Постарайся продержаться, я обязательно приду за тобой вместе с подкреплением...

Тогда обошлось – уже глубокой ночью полумёртвого, озябшего бойца удалось вынести с поля боя и спасти. Теперь же то, что он предлагал с хладнокровием палача другу, ему, возможно, предстояло сделать по отношению к самому себе.

– Ничего, скоро наши пойдут в наступление, – отправляя патрон в патронник, успокаивал он себя. – Тысячу раз был прав ты, старый капитан, вдалбливая нам в головы, что война больше всего не терпит легкомыслия: зачем нужно было соваться вперёд, тем

более в такой день?! А ещё, бывалый наш ротный, только сейчас дошёл до меня смысл твоего сравнения солдата на поле боя с охотником: «Одного зверя необходимо терпеливо караулить, поджидая в засаде, другого нужно решительно и неотступно преследовать, третьего же, наоборот, надо остерегаться, стараясь не попадаться ему на пути, иначе самому беды не миновать...»

Раненый прислушался, борясь с чуть унявшимся звоном в ушах. Кругом вроде было тихо, и лишь где-то в стороне, далеко за холмами, грохотала канонада. «Неужели я их укокошил, – гадал он. – А может, выжидают, сволочи... Надо было сразу, как они, – стрелять без лишних церемоний».

Он унёсся мыслями в город: в сладком полузабытье мерещились мать, хлопочущая на веранде у печки с праздничным пирогом, и весело снующая рядом сестрёнка.

«Мама, а Моси когда придёт, когда уже темно будет?» – на миг став очень серьёзной, спрашивает она. Сегодня старшему брату исполняется двадцать три, и он обещал отметить день рождения дома...

Вдруг кто-то воровато прикоснулся – он очнулся. Рядом никого не было – лишь на заросшей щеке трепетал сорванный ветром с кустарника сухой лист.

Мучительно хотелось пить. Стараясь не делать лишних движений, чтобы не причинять себе новой боли, он отстегнул от ремня фляжку и с жадностью вобрал в полость рта тёплой, невкусной и неприятной воды. Не глотая её – бойцы, как нехитрый урок, давно уже усвоили, что пить с открытой раной категорически нельзя, – долго полоскал рот, стремясь достать все его уголки, с наслаждением, стараясь не проронить и капли, растёр намоченным пальцем губы и выдохнул воду обратно в скудную солдатскую ёмкость... Грозившая в любой миг обернуться ядом, обычная вода для него, беспомощного и неподвижного, имела теперь цену золота.

«Вот когда человек в полной мере осознаёт органическую и чудовищную зависимость свою от внешней среды. Впрочем, если верить тому, что процентов на семьдесят он состоит из воды, всё становится понятным. Человек как некий резервуар, не стеклянный, железный или глиняный, а сплетённый густо из живых нервов, которые нуждаются в постоянном поливе. В противном случае они, ноя, умирают. Вот несправедливость – эта прозрачная жидкость, сама так любящая свободу, сделала человека навеки своим рабом!.. Эх, превратиться бы сейчас в лужу, просочиться в землю или же испариться медленно и тихо, без боли и страданий, под лучами солнца!.. Уйти меж пальцев кровожадного и трусливого врага, когда тот, подло выждав, пока он полностью обессилеет, наконец приблизится. Увы...»

Вдруг неподалеку раздался отчётливый сухой треск.

«Всё... – подумал он, медленно кладя палец на курок. – Живым не сдамся!..»

Свой день рождения Мовсес Шахмурадян отмечал в военном госпитале. Его подобрали подоспевшие карабахские разведчики.

1992 год

Ловушка смерти

– Чувствую кисть и каждый палец в отдельности, – говорит Арсен, вытянув перед собой культию и делая воображаемые движения отсутствующей частью руки. – Вот так разминаюсь несколько раз в день.

У Арсена Хачатряна, внешне неприметного, невысокого, худощавого парня из села Тагавард, необычная судьба. Впрочем, бывает ли обычной военная судьба?..

Морозной ночью зимы 92-го в местечке Геворкаван Мартунинского района Нагорного Карабаха противник неожиданно напал на пост карабахцев. Бой был жаркий, но неравный и короткий. Смертельно раненный командир Славик Тамразян успел лишь крикнуть: «Ребята, спасайтесь!»

Вместе с несколькими уцелевшими товарищами Арсену удалось прорваться к БМП, замаскированной неподалёку в винограднике. Однако, отъехав всего три-четыре сотни метров, боевая машина напоролась на противотанковую мину. Чудовищной силы взрыв легко, словно пушинку, подбросил БМП в воздух. Бойцов спасло то, что люки машины были открыты, в противном случае от удара и давления внутри экипаж просто размазало бы по стенам этого железного гроба.

Придя в себя, Арсен с ужасом осознал безвыходность собственного положения: перевернувшись в воздухе, железная махина, упав, задавила всей своей тяжестью кисть хрупкой человеческой руки. Коварнее ловушки смерть придумать не могла, но страшнее смерти представлялся плен – неподалёку слышались голоса вражеских солдат.

Боец догадывался, что той части руки, которая осталась под БМП, уже нет: он даже не чувствовал её – боль начиналась только с предплечья, моментально затёкшего. Рядом, постанывая от переломов и ушибов, вразброс лежали товарищи. Все пока находились в шоке, и каждый был занят лишь своей болью, собственной бедой – кто-то ругался, проклиная случай и судьбу, другой в полузабытье звал на помощь, третий молчал и было неясно, жив он или нет.

Арсен осторожно потянул придавленную руку на себя – наэлектризованная боль прошла по предплечью к шее. «Другого выхода нет, надо решиться!» – наконец признался он самому себе, принимая неизбежность того, что в первую минуту подсознательно отогнал с ужасом.

Боец достал штык-нож, ещё раз приказав себе быть решительным. Поманив одного из товарищей, находившегося поближе и, видимо, отделавшегося лишь лёгкой контузией, он протянул ему нож. Просьба Арсена заставила того невольно отшатнуться. Подойти к нему не решались и другие.

Стиснув зубы, он сам стал резать собственную плоть.

К великому удивлению, боли почти не было – непосредственная смертельная опасность, огромная внешняя и внутренняя напряжённость, служа своеобразным наркозом, заглушили даже такое сильное чувство, свойственное всякому живому организму. Инстинкт самосохранения полностью поглотил человека, заставляя его ради сохранения целого, жертвовать частью, не задумываясь. Бойцу даже не было жаль родной кисти, и он лишь досадовал на неё, когда связка сухожилий не хотела поддаваться грубому ножу, упорно выскользывая из-под тупого лезвия. Перерубить кость сил не хватило – сделать это помогли осмелевшие наконец товарищи, накрепко перевязавшие свежую культию солдатским ремнём.

До госпиталя Арсен добирался сам, всю дорогу внушая себе: «Не упаду!..»

1993 год

Жажда жизни

Очередь ударила в левое предплечье, словно тяжёлым молотом отбив его. Боль от первой пули была столь сильной, что двух других ран – чуть выше кисти и под мышкой – он почти не почувствовал. Точнее, не успел почувствовать каждую рану в отдельности: всё слилось в один мощный удар, который, как показалось в первый момент, оторвал и унёс руку.

Шок прошёл быстро, вернее, усилием воли раненый преодолел его. Рука с двумя переломами тотчас вспухла, застыв в неестественном виде – согнутая в локте и с открытой ладонью, направленной вверх. Не выпуская автомата, предплечьем здоровой руки Армен попытался положить кисть левой в раскрытую грудь афганки. Однако через несколько шагов рука вылезла из-под одежды и, почувствовав свободу, с силой подалась влево до отказа, причинив тупую, жидко-тошнотворную боль, и ещё долго успокаивалась, нелепым приветственным жестом содрогаясь прямо перед глазами. Она абсолютно не подчинялась, казалась чем-то самостоятельным и чужеродным.

Вдруг до боли стало жалко себя и нелепую руку, но Армен сумел быстро побороть это чувство. «Ещё не всё кончено, буду идти сколько смогу», – как бы раздваиваясь, внушал раненый своему внутреннему «я» и даже улыбнулся ему, когда догнал товарищей. Те на ходу перевязали ему раны. Бинты моментально набухли от крови, к кислому запаху которой он никак не мог привыкнуть.

Противник преследовал вырвавшихся из окружения. Во время одной из стычек группа невольно разделилась. Теперь они остались вчетвером. Армен шёл молча, пытаясь переосмыслить случившееся...

Противник, безуспешно штурмовавший стратегически важную высоту над небольшим горным озером, на третьи сутки взял хитростью: зайдя незамеченным с тыла, он окружил полумесяцем небольшой отряд карабахских воинов. Долгое сопротивление грозило пленом – просто не хватило бы боеприпасов. Отступить же было некуда: внизу в холодной зыби сверкали воды озера, и если раньше оно служило серьёзным препятствием для противника, то теперь невольно стало продолжением вражеской цепи окружения... Быстро оценив ситуацию, бойцы пошли напролом, на прорыв вражеской линии – к единственному свободному пути, тропинке, поднимающейся в гору с левой стороны.

У подбитой БМП развернулся жаркий бой. Рядом, сражённые, падали товарищи. Кровь одного из них, поражённого снайперской пулей в лоб, залила Армену лицо. Если бы не удалось засечь вражеского пулемётчика, тщательно замаскировавшегося в кустах под венком пожухлых августовских трав и листьев, перебили бы всех до единого. Когда Армен попытался прикрыть огнём отходившего последним товарища, вражеская очередь настигла и его...

В детстве, уже хорошо понимая, что смерть неминуема для всех, он почему-то был уверен в собственном бессмертии. Ему казалось, что смерть обойдёт его неким волшебным образом. Вспомнив это сейчас, почти двадцать лет спустя, Армен невольно улыбнулся.

Тем временем жизнь всё ещё пульсировала в нём, связывая с миром тысячью невидимых нитей – ощущений, чувств, мыслей, воспоминаний. И ему казалось, что только путём невероятной боли можно будет разом оборвать всё это, что лишь нечто сверхъестественное способно прервать это удивительное состояние, даруемое в полной мере только человеку... Но чтобы вот так, безмолвно и тихо, вместе с утекающей кровью ушла жизнь – никак не укладывалось в голове. Он не мог, не решался представить себе это, не верил, что буквально через несколько минут может стать таким же неподвижным и бесчувственным, как лежавший неподалеку пень, вырванный с корнями снарядом. Он не хотел верить и тому, что часть боевых товарищей, с которыми ещё недавно делил пищу, сон и отдых, погибла... И это давало ему силы.

Армена мучила жажда – не пил почти сутки. Всегда аккуратный водовоз вчера почему-то не появился. Подъехал же к позициям только к полудню следующего дня, как раз перед самым началом боя, когда совершенно неожиданно появился дозорный, весь в поту, и срывающимся от волнения голосом сообщил, что противник окружает. Тогда стало уже не до воды... Теперь, приблизительно зная местонахождение родника, они искали его, петляя в горном, горячем от летнего зноя лесу.

Кровотечение, несмотря на все старания, остановить не удалось. Раненый заметно сдавал. Он достал из карманов самодельного бронезилета и передал товарищам гранаты и магазины. Некоторое время спустя, стараясь не причинять раненому новой боли, бойцы разрезали бронезилет, весь пропитанный кровью, и только тут заметили третью рану под мышкой, с досадой упрекнув его за то, что скрывал её от них...

Вскоре поиски родника увенчались успехом, и неодолимое желание вдоволь напиться овладело им. Однако раненого ожидало великое разочарование – товарищи решительно запретили ему пить: вода, обычная вода, в данном случае означала конец, несла, словно яд, смерть.

Не в силах открыть слеплённый застывшей пеной рот, он жестами показал, что собирается лишь смочить губы и попробовал сделать это. Но уже через минуту его, всем телом припавшего к земле и со страстной жадностью, словно саму жизнь, её свежесть и силу, впитывавшего студёную воду, пришлось силой отрывать от жизнерадостно журчащего ручейка.

А ещё некоторое время спустя Армен, сделав несколько шагов, внезапно

почувствовал невыносимую тяжесть в ногах и присел, попросив товарищей, которых столь легкомысленно ослушался, оставить его, пообещав, что с наступлением сумерек сам доберётся до постов. Но когда позвали, и он с трудом разомкнул отяжелевшие веки, то понял, что силы окончательно покидают его, и жизнь, быть может, уже наполовину вышла из него.

–Уходите, – механически настаивал он, впрочем, сам не веря своим словам. – Ночью сам доберусь!

Вдруг как-то стремительно закружились в глазах кроны гигантских деревьев, и слабый дневной свет, тоненькой струйкой пробивавшийся сквозь пышную листву, исчез.

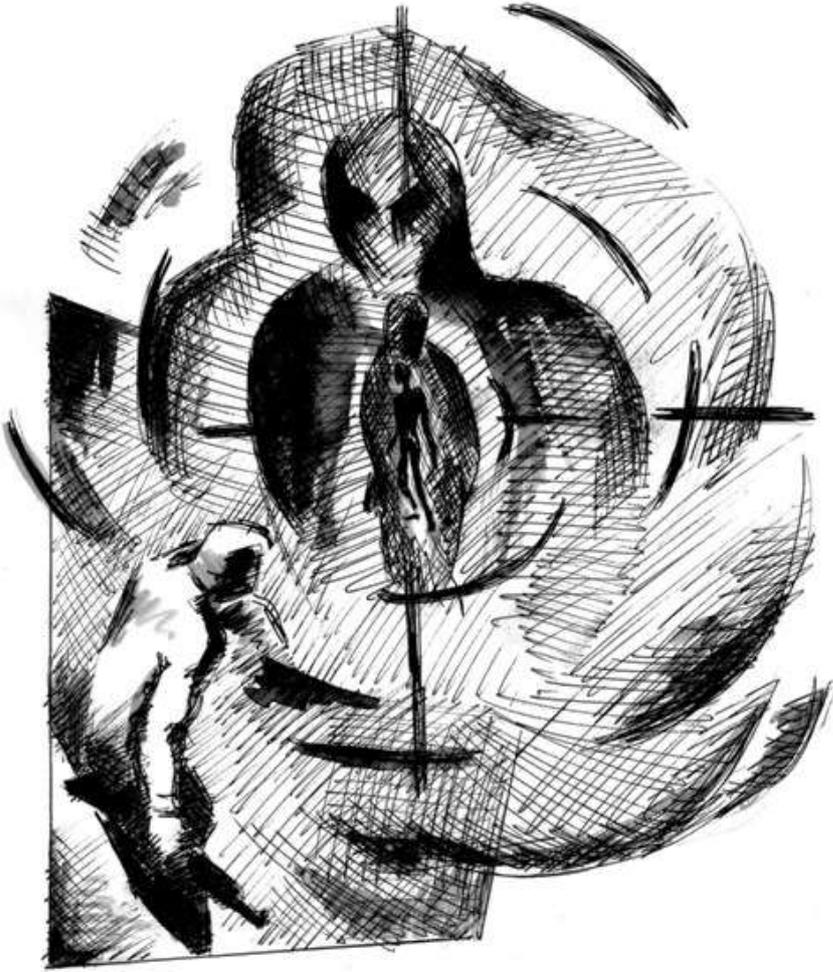
Как-то смутно и далеко пригрезилась мать, которая скончалась ровно месяц назад... Тут он почувствовал чьё-то лёгкое и заботливое прикосновение. «Мама!» – прошептал раненый и попытался открыть глаза, но не смог. Он уже не слышал, как товарищи звали его.

Раненый впадал в безмятежное состояние, которое бывает, наверное, только тогда, когда вплотную подходишь к последней черте, целиком и безропотно отдаваясь накатившему ощущению полной, страшной свободы. Весь мир, казалось, медленно отворачивался, а ему совершенно не хотелось сопротивляться, даже попытаться удержать его. Он чувствовал себя лишним, отчуждённым, стёртым. Даже о самых близких, родных людях думать не было сил. Они, и это было ужасно, казались чужими и нереальными... Замолкло и внутреннее «я».

Согнутые и сгорбленные под грузом автоматов – своих и погибших друзей, под тяжестью его тела и набухшей от крови куртки, изнурённые от преодоленных восьмидесяти километров горного ландшафта, товарищи тащили раненого... В военно-полевом госпитале врачи обнимали Армена как родного, а медсёстры ни разу не отказали в воде, которую он просил чуть ли не каждые пять минут...

Жизнь, лучезарная и радостная, медленно, но властно возвращалась, наполняя собою каждую клетку.

1993 год

Сон

– Вот уже целый час мы говорим о войне, но меня так и подмывает спросить: «А всё-таки, что такое война?»

Карен, боец отряда самообороны, устало посмотрел на молодого развязного журналиста, который находился на передовой впервые, а потому донимал его всевозможными вопросами.

– Можно по-разному определять войну, – не сразу начал Карен, старательно набивая табаком самодельный бумажный патрон. – Ну, к примеру, это – грохот разрывов, шум моторов, боль, крики, страх и, наконец, смерть, вечно крадущаяся по пятам и выбирающая подходящий момент для того, чтобы выхватить тебя из жизни... Но всё это, пожалуй, лишь атрибутика войны, а сама смерть – наёмный служака и временная приспешница войны... О войне я думаю как о реальном существе и давно пытаюсь понять, а вернее, разоблачить это существо... Знаешь, на передовой и философом немудрено стать.

Карен взял уголёк из тлеющего костра, зажёл им самокрутку и глубоко затянулся. Почти треть сигарки вмиг превратилась в пепел.

– Недавно сон такой странный приснился, как раз в ночь перед боем. Снилось незнакомая мрачная местность. Кругом – тишина, вернее, какая-то приглушённость, словно после близкого разрыва артиллерийского снаряда. В небе абсолютно нет никакого движения: ни птиц, ни бабочек... Кажется, всё вокруг вымерло.

Затаив дыхание, слежу из окопа за пригорком напротив. Оттуда должен появиться воображаемый противник. Палец застыл на курке автомата, мышцы напряглись, какой-то липкий страх (хотя трусом себя не считаю) постепенно овладевает мною. Конечно, понимаю, что всё происходит во сне, однако это не успокаивает меня, наоборот, внушает,

что враг, созданный во сне моей фантазией, будет необычен, чудовищен.

И вот наконец появляется он... Тоший, с хлипкими, словно плети, безвольно свисающими руками. Спускался он вяло и рассеянно-задумчиво по склону холма – совсем не страшный, и даже вызывал жалость нелепым видом своим. С застывшим, словно у слепца взглядом, брёл он прямо на меня, ворча что-то себе под нос. Тут я не выдержал, встал во весь рост и расхохотался.

– Эй, раззява, прибавь-ка ходу! – крикнул я, в шутку целясь в человечка.

Человечек вздрогнул от неожиданности, опешил, но, опомнившись, вдруг резко оживился, скривил губы в злорадной улыбке и, вытянув перед собой руки, готовый схватить всё, что попадется на пути, пошёл на меня скорым шагом.

К глубокому моему изумлению он увеличивался с каждым шагом, заслоня собою горизонт, а когда приблизился вплотную (в это время я словно пригвождённый застыл на месте с онемевшим пальцем на курке), то с ужасом увидел перед собой не человека, а лишь частицу его – желудок, правда, громадных размеров...

Я полетел – сначала вверх, потом куда-то в бездну, в темноту, и не сразу понял, что нахожусь внутри этого Существа. В крошечной тьме бегали такие же, но крошечные желудочки на тоненьких ножках, с крохотными автоматами в руках – приспешники и слуги Существа. Наскакивая в темноте друг на друга (я наблюдал всё это как хозяин сна, видел себя как бы со стороны, сам оставаясь незамеченным для других), существа эти кричали: «Где он, где этот фраер с ружьём?!» И вот, с омерзением почувствовав чьё-то липкое прикосновение, за которым на вздохе облегчения последовал удовлетворённый, злорадный возглас: «Вот он! Я нашёл, я поймал его!» – я открыл глаза, и пробуждение вырвало меня из тьмы...

Карен затянулся и, выпустив из себя дым, задумчиво посмотрел вдаль. За холмами приглушённо грохотала канонада. Тоненькие блики-змейки от разрывов рассекали холодное и безучастное небо...

– Если бы я сразу догадался, с кем имею дело, то, бросив автомат, бежал бы куда глаза глядят. Убежал бы ещё тогда, когда Существо только показалось из-за пригорка, было маленьким и хилым, не успело раздуться до невероятных размеров... Но было уже поздно: оно почуяло, увидело человека с ружьём, беспечного и самоуверенного, и это взбудоражило его... А существо это и есть Война, в которую мы вовлечены вопреки воли своей и конца которой так страстно ждём. Но пока в руках у людей автоматы, они слабее войны...

– Однако причём тут этот странный желудок? – спросил журналист.

– Вот и я до сих пор пытаюсь понять это... Быть может, полуголодное состояние и язва, последние дни не раз напоминавшая о себе, воспалили моё воображение?.. А впрочем, если война – явление противное человеческому разуму и душе, то не желудок ли в таком случае, вечно голодный и ненасытный, не эта ли прорва движет войной, являясь скрытым её мотором?.. Кто знает?..

Давно уже пора отдыхать. Уложив, словно ребёнка, автомат, Карен ложится рядом. Он спит лишь одним глазом... Ранним утром – в бой.

1993 год

Дед Аршак

С утра, как обычно, дед Аршак возился на пасеке. Приближалась роевая пора – пчёлы нуждались в особом уходе и, сами не зная покоя и суетясь, доставляли старику много хлопот. Ни свет ни заря выходил он из дому, а возвращался только с наступлением сумерек. Его, кажется, нисколько не волновало то, что за околицей давно бушевала война...

Стоял жаркий полдень. Старик уже подносил специальную ёмкость к ветке акации, чтобы стряхнуть с неё привившийся пчелиный рой, как сзади донёсся до него сдавленный женский крик:

– Аршак-даи*, скорее бросай всё – азеры в село ворвались... Все ушли, только мы остались!..

Заупрявился по-старчески дед: не хотелось ему вот так, разом бросать всё, накопленное и выстраданное годами, оставлять на произвол судьбы единственных утешителей одиноких дней угасающей своей жизни. Уж больно сроднился дед Аршак с пчёлами за последние восемь лет – с тех пор, как старушка его, почти полвека делившая с ним все горести и радости жизни, ушла навсегда, оставив ему одному этот мир...

Старик побежал в усадьбу, снял со стены старинную двустволку, спустился и встал перед калиткой на пасеку – кособокий, тощий и сгорбленный годами, но гордый:

– Пусть все уходят, я один буду защищать село!..

Силком ли, ласковым словом, но соседке удалось вывести старика за околицу...

Долго мыкался дед Аршак по разным столицам, не уживаясь ни с родичами в Степанакерте, ни даже с замужней дочерью в Ереване. Всё мерещилась ему пасека в цветущей, лоснящейся от солнца и мёда деревне, а по бессонным ночам, словно колыбельная песня, откуда-то издали доходя до старческого слуха жужжание пчёл. И монотонное жужжание это для старика было лучшей мелодией на всём белом свете.

И вот, услышав в один прекрасный день долгожданную весть об освобождении родного Атерка, дед засуетился, засобирался...

Неласково встретила его родина. Мельком оглядел старик обгоревший, полуразвалившийся, опустевший дом и поспешил на пасеку. Взглянул он на побитые, осиротевшие ульи, зажёб пригоршню сухих, невесомых трупики и опустил в бессилии на колени. Не выдержало старческое сердце – разрыдался, как ребёнок... оборвалась мелодия в душе.

Но недолго горевал дед Аршак. Успокоился, поднял одиноко валявшуюся в весенней поросли роевню и поплёлся по привычке в сарай за инструментом – чинить скособочившуюся калитку.

И кто знает, быть может, через год-другой вновь появятся среди цветущих акаций на пасеке пчёлы, радуя жужжанием своим истрадавшуюся старческую душу...

1994 год

Мать

Кругом всё полыхало. Жадное трескучее пламя, пожирая густые сумерки, безудержно стремилось ввысь. Кровавое зарево царственно нависло над мёртвым городом... Да, город казался необитаемым: люди не выходили из подвалов и укрытий, опасаясь возобновления чудовищного артобстрела. В пучину войны невольно оказалось вовлечённым и мирное население. Но, несмотря на прямую угрозу своей жизни, люди ещё больше переживали за тех, кто в это время находился на передовой...

В одном из полуразрушенных домов на окраине города не спала пожилая женщина, думая о единственном теперь уже сыне. Мужа и дочь, когда ещё только-только обозначались симптомы войны, вражеские солдаты подожгли в машине на просёлке – они ехали в деревню на сорокадневку одного из родственников. А спустя два года, когда война уже полыхала вовсю, в бою погиб старший сын, и мать осталась одна с Андреем.

Бои за высокогорный Омарский перевал не стихали вторую неделю. Победа имела стратегическое значение для обеих сторон... Целыми сутками мать не смыкала глаз.

Она, кажется, давно должна была привыкнуть к редким приездам сына – два раза в месяц, где-то в середине и в конце. И всё же, словно надеясь на чудо, мать непрестанно прислушивалась к шагам на лестничной площадке. Андрей заметил, что нередко картошка, которую она обычно подавала на стол, была ещё вчерашнего дня. Он догадывался, что, словно надеясь ускорить приезд сына, мать заранее готовила ужин и не притрагивалась к нему в одиночку... А он так часто опаздывал...

Сын приезжал наконец. Усталый и грязный, он тщательно мылся, чтобы, наспех поужинав, зарыться с головой в постель. Мать, которая в воображении своём часами беседовала с ним, не решалась заговорить – в такие минуты от сына трудно было добиться слова. «Ничего, в следующий раз буду внимательнее», – обещал себе Андрей, уходя ни свет ни заря.

Наутро Андрею предстоял очередной бой. Однако ближе к вечеру, когда на позициях вовсю шли приготовления к отражению атаки противника, что-то вдруг больно шевельнулось в груди. «Перед боем надо обязательно повидать мать!..» – эта мысль пришла как-то сама собой.

Всю дорогу Андрей думал о ней. С гибелью мужа и дочери надломилась она, осунулась, похудела, стала мало говорить, шамкая беззубым ртом. Смерть старшего сына добила её – одна тень осталась. Сядет в углу у печки, уставится невидящим взором перед собой, думая о чём-то, и не сразу очнётся, когда окликнешь.

Только сейчас Андрей по-настоящему осознал и прочувствовал её положение и сильно, по-сыновьи, пожалел. Ведь единственное, что теперь связывало мать с миром, был он...

Мать была на седьмом небе от счастья, но этого по ней видно не было – казалось, у неё не осталось и сил, чтобы выказывать радость. Сутулясь, она накрывала на стол. Ужинали, как обычно, молча. Мать почти не ела – всё потчевала сына...

Едва забрезжил рассвет, Андрей встал, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мать. Но та уже была на ногах. Согнувшись над печкой, она раздувала огонь. Знакомое чувство болезненной жалости кольнуло грудь, когда в зыбком свете керосиновой лампы он увидел распущенные редкие волосы матери, исхудалую, словно надломленную шею...

С неожиданной настойчивостью она стала просить сына повременить с отъездом. Андрей прекрасно понимал, как ждут его на передовой. Но внутренний голос подсказывал, что нельзя послушаться матери, которая давно ни о чём не просила. Уже совсем рассвело, а они всё ещё сидели за столом. Никогда раньше сын не был так откровенен и нежен с матерью.

«Посиди ещё, не уходи...» – шептала она сыну.

Андрей жал до отказа педаль акселератора своего грузовичка – каждая минута на

передовой была на счету. Доехав же наконец, не сразу понял слов старшины, который как-то виновато-исподлобья сказал, что загружаться не надо – ребята сами как-нибудь управятся...

Андрей долго не мог прийти в себя, когда наконец дошло до него, что пока он мчался по ухабистым просёлкам к позициям, там, дома, не стало его матери...

1995 год

Сестричка

Шум шагов в коридоре оторвал Артура Мартиросяна от книги. Приподнявшись на локте, он устремил взгляд в светлый дверной проём госпитальной палаты. Нет, это оказалась не она, а всего лишь медсестра соседнего отделения. Хотя по подсчётам Артура сегодня как раз ЕЁ дежурство.

«Ну вот опять, все мысли об одном и том же», – Мартиросян понял, что теперь ему уже не до чтения, отложил книгу на тумбочку.

Вот уже третья неделя, как боец попал сюда с ранением, а эта сестричка никак не выходит у него из головы. Вздёрнутый и оттого чуть смешной носик, губы с припухлинкой, а глаза – точно две небесные слезинки. Не раз Артур мысленно разговаривал с этими глазами. А в действительности почему-то всё никак не получалось – он робел при её появлении. Ну а она, по крайней мере, так казалось Артуру, держалась с ним, подчёркнуто сухо и официально – не так, как с другими ребятами палаты. А когда парень пытался поймать её взгляд, она тут же отводила глаза.

Обидно: надо же было этому злосчастному осколку угодить прямо в чашку – ни встать, ни сесть... Ничего, главное – не падать духом! Надо что-то предпринять...

За мыслями Мартиросян не заметил появления дежурной медсестры. Это была Наташа.

Весёлая и озорная, как молодое деревце по весне, сестричка мигом развеяла мрачную унылость, которая так характерна для всякого лечебного учреждения.

– Так, ребятки, будем температуру мерить. Давайте, разбирайте термометры, – будто свежим ветерком прозвенел её голос.

Когда Наташа протянула градусник Артуру, он задержал ладонь её в своей руке. Их взгляды встретились.

– Наташа, – обратился Артур, – понимаете, у меня нога в гипсе, а мне очень нужны цветы. Там, – Мартиросян показал в сторону окна, – за дорогой – цветочный магазин, вы знаете. Купите мне, пожалуйста, букет... Мне его надо подарить одной девушке. – Артур полез в тумбочку за деньгами.

Ладонь Наташи выскользнула из горячей солдатской руки. На небесные слезинки набежали тучи.

– Букет, цветы?! – переспросила она чуть дрогнувшим голосом, поджав кончики губ, как это делает обиженный ребёнок.

– А впрочем, мне не трудно. Чего уж там, – девушка опустила глаза и уже привычным для Мартиросяна тоном сухо добавила: – Схожу после завтрака, не останется ваша девушка без цветов.

Но ни после завтрака, ни после обеда Наташа в палату не зашла. И только после «тихого часа» она появилась с букетом алых гвоздик.

– Вот, – протянула она цветы Мартиросяну. – В магазинчике ничего подходящего не было. Пришлось во время перерыва сбегать на рынок. Может, только поздно уже и ваша девушка ушла, не дождавшись. Но я, правда же, хотела как лучше.

– Наташенька, да куда она не ушла, не беспокойтесь. Ведь эти цветы для... вас.

– Для меня? – лицо Наташи стало пунцовым.

Часто-часто заморгал огромными ресницами, девушка бросала недоумённый взгляд то в одну, то в другую сторону, словно стыдясь наблюдавших за этой сценой парней.

– Ой, что это я стою, цветы же надо в воду поставить, – нашлась она и, бросив тёплый взгляд на Артура, поспешила к двери.

А перед глазами бойца ещё долго стоял свет небесных слезинок. Уже без всякого следа от серых туч.

Затравленная птица

При воспоминании об этом эпизоде у Арена слёзы наворачиваются на глаза...

Дело было на позициях. Стояла необычная для прифронтовой зоны тишина. На засыпающие холмистые окрестности опускались сумерки. Выставив дозор, ребята легли отдохнуть.

Сквозь неглубокий сон Арен услышал странное дребезжание, доносившееся откуда-то сверху. Он открыл глаза и вскинул голову. Со скудной кроны дикой яблони что-то капнуло на лицо. Вцепившись когтями в ветку, истекающая кровью птица пыталась удержаться на дереве, отчаянно хлопая крыльями. Бронзовый колокольчик звенел на её лапе.

Арен потянулся к птице. Непокорный беркутёнок насквозь пронзил острым когтем его ладонь. Боец молча снёс «обиду», перевязав себе и птице раны. Беркут покорился новому хозяину.

Загадочное появление птицы Арен объяснял так: по всей видимости, прежние хозяева выдрессированной, но своенравной и гордой боевой птицы чем-то не угодили ей, и в отместку она переметнулась в противоположный стан. Раненная догнавшей её пулей птица-перебежчик всё-таки долетела, предупредив своим появлением о близости противника. Через полчаса вражеская техника и многочисленная пехота попытались ворваться в село. Благодаря неожиданному гостю ребята избежали лишних жертв.

С тех пор человек и беркут стали неразлучными друзьями, вместе пробирались по суровым тропам войны, деля скромный солдатский пай и беспокойный отдых, пока однажды Арен не забрал его с собой домой в город в краткосрочный отпуск.

Воспользовавшись недолгой отлучкой хозяина, птица, видимо, пожелавшая разведать незнакомую ей местность, выбралась через форточку во двор и была затравлена местной пацанвой собаками. Отчаянно сопротивлялся беркутёнок, но силы были неравны... Опьянённых от первой крови собак всё больше охватывала жажда разорвать птицу...

Арен едва сдерживал себя, чтобы не разрыдаться, собирая по всему двору окровавленные перья. Он похоронил их вместе с растерзанным тельцем...

Впоследствии Арен, человек склонный к рефлексии, часто вспоминал птицу-друга: его воображение живо рисовало неравную жестокую схватку, без правил и намёка на честь и благородство, с остервенелым противником. От этого щемило под ложечкой, заглушая боль от трёх ран, полученных на войне.

Бывали моменты, когда он чувствовал самого себя затравленным жизнью и обстоятельствами, и чувство безысходности без видимой конкретной причины охватывало его. Война и неопределённость будущего истерзали его нервы, исподволь опустошили изнутри. В душе образовался некий всезасасывающий свищ – в нём бесследно исчезали нормальные человеческие чувства, побуждения, надежды...

Война кончилась, однако боль души и растерзанной памяти у многих осталась навсегда. Это боль памяти тех, кто пережил своих друзей, кто под шквалом огня волочил их – и раненых и, увы, мёртвых. Эта боль мучает долго, до конца жизни.

Не скрашивает воспоминаний и то, что война закончилась победой. Ведь война – явление, противоречащее человеческой сути...

Ночь на посту

...Ночью стреляем без предупреждения: хотя разделительная полоса заминирована и сторонам дана установка «не воевать», возможность диверсионных вылазок не исключается. Впрочем, почти во всех случаях тревога оказывается ложной – на посты забредают животные: косули, дикие козы, реже – медведь.

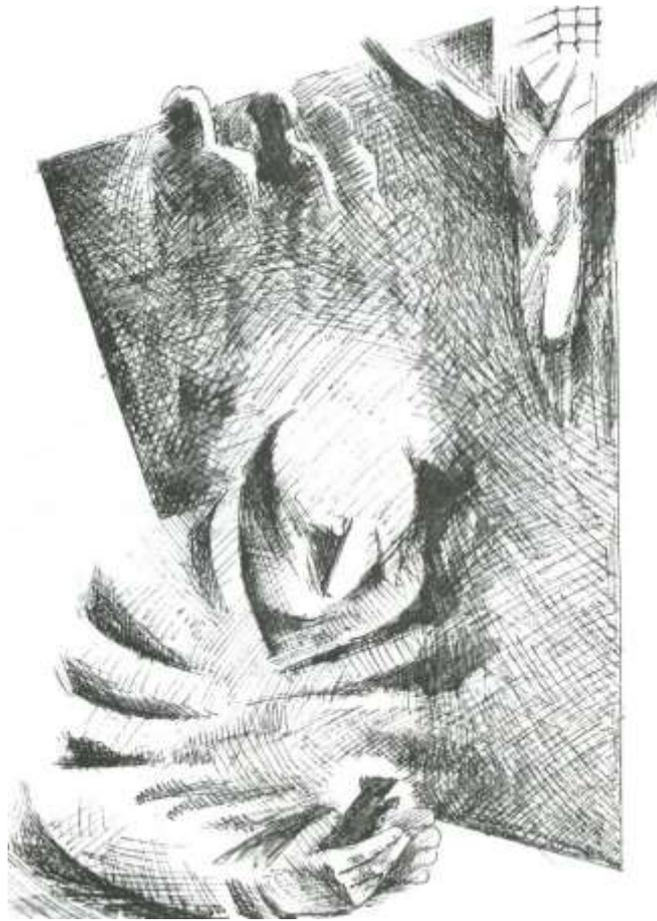
Ночь на посту – время... философское. Не только предельного напряжения, физического и душевного, требует она, но и настраивает на извечные размышления о Боге, человеке во времени и пространстве, о жизни и смерти... Изучая долгими ночами звёздное небо, часто видишь падающую звезду и думаешь, что звёзды, как всё живущее, не вечны и что они, выполнив свою миссию, уступят место другим. Умирая, звёзды падают вниз. Люди же возносятся – наверное, чтобы жить дальше, в другом измерении, в другом качестве... И быть может, это качество для нас конкретно определяется сегодня здесь, на этом горном посту, и зависит от того, насколько мы будем просты и откровенны в отношении друг с другом, насколько будем преданы своей земле, народу, семье – тем высшим идеалам, ради которых лучшие из нас готовы пожертвовать и жизнью...

Ночь продолжалась. Мы с Тиграном Багдасаряном напряжённо вслушиваемся в тишину. Фактически мы – на краю света, на краю земли, вернее, на краю своей земли. Впереди – пропасть, как в прямом, так и в переносном смысле. На той стороне такие же вооружённые люди, ставшие по воле судьбы и случая нашими кровными врагами. Ступив на тропу войны, мы готовы без раздумья и предупреждения стрелять друг в друга. Хотя по большому счёту человек человеку, наверное, всё-таки – не волк, и во всём, в данном случае, виновата война. Это она разводит людей по разные стороны баррикад, часто не спрашивая фамилию и национальность. И всякое ещё может случиться: невидимая ленточка хрупкого перемирия – это далеко ещё не пограничные столбы, вкопанные в землю и скреплённые надёжным, долговременным договором...

Спереди раздался отчётливый треск, разом прервав все мысли. Мы с Тиграном переглянулись и, выждав определённую паузу, открыли огонь – ночью стреляем без предупреждения. Невидимый враг заметался, о чём свидетельствовал беспорядочный шум опавших листьев и веток, неожиданно выскочил прямо на нас. Косуля! Она была метрах в пяти-шести. Не хотелось лишать жизни Божью тварь, но товарищи не поняли бы меня, моего бездействия – придётся стрелять... Не целясь, нажимаю на курок – осечка!.. Такое случается нечасто. Зверь скрывается в темноте ущелья – значит, на то была воля Божья.

Ночь на посту продолжалась...

1996 год

Чужой счёт

(рассказ написан на основе дневниковых записей арестанта)

Глава 1 В «темнице»

Где-то снаружи возилась мышь. Узник ловил себя на мысли, что почти с нетерпением ожидает приближения полуночи, когда всё вокруг затихает и отчётливее становятся писк и царапанья зверька. Он давно уже пытался заманить грызуна к себе, привязывая к нитке кроху хлеба и проталкивая её в щель между дверью и полом. Лелея надежду на удачу, Вадим даже придумал ему имя – Чико.

На четвёртые сутки повезло наконец. Заключённый был на седьмом небе от счастья, бережно сжимая в кулаке тёплое пушистое тельце. Он поселил зверька во внутреннем кармане куртки, делясь с ним скудным тюремным пайком – кусочком хлеба и кружкой воды. Общение с Чико, самым родным в эти минуты существом, помогало Вадиму коротать время, которое, кажется, само было узником в этом странном жилище и лишь поневоле, вяло хныча, выполняло свой долг, потому что рядом поселили человека, срок которого должен непременно отсчитываться...

Сам карцер, которым пугают заключённого в любой тюрьме, просторнее и гуманнее «темницы»: в нём имеется лежанка, на которой разрешается отдыхать несколько часов в сутки. В «темнице» же – явной фантазии местных тюремщиков – человека лишали и этого удовольствия: почти квадратный метр сырого и вонючего бетона. Раньше здесь была уборная. Заткнули дыру ветошью – готово жильё, гуляй, арестантская душа!

Из помещения, где располагаются надзиратели, доносится монотонное бормотание телевизора. Это ещё больше угнетает заключённого, подчеркивая его отверженность и оторванность от внешнего мира, от родного города, который начинается сразу же за порогом тюрьмы, но кажется теперь таким далёким и недоступным. Отбывающий срок с томительной страстностью ждёт наступления тех пяти-десяти минут, которые даются в этой страшной «тюрьме в тюрьме» три раза в сутки на выход, чтобы подышать в тюремном дворе воздухом, кажущимся по сравнению с «темничным» воздухом свободы.

Впервые в жизни Вадиму приходилось спать стоя, прислонившись к облезлой, изъеденной сыростью стене. Даже лечь калачиком было нельзя – вмиг отморозишь почки. Внутри тихой холодной волной двигалась какая-то непонятная дрожь – от пятки до макушки головы и обратно, заставляя время от времени содрогаться всем телом. В этом необычном, полудремотно-лихорадочном состоянии и сны снились необычные и странные. Один из них повторялся чуть ли не каждый день – двое, лиц которых во тьме не разобрать, выводят его из мрачного обиталища, ведут непонятно куда, в темноту, ещё более густую, чем внутри...

Узник открывал глаза, но сон, казалось, продолжался: кругом была другая, непроглядная и сырая тьма холодной «темницы».

Глава 2

«Не верь, не бойся, не проси»

На восьмые сутки дверь «темницы» отворилась с ржавым скрипом не в обычный, определённый для выхода час. Вадима перевели в общую камеру.

«Камера как камера – сырой бетон, холодное железо коек, колотун собачий, – писал в своём тюремном дневничке арестант (он завёл себе такую привычку невольно – записи помогали вернее разбираться в калейдоскопе новых ощущений и чувств в изоляторе временного содержания). – Спасает сравнение с Арктикой, где проходил службу в армии: «Арктика, ты проклята богами, твои снега из вечной мерзлоты...» От сознания того, что где-то на свете ещё хуже, кажется, становится теплее...

Настроение гадкое, кусачее. Самочувствие бодрое, жрать неохота. Решил есть только хлеб, «баланду» отдаю Эдику, по кличке Бамбук.

Эдик – тяжёлый случай!.. Это – сорокачетырёхлетний малый, выглядит на шестнадцать, а жрёт как мамонт. Мозги десятилетнего, хотя уже дедушка, имеет внука. Таких называют «умный дурак», сидит второй месяц, искренне не зная за что... Бамбук, одним словом, на всю жизнь. На орехи, не удивительно, таким достаётся больше всех. Они – «козлы отпущения», вечный предмет приколов. У них почти совершенно атрофирована способность переживать, не щепетильны они ни в чём, не имеют, так сказать, собственного жизненного кредо. Сами себя они не уважают, их едва хватает на то, чтобы жалеть себя. Глядя на Эдика, лишний раз убеждаешься в разумности принципа: «Не верь, не бойся, не проси».

Впрочем, таким, как Эдик, даже легче. Они не голодают даже тогда, когда другие в это время готовы из-за жратвы друг другу горло перегрызть. Правда, халяву потом приходится отрабатывать, оказывая «благодетелю», пожертвовавшему своей долей, различные услуги. И в этом они ничего зазорного не находят.

У Эдика маленькие, вороватые, вечно бегающие, словно ищущие, откуда угрожает опасность, глаза... А опасность в виде насмешек, издевательств, угроз и нередко побоев не заставляет таких себя ждать»...

– Эй, Бамбук, иди сюда! – подскочив и сев на кровати, нечеловечески рывкнул доселе не подававший признаков жизни Жора, прозванный на «зоне» Чёрным за смуглое лицо, цвета сажи волосы и брови. Видимо, давно уже он притворялся, что спит, подслушивая сокамерников. В Чёрном Вадим подозревал тюремного агента, «сетку»,

который должен был неофициально следить за настроением умов в камере, выведывая у сокамерников «сокровенное». Эдик безропотно подошёл.

– Сделай мне массаж!

Бамбук стал щипать заученными движениями Чёрному шею и спину.

– Ты что, падла, не ел с утра?! Жёстче давай!

Эдик старался как мог, вспотев от напряжения. Однако Чёрный неожиданно повернулся и въехал кулаком ему в лицо. Бамбук упал, распластавшись на полу.

– А ну встал!.. Или ты хочешь, чтобы я тебе череп разможил!

– Оставь его в покое! – дописав что-то в блокнот, с негромкой внятностью произнёс Вадим.

Чёрный зло посмотрел на Вадима, подался всем корпусом вперёд, морща с неестественным напряжением лоб у переносицы и превращая своё мясистое лицо в маску агрессии.

– Следак, ты что нюх потерял?!

– Это легавому не положено нюх терять. Ты должен знать это, урод!

Застывшие морщины Чёрного расслабились, и что-то жалкое шевельнулось на его выпукло-низком лбу от недвусмысленного намёка Вадима.

Он подпрыгнул к койке Вадима, собираясь ударить его, но не успел замахнуться сжатой в кулак рукой, сам получив удар ногой по шее. На шум дверь камеры отворилась, и надзиратель крикнул с порога:

– Встать, смирно!

И хотя команда главным образом относилась к Вадиму, Эдик-Бамбук немедленно вытянулся во весь рост, опустив, как положено, руки по швам, но подбородка не поднял и стал очень похож на провинившегося ученика. Трое других – Гена, Слава и Арман – привстали.

– Вольно! – Вадим, к изумлению всех, «отменил» команду вертухая*. Камера замерла в ожидании дальнейшего развития событий.

– Ты не задавайся, «прокурорчик», небось судеб немало сломал, крови людской попить успел! За что залетел-то, жадность что ли сгубила?.. – надзиратель было двинулся в сторону арестанта, но был остановлен его презрительно-спокойным взглядом.

– Не угадал, – сказал Вадим, усмехнувшись.

– Не строй из себя праведника. Все вы, «законники», такие правильные, пока в угол не загонят.

Вадим прекрасно понимал, что после «темницы» ничего хорошего не предвидится и решил горячки не пороть. Но и в обиду давать себя было не в его правилах.

– Ладно, пасть закрой, у тебя изо рта воняет, – бросил он.

Вертухай понял, что не на того напал, и ушёл, пригрозив устроить Вадиму карцер.

Чёрный же злость свою стал вымещать на Бамбуке. За «неточное выполнение команды» и неопрятный внешний вид он отправил худющего и сопливого дедушку отбывать наказание в «карцер», придуманный ради забавы самими заключёнными – стоять босиком на параше** в углу камеры. Постоял Бамбук с полчаса на толчке – снята напряжённость: и овцы целы и волки сыты.

Глава 3 «Зарядка»

Утром, как водится в местах массового принуждения, – на зарядку. Формально – для поддержания бодрости тела и духа, реально – для подчеркивания коллективной зависимости подневольных.

Не обошлось без ЧП, тюрьма без них – не тюрьма. Старший по званию из надзора, известный в ИВС как «мастер спорта по боксу», вдобавок и «чемпион республики» –

самодовольный молодчик и, скорее, самозванец, вывел из строя тщедушного мужичка, который не успел спрятать папиросу при его появлении. Перед выстроившимися в две шеренги зэками «боксёр», как на груше, отрепетировал на лице залётчика несколько коронных своих ударов, сопровождая каждый ругательскими назиданиями.

Вадиму претила нахальная рожа надзирателя. Антипатия была взаимной: этот коренастый, с пронизывающим взглядом арестант выделялся среди других, держался гордо и независимо. Тюремщик был убеждён, что такого непременно нужно сломать. Однажды, насмешливо-зло прищурившись, «боксёр» предложил Вадиму спарринг, наверняка рассчитывая на отказ. Получив в ответ: «С удовольствием», – замялся... «Милая» улыбка спарринг-партнера вызвала у «чемпиона» нервный тик.

– Готовься! – как-то неуверенно процедив сквозь зубы, он удалился. И, кажется, о своём вызове вовсе позабыл – видимо, умные люди отсоветовали связываться.

«А жаль, – думал Вадим, вспоминая сотрясаемого ударами безропотного, хилого залётчика. – На него ушло бы не более минуты... Надо как-нибудь напомнить ему, что нельзя ударять человека во второй раз, тем более гораздо старшего по возрасту, если тот не отвечает и даже не думает об этом... Впрочем, таким неведомо чувство благородства – даже выслушать не захочет».

Для себя Вадим уже выработал своеобразную тактику выживания, а вернее, систему, которая позволяла сохранить человеческое достоинство в самых нечеловеческих условиях. Ещё в годы службы в армейском спецподразделении инструкторы учили, как не растеряться, вытерпеть, преодолеть самого себя в тех или иных экстремальных ситуациях. К примеру, чтобы не бояться боли, нужно было концентрировать внимание на яркости ощущения боли, стремиться к увеличению её до пределов, где она не воспринимается – желание большей боли способно растворить в себе непосредственно причиняемую боль. Блокиатором боли могло стать также искусственное возбуждение эмоций – ярости, ненависти к обидчику. Гораздо сложнее было «превращение» себя методами медитации в инородное, более прочное, чем человеческий материал тело: камень, железо...

Вадим каждую минуту работал над собой, готовясь к новым испытаниям. Это помогло ему вытерпеть «темницу», в которую поместили его после трёхнедельных безуспешных попыток выбить «признания».

Глава 4

Коллеги

В полдень снова вызвали на допрос. В другой ситуации они по-свойски поздоровались бы: ещё месяц назад эти двое были его коллегами, приятелями, нередко обращались за советом, поддержкой...

Удивительно, до чего податлив человеческий материал: как пластилиновых, обстоятельства и условия жизни лепят по-своему большинство людей!.. Следователей словно подменили: несмотря на внешнюю учтивость, они были самоуверенны, видимо, не в шутку считая себя «право имеющими». А допрашиваемый, сам бывший следователь военной прокуратуры, теперь был для них всего лишь подследственным. И не важно, за что пришили ему дело: маховое колесо «правосудия» уже закрутилось...

Один из следователей даже попробовал почитать что-то вроде нравоучения.

«Сегодня ты на коне, а завтра конь на тебе», – неожиданно зло подумал арестант.

Вадим отвечал своим бывшим коллегам неохотно и односложно, давая понять, что «раскручивать» его – занятие бесполезное.

«А как бы они повели себя здесь, в камере?» – Вадим невольно улыбнулся, вспомнив рассказываемый в ИВС как анекдот случай с бывшим районным судьёй. Чтобы попасть в санчасть и скостить там часть срока, горе-судья задумал перерезать себе вены. И почти решился на «самоубийство», попросив одного из сокамерников колотить в

нужный момент что есть силы в дверь, чтобы прибежал вертухай. Но, видимо, побоявшись, что сообщник подведёт или тюремщик опоздает, а он изойдёт кровью, оставил свою затею.

«Как ни крути, – думал допрашиваемый, почти не слушая следователей, – свобода – категория внутренняя: можно быть рабом в душе, занимая высокий пост и обладая почти неограниченными полномочиями, и можно оставаться свободным в душе, даже находясь за решёткой...

Сразу же после допроса отправили в карцер – угрозы надзирателя осуществились.

«Здравствуй, карцер, не дам я тебе соскучиться по мне!» – переступая порог одиночки, Вадим удивлялся своему спокойствию и какой-то апатичной готовности ко всему.

После «темницы» ночь в карцере прошла как-то легко и незаметно.

Глава 5

Без проблеска надежды

Наутро ожидал новый сюрприз – перевели в «камеру смертников».

По сравнению с карцером, это номер «люкс»: койка, матрас с одеялом, решётчатый квадрат под потолком с видом на городскую улицу. Давит лишь одно – сама атмосфера, дух камеры, скорее, искусственно нагнетаемый для постоянного держания заключённого в напряжении. Всё время мозг сверлит, пусть, быть может, и ложная мысль: «Для скольких несчастных эта камера стала последним пристанищем в жизни?..»

Тяжелее всего давалось время с десяти вечера до часу ночи, когда думы о беременной жене и больной матери, от которой поначалу всячески старались скрыть арест сына, мучали сильнее, становясь почти невыносимыми.

Вновь стал преследовать сон, который снился в «темнице»: двое без лиц вели его куда-то в непроглядную тьму, в неизвестность. Будущее расплывалось в этой тьме.

В дневнике нервно и неровно выстраивались строки: «Странно, почти у всех так мало надежд на будущее. Всё сводится к механическому счёту месяцев и годов, сменяющих друг друга. Свеча жизни сгорает, не давая света и тепла. Будущее мрачно, представляется нищим, убогим, ужасным. Где-то там, снаружи, всё будет идти своим чередом, будут происходить события, решаться мировые и личные проблемы. Здесь же, в этой затхлой среде, нет и проблеска надежды на лучшее. Одно я понял точно: существует Счёт, который непременно должен оплачиваться. Кто-то будет платить по этому Счёту, а некто при этом будет вбивать что-то ему в голову...»

Допросов и заумных бесед больше не было: заключённого решили расколоть самым древним и примитивным способом. Били остервенело, четверо в масках, резиновыми дубинками. Били куда попало: по голове, лицу, бокам, спине, животу... Этим людям казалось, что доказать наличие того, чего на самом деле не было, легче, чем признать отсутствие такового.

«Неужели нет выхода?.. Не бывает такого, ведь существует же Бог?! – мучился Вадим. – Боже, упаси меня от греха возненавидеть тебя, как ненавидишь Ты меня в эту минуту!..»

Глава 6

Страсти вокруг оружия

Пребывающий сейчас в неволе в бытность следователем военной прокуратуры в основном занимался преступлениями, связанными с оружием.

Пару месяцев назад, в застывший в августовском зное день, изредка волнуемый накатывающимся с окрестных гор ленивым ветерком, он вёл допрос в своём небольшом, по-военному необустроенном кабинете. Напротив сидел молодой человек с безразличным тусклым взглядом, выражением полнейшего равнодушия на широком щербатом лице, окаймлённом жидкой бородкой. Он умудрялся вывозить небольшими партиями оружие из воюющей республики. Он – кандидат в депутаты парламента (!) и гнуснейший, в понимании Вадима, из преступивших закон и нравственные принципы. Разумеется, за ним стояли люди, группа людей, заинтересованных в грязном бизнесе. Вадим почти уже знал, куда выведет его раскручивание клубка, кончик нити которого он держал в руках.

Вывозилось в основном трофейное оружие, которое тщательно чистилось и подкрашивалось. Механизм преступного бизнеса был чётко налажен и действовал без сбоев. Невзрачный на вид грузовичок беспрепятственно провозил оружие через таможеню (там был свой человек). В условленном месте на территории соседней республики ждали специальные люди, которые, принимая и реализовывая «товар», получали свою долю.

Война, не скрывая того, творила не только героев, но и антигероев. Таких паразитов было немного, но вред, наносимый ими истекающей кровью республике, был огромен.

Вадим не жалел себя, твёрдо намереваясь раскрутить дело на всю катушку. Суровое наказание должно было навсегда отбить охоту подобным любителям грязной наживы. При этом его не пугала перспектива наступить на чью-то «авторитетную» ногу, впасть в немилость тех, кого война и определённое стечение обстоятельств практически поставили над законом.

Сам преступник явно не боялся его. Не чувствовалось и тени раскаяния – он был развязан и нагл:

– Не трать энергии понапрасну, господин следователь. Не по зубам тебе орешек... – сверкнувший злобный огонёк на миг прорвал безжизненную тусклость его глаз.

Вадима так и подмывало врезать со всей силы в циничную рожу «продавца» Родины.

– Расколем, не таких кололи! – стараюсь быть спокойным, ответил он...

Глава 7

В поисках истины

Вадим отпустил подследственного до следующего, финального, как он предполагал, допроса и положил бумаги в сейф. Откинувшись на спинку потёртого чуть ли не до дыр кресла, он, устало прикрыв глаза, думал с негодованием: «Мыслимо ли – торгующий родиной кандидат в депутаты?! Как только жизнь, вбирая в себя столь много противоречий и контрастов, не запутывается сама в себе? Благородство и великодушные соседи соседствуют с низостью и подлостью, беззаветная храбрость и самоотверженность уживаются со шкурничеством и малодушием... Этот урод делал деньги на крови своих соотечественников, обезоруживая их перед противником, мощь которого растёт с каждым днём. Он исподволь продавал родную землю – таким нет пощады!..»

Вадим, которому едва исполнилось двадцать семь, был полон сил и честолюбия, и не случайно принципом своей работы избрал – «Закон! Невзирая на лица». От буквы закона он действительно старался не отступать, но время было необычное, военное: реалии требовали совершенно нестандартных подходов к тем или иным ситуациям.

Контингент, с которым следователь имел дело, был специфичен. В молодой республике, вынужденной защищаться, ходило много оружия, в том числе незарегистрированного. Вооружённый человек опасен и непредсказуем, а когда в силу обстоятельств он теряет контроль над собой и чувство меры, становится опасен вдвойне.

Нередко в адрес работников прокуратуры поступали угрозы – большей частью

анонимные, но однозначные и категоричные по сути своей – «в расход». Приходилось быть крайне бдительным, действовать на опережение. Не случайно сама прокуратура походила на небольшое мобильное воинское подразделение, составленное в основном из опытных бойцов.

Самому Вадиму боевитости и находчивости было не занимать. Увлечение спортом, каждодневные тренировки воспитали в нём самообладание, не изменявшее в самых сложных ситуациях. Он привык решать различные жизненные проблемы, надеясь почти исключительно на себя, старался быть предельно объективным, независимым и самостоятельным.

В то же время жизнь заставляла быть реалистом. Работа в экстремальных условиях очень скоро сняла с глаз пелену юношеских лет, в розовом цвете которой правосудие представлялось исключительно справедливым, независимым от общественно-политической конъюнктуры, давления и вмешательства извне – оно вынуждено было считаться с определёнными реалиями, а нередко и уступать им. Порой размышлялась черта между законом и чьей-то волей.

Помимо писанных законов, в жизни были и сотни неписанных правил и норм поведения. Всё в жизни перемешивалось и переплеталось, накладывалось одно на другое, объединялось, образуя где-то на время мощь и силу, и, наоборот, боролось и сталкивалось, расширялось, разрушаясь, разделяясь, расщепляясь, растворяясь, превращаясь в ничто или почти в ничто. То, что вчера казалось незыблемым, сегодня считалось малозначительным, смешным, устаревшим. Согласно этим неписанным законам миропорядка, одни погибали на фронте, другие делались генералами, одни нищали, другие становились хозяевами жизни. Победителем же часто оказывался тот, кто был циничнее, наглее и хитрее других... Всё это было пошло и несправедливо. В пароксизме отчаяния такие принципиальные и сильные духом человеческие индивидуумы, как Вадим, пытались найти, постичь истину в этом море беспорядочного неуёмного и алогичного движения.

Но истина была вне этой суеты, выше неё...

Глава 8

Подлог

В тюрьме у Вадима уже было достаточно времени, чтобы попытаться понять, каким образом зелёные купюры оказались в папке с документами в его сейфе и почему, оперативно отреагировав на анонимный звонок, бывшие коллеги даже не захотели как следует выслушать его. Всё дело в сумме: подумать только – 400 долларов! Таких денег он в жизни в руках не держал. В бюджете самой прокуратуры столько не наберётся!

Зарплата его, неплохая по меркам военного времени, едва равнялась 10 долларам, и чтобы накопить такую сумму, которая оказалась в сейфе, потребовалось бы по меньшей мере три с половиной-четыре года, да и то если на всё это время положить зубы на полку.

Как же всё-таки валюта оказалась в сейфе? Вадим вёл расследование собственного случая – за «того парня», который должен был сделать это, прежде чем отправить его за решётку.

Версию о том, что в его отсутствие кто-то чужой мог проникнуть в кабинет и открыть сейф некой универсальной отмычкой, он отверг – прокуратура круглосуточно и хорошо охранялась. «Может, подкупили кого-то из своих?.. Вряд ли...» – гадал Вадим.

Внезапная догадка отозвалась болью в области сердца. «Как можно было так опростоволоситься – с этим гадом нужно было быть всегда начеку!..» Да, деньги, улучив момент, подложили во время допроса. И сделал это щербатый: у него и его друзей такая сумма, без сомнения, водилась. Просто нужно было отвлечь «не в меру» энергичного следователя от дела и вывести его, хотя бы на время, из игры.

Не подозревая того, Вадим собственноручно положил себе в сейф «компромат», притаившийся в толстой папке среди рабочих бумаг на столе.

И нашлись же горе-коллеги, которые клюнули на это и с энергией, достойной лучшего применения, взялись, не мудрствуя лукаво, доказывать наличие несуществующей «взятки».

Эпилог

Бог, к которому узник взывал в минуты отчаяния, существовал и видел всё, что творилось под ним. И в происходящем меньше всего была Его вина: внизу, на земле, человечество было заражено вирусом зла, алчности и недоверия. Человек жить не мог, не умел без того, чтобы доказывать «ближнему» своему что-либо силой, добиваться чего-то ложью и обманом.

Не замечая трагедии отдельного, конкретного человека, человечество в целом не хотело остановиться, одуматься, признать фальшивость и призрачность выбранных ориентиров и целей, осознать своё истинное предназначение и возвратиться к Богу.

Бог видел всё это и всячески внушал людям, что реальность, когда его, Божья истина предстанет во всей своей наготе и величии, наступит непременно – у каждого в своё время. И что выдержавшего натиск времени, претерпевшего и не растерявшего попусту себя в суете жизни и времени, ожидает достойное вознаграждение...

Подходил к концу шестой месяц пребывания в изоляторе временного содержания. «Признания» о получении взятки не было: следователи давно уже оставили Вадима в покое, тюремщики прониклись к нему уважением, помогали кто-чем мог, предлагая горячий чай, сигареты.

Несмотря на небывало суровую зиму, весна 95-го пришла в город по календарю. Паводком разлилась по улицам, прежде цвета «хаки», совсем по-мирному разноцветная толпа (война, кажется, шла на убыль, а фронт удалялся от города). Расцвели в улыбке лица людей, после страданий в полутьме сырых подвалов наконец увидевших свет Божий, вдохнувших полной грудью.

Вадим наблюдал всё это через решётчатый квадрат и радовался безотчётно за «ближних своих» – этих искусственно отдалённых от него людей. Всё было как многие годы назад, как в мечте, мечте о мире. «Счастье – это, наверное, жить там, где никогда не бывает войн», – думал он...

Всему на земле предопределён свой срок. Исчерпал себя и срок, который определили сами люди себе же подобному, чтобы доказать что-то ему и самим же себе.

Покидая своё мрачное обиталище, Вадим улыбнулся, сам не зная чему. Кругом было светло, тепло, просторно, шумно. Всё дышало настоящей жизнью и, казалось, было наполнено особым смыслом. С непривычки кружилась голова...

Примечания:

Вертухай* – на криминальном жаргоне – надзиратель, караульный.

Параша** – на криминальном жаргоне – сосуд для испражнений в тюремной камере, подсоединённый к канализации, туалет. Параша в тюрьме считается символическим местом. Около параша располагаются шконки опущенных.

1999 год

Агония

В палате онкологической больницы свет горел до самого утра, словно для того, чтобы подчеркнуть крайнюю уродливость облупившихся, заплесневелых стен и потолка.

У постели умирающей сидели двое. Он держал прозрачную руку женщины, которая приходилась ей тётёй, не давая пальцам, пока ещё на удивление сильным, сжаться, чтобы не мешать работать капельнице, безуспешно пытающейся через едва обозначающиеся вены влить жизнь в угасающий организм. Она же, истощённая за неделю круглосуточного ухода за матерью физически и душевно, тихо причитала, уже смирившись с неизбежностью смерти.

Умирающей было 65 лет. Борясь со смертью, женщина с шумом хватала ртом воздух и тяжело выдыхала его. Что-то изнутри, видимо, изгрызало её, причиняя ужасную боль – каждые 3-4 минуты умирающая издавала резкий стон. Они пытались заговорить с ней, звали её, но женщина уже не отвечала. Каменная маска смерти постепенно покрывала лицо, сквозь полуоткрытую щель глаз смотрели неподвижные стеклянные зрачки.

Шёл третий час. Свежесть ночи приправлялась холодным дыханием смерти. Но смерть не спешила забирать душу, словно наслаждаясь агонией. Она невидимо стояла у изголовья женщины, терпеливо ожидая своего часа.

Вдруг умирающая слабо чихнула. Потом ещё и ещё раз. Проблеск надежды?! Дочь сказала, что это повторится ровно десять раз. Действительно, умирающая чихнула ровно десять раз. Привычка сильнее человека и не изменяет ему даже в экстремальных ситуациях.

Врача не было. Ему позвонили, предупредив, что пациент умирает. Он обещал прийти лишь к утру, наказав дежурной медсестре сделать укол и следить за капельницей.

Медсестра входила каждые полчаса, делала с меланхоличным видом то, что назначил врач, и, прождав ради приличия минут пять, уходила к себе в соседнюю комнату – подремать. Потом снова приходила, смотрела как по прозрачной жиле капельницы, похожей на человеческую, течёт неторопливая жидкость, трогала и поправляла стойку и саму капельницу... Он глядел вслед уходящей сутуловатой медсестре и думал, как трудно работать в этом мрачном переправочном пункте из жизни в смерть и как тяжело умирать в царстве здесь холоде и безнадёжности.

– Хорошо, что ты рядом... – прошептала ему двоюродная сестра. – Иначе я выбросилась бы в окно...

Он не ответил, продолжая сжимать в своей ладони уже сдающуюся руку. На соседних койках лежали ещё трое больных – старушкам было уже за семьдесят. Практически их ждала та же участь – просто, жизнь их, а вернее, смерть, была растянута во времени. Словно понимая это, они продолжали спать, делая вид, что не замечают присутствия в палате смерти и человеческого страдания. И лишь старушка напротив проявила участие в происходящем, подвинувшись и пригласив сходящую с ума дочь умирающей прикорнуть у себя на койке.

Он держал руку, из которой почти уже вышла жизнь, и вместо крови (умирающая страдала лейкемией) текла жидкость, выдавливаемая капельницей из себя. Эта маленькая, невесомая рука неизменно дарила окружающим радость и тепло, не уставая и не оскудевая никогда... Теперь смерть заявляла своё право на эту заботливую и любящую руку, и она медленно уступала ей.

«Отчего с такой болью разрываются невидимые нити, связывающие человека с жизнью, и почему так жестоко обходится напоследок жизнь с людьми, в которых сама жила на протяжении десятилетий? Разве она, эта добрая и безобидная женщина, заслуживает таких странных и ужасных мучений, – он держал безвольную руку умирающей в своей крепкой ладони и пытался понять, в чём секрет силы жизни, где берёт своё начало эта сила и куда уходит. – Почему человек не остаётся вечно молодым и сильным на протяжении всей отпущенной ему жизни?.. Ведь чем взрослее человек, тем

беззащитней он перед жизнью. И не было бы разумнее, если бы дожив до сорока, люди умирали, а вернее, исчезали или растворялись в воздухе в расцвете сил и здоровья, чтобы никто не стал свидетелем их агонии, беззащитности, стыда и унижения перед смертью. Ведь в такие минуты сама жизнь кажется жалкой и бессмысленной...»

Когда забрезжил рассвет, подошли и другие родственники. Он вышел на больничный двор и закурил.

«Странная вещь – смерть... Как можно вдруг перестать быть хозяином своих ощущений, чувств и переживаний?.. Не владеть каждым движением тела и души... Не быть хозяином самого себя, своего естества... Не чувствовать более себя, отречься от себя, того не желая... Превратиться в ничто – навеки раствориться в великом Ничто... Лишиться даже такого вот маленького и странного удовольствия, как потягивать эту дурно пахнущую, дрянную сигаретку... Это непонятно и ужасно...» – думал он, стараясь не слышать стенаний, доносящихся сверху.

Смерть, забрав своё, ушла. На душе оставались пустота, обида и какая-то невысказанность.

2001 год

Одиночество, или Разбитое зеркало

Почувствовав внезапную слабость в членах, Он опустился на диванчик напротив трюмо. В глубине изрядно запылившегося зеркала отражался крайне худой и заросший субъект. Сейчас, в минуту недомогания, Он ощутил себя как никогда одиноким – покинутым, обманутым, стёртым...

А ведь Он так торопился жить, страстно продвигаясь к цели и предвкушая с замиранием сердца, что вот-вот будет признан наконец и, купаясь в лучах собственной славы, станет великодушно дарить окружающим тепло и радость!.. В действительности всё оказалось не так.

Теперь, в неполные свои тридцать пять, Он пришёл к выводу, что в погоне за недостижимым растратил почти всего себя. Слава, лишь коснувшись своим невесомым крылом, ускользнула, оставив после себя обманчивую розовую дымку. Окружающие же не поняли и не простили Ему «вечного его желания отличиться». Когда Его покинула и женщина, обещавшая стать спутницей жизни и делить с ним все горести и радости, что-то вдруг сломалось внутри. Он пристрастился к спиртному, и опасная трясина медленно засосала его. Вино давало лишь временное облегчение, а отрезвление бывало страшно болезненным... Он чувствовал себя живым трупом, не нужным никому и, что ужаснее всего, самому себе...

Оправившись от внезапного недомогания, Он поднял голову и только тут заметил, что субъект в зеркале, который по идее должен был быть его отражением, не полулежит, как он, безвольно развалившись, а стоит, непринуждённо облокотившись на спинку диванчика. «Это не я!» – лихорадочно пронеслось в голове. Он протёр глаза и даже ущипнул себя, как это водится, чтобы убедиться, что не бредит. Но Отражение продолжало стоять в прежней позе, и лишь, как показалось ему, скривило губы в ироничную складку.

– Нет, это не я... – произнёс Он вслух, резко оглянувшись назад – не стоит ли кто там?

– Верно, это не ты... Более того, отныне я твой антипод, – послышалось в ответ из зеркала. – Прости, но я страшно устал и отказываюсь далее служить тебе.

– Ты чего?! Присядь, успокойся, – не сразу Он пришёл в себя. – Ты же всегда был таким тихим и послушным.

Отражение усмехнулось, не скрывая презрения и отвращения:

– Что ты прокис? Встань, встряхнись, предприми что-нибудь... Фу, глядеть на тебя тошно!

– Да пошёл ты – тоже мне советчик! – Он решил показать, что не боится странного субъекта (да и было бы нелепо и глупо пугаться собственного отражения).

Отражение надменно вытянулось:

– Ты ли это? Я поражаюсь твоей апатии и безволию... А помнишь каким самонадеянным, твёрдым и целеустремленным был? Как отстаивал свою правду и вопреки всему стремился оставаться самим собой?... Да, за это тебя часто били. Но как я тогда, весь помятый и в синяках, гордился и восхищался тобой!

– И что же? Армия врагов и тайных недоброжелателей день ото дня росла. Чёрная зависть и ненависть горели в их сердцах, они с упоением ждали минуты, когда я поскользнусь наконец, споткнусь и упаду, чтобы позлорадствовать вдоволь, почитать нравоучений о том, что я не так понимаю жизнь и неправильно живу... С годами становилось всё труднее бороться с ними, и я, пусть и запоздало, сделал для себя одно открытие – не надо суетиться и пытаться обогнать всех. Себя-то не обойдёшь! А будешь очень спешить, наоборот, отстанешь от всех: не лавров победителя удостоишься, а окажешься в полной изоляции – ведь люди не прощают успехов ближнему своему. И тогда придётся бежать обратно к ним, «обойдённым» тобою, и сдать им на милость...

– Но ведь и теперь ты в полном одиночестве, – Отражение не сдавалось. – От тебя отвернулись все друзья и женщина, которая любила тебя. Это теперь ты даёшь повод потешаться над своей слабостью. Ты напоминаешь страуса, прячущего в минуту опасности голову в песок и оголяющего тылы...

Он тяжело отдышался, поёрзал на своём ложе, пытаясь удобнее устроиться. Затем последовала настоящая тирада:

– Друг мой, для того, чтобы человеческое стадо признало тебя, нужно всячески потакать ему и лицемерить. Унижаться перед сильными, чтобы не затоптали они тебя, и «терпеть» слабых, чтобы не озлобились на тебя и не ставили исподтишка палок в колёса. Только так можно выжить и преуспеть. Но ради чего, спрашивается?... Ведь сама жизнь – бессмысленная борьба с предсказуемым и одинаковым для всех финалом. Вот потому я и лёг в дрейф... Что касается друзей, то они суетливы и причиняют одни неудобства. Многие искали со мной дружбы большей частью из корысти.

Ведь дружба обычно – подсознательный расчёт, а бескорыстный друг – уникальная редкость в природе... И женщина, которую ты имеешь в виду, любила меня, как это ни горько сознавать, из себялюбия и честолюбия. Она рассчитывала, уцепившись за меня, въехать в светлое и обеспеченное будущее. Но когда поняла, что я не птица высокого полёта, не орёл, а всего лишь «белая ворона», ушла без оглядки. Упорхнула... А я, дурак, любил её по-настоящему, как мог...

– И что теперь, философ, ты доволен своей изолированностью от всех и всего, или и теперь хочешь всего-навсего отличиться?... Понимаю, у тебя критический период – психологи называют твой возраст переходным: «кризис среднего возраста» и всё такое... Но ведь для большинства – это этап для перехода в новое качество, трамплин для взлёта. Многие выходят из него окрепшими и умудрёнными. Ты же трусливо бежишь от жизни...

– Все мы одиноки в этом мире, и каждый в своё время приходит к пониманию этого. Кого-то такое открытие вышибает из колеи, а кто-то воспринимает его как некое избавление. Согласись, противостоять звериному напору толпы можно только

самоизоляции...

– Не рано ли хоронишь себя? Оглянись вокруг – многие добиваются своего, беря от жизни то, что им нужно. Чем ты хуже других? Ты притворяешься, а внутри тебя сдает чувство обиды и бессилия – мне ли, твоему отражению, не знать этого? А ведь ты мечтал стать великим человеком, знаменитым литератором...

– Всё это ребячество – игра не стоила свеч. – Он тускло улыбнулся. – «Любви, надежды, тихой славы, недолго тешил нас обман...» – сетовал сам Пушкин... Я завяз в собственных мечтах, а сладостные надежды так и остались таковыми. Мечтать – это всё равно, что разглядывать себя в кривом зеркале. Позировать и кокетничать перед кривым зеркалом жизни, которое тихонько посмеивается над твоими жалкими потугами и наивностью. И редко у кого хватает ума и мужества разбить его без сожаления.

– Но ты был всего в двух шагах от своей мечты... Тебе пророчили блестящее будущее, сам же ты сиял от счастья и работал денно-нощно, чтобы увеличить это счастье. Что же теперь случилось с тобой? Почему ты плюёшь в собственный колодец?

– Самая великая ошибка молодости – стремление установить абсолютную власть над материальным, с которым соприкасаемся. В юности нам, полным энергии и самоуверенности, окружающее кажется незыблемым и вечным. Мы пытаемся материализовать саму мечту и ради благ мира готовы без раздумий броситься в ненасытную толпу, топтать ближних своих. Однако с годами начинаем постепенно сдавать. Рано или поздно корабль нашей жизни терпит крушение, разбившись о рифы и предательские мели, и мы, слабые и изнурённые, отдаёмся целиком воле течения. Счастливы те, кого добрая волна приводит в редкую тихую гавань того суетного и сумбурного, что называется жизнью. Здесь, вдали от мирского шума, начинаешь переосмысливать и по-настоящему понимать суть происходящего. Оставшись наедине с собой, занимаешься самоустроением, а вернее, самоотстранением. Ты уже не помыкаем страстью, а душа принадлежит только тебе, и никто не лезет в неё. Для самодостаточных людей одиночество не страшно – в одиночестве они лишь обретают свободу. Свободу покоя! Однако, не все могут понять величия покоя, когда внутри у тебя больше ничего не болит, когда не хочется больше барахтаться и делать суетные движения, чтобы остаться на волне беспокойного моря жизни...

Отражение прервало очередную Его тираду:

– Позволь сделать одно едкое, но справедливое замечание – не в тихую гавань ты заплыл, а сбился с курса. Ты, второй месяц пьющий горькую, считаешь себя свободным? Ты, и часа не обходящийся без вина и пытающийся утолить им тоску по несбывшемуся, называешь себя самодостаточным? Ты всего-навсего резонёр, ушедший в мир иллюзий. И не оттого ли у тебя ничего не болит, что внутри у тебя всё умирает?..

– Как это ни странно, но порой мы достигаем того, о чём мечтали. Однако, поверь, одинаково несчастливы и те, чьим стремлениям не суждено сбыться, и те, кому удалось добиться чего-то. Потому что на пути к своей мечте мы губим в себе много естественных и хороших человеческих качеств. И очень часто свершившаяся мечта – убитая мечта, совсем не то, что мы воображали. А между удачей и неудачей нередко стоит знак равенства... Помнишь первые мои несчастные стишки? Какими чистыми и наивными они были! В этом и была их сила. Но они лишь забавляли закорюченную публику. А когда я нашёл, как мне показалось, правду и стал в открытую говорить её, она была воспринята в штыки. Общество недвусмысленно давало понять, что правда моя ему не нужна и не вписывается в тот застоявшийся уклад жизни, который оно создало для своего удобства. «Не смей!» – кричали мне на каждом шагу. И чем дальше, тем больше приходилось наткаться на непробиваемую стену условностей, которой окружили себя все ячейки общества, в том числе так называемая «литературная элита» из выживших из ума старичков – в целях собственной же защиты... Но сейчас я свободен, потому что изжил жажду славы и признания. Я больше не раб тщеславия и успеха!..

– Значит, и правда тебе больше не нужна? – Отражение иронично усмехнулось.

– Что правда? Где она обитает и как её искать? Не в воображении ли она только и существует?.. Зачем растрчивать жизнь в бессмысленных попытках поймать призраков? Ведь, согласишься, я хотел объять необъятное. А теперь вконец выдохся: перо валится у меня из рук, а Музы посещают всё реже и реже. И слава Богу! Поэзия – тщетные потуги. Ведь даже если порой удастся искусно облечь в слова тончайшие душевные движения и порывы, то многие ли оценят это по достоинству. Большинству людей поэзия органически чужда – массы не воспринимают и не приемлют прекрасного, если оно абстрактно и не принадлежит им исключительно и целиком... Зачем же тогда метать бисер перед свиньями?

– Но ведь ты опускаешься на глазах, и вино, как ржа железо, изъедет вскоре всю твою душу – такую недоступную и непонятную, как ты пытаешься доказать, для других... В тебе борются два человека – человек возвышенный и раб подлых страстей. Последний, увы, всё чаще берёт верх... И что это за жизнь – пьёшь напропалую целую неделю, чтобы затем надолго свалиться в постель, а придя в чувство, снова приняться за старое – дурманить себя. Погляди на себя – весь обцетинился, плечи отвисли, а голову ленишься поднять. Извини, но если так будет продолжаться, на месте свиньи окажешься ты сам...

– Замолкни же, не тебе судить! И знай своё место – ты всего лишь отражение!.. Моё собственное отражение. Ты должен делать всё так, как хочу я – повторять в точности каждый мой жест и каждое движение, даже если это тебе не нравится. Ты должен копировать меня – и больше ничего!.. Я бы с удовольствием отвесил тебе пощечину, не будь ты всего лишь бесплотным подобием моим, – Он глухо рассмеялся.

– Тогда я покидаю тебя, – с безразличной иронией произнёс субъект. – Я не собираюсь дальше быть твоим собутыльником и потакать твоим прихотям.

Из зеркала действительно кто-то вышел и прошёл мимо – во всяком случае Ему так показалось. По спине пробежал мороз, но Он постарался не выдать себя.

– Иди, иди и не оглядывайся! Зачем мне отражение, если оно не копирует, а вдобавок ещё и перечит?! – не поворачиваясь, бросил Он вслед уходящему субъекту.

Он ещё раз ущипнул себя – не сон ли это? Затем, желая поскорее избавиться от кошмара, потянулся к графину на тумбочке, налил полный бокал вина и опорожнил его одним большим глотком. Потом ещё...

В обволокшем его тумане Он стал воспринимать случившееся как нечто забавное. Когда наполнил бокал в третий раз, то по привычке, появившейся в последнее время, потянулся к зеркалу чокаться, забыв, что его визави уже нет.

– Хм, человек без отражения. Вот пикантно!.. Впрочем, я всегда был непохож на других.

Вылив содержимое бокала в себя, Он сердито буркнул:

– Тоже мне судья! Кто ты такой без меня?! Одна лишь тень!

Он налил ещё...

2002 год

Рождение человека, или Преодоление боли

Вот появился на свет Божий ещё один человек, а вернее, живой комочек, несущий в себе идею человека. В бессознательном испуге и одновременно с непринуждённой смелостью ворвался он криком своим в нашу устоявшуюся взрослую жизнь, и все вокруг вдруг засуетились, подгоняемые этим требовательным криком-плачем. Отчего же столь неистово плачет этот несмышлёный человечек, что терзает его? Неужели только боль?

Боль, известно, категория не только физическая – она часто рождается из печали, грусти, боязни перед опасностью и даже перед неизвестностью. И появившийся на свет малыш наверняка интуитивно чувствует, какими опасностями и угрозами наполнена неизвестность, называемая Жизнь. Так что плач – нормальная реакция маленького человека на окружающий его мир. И причину боли он инстинктивно (и, наверное, справедливо) ищет вне себя – она кажется ему странной и незаслуженной, потому и плачет малыш с таким негодованием.

Малыш вроде бы смотрит в упор, а на самом деле – куда-то вдаль, мимо тебя. Его маленькое личико вечно в движении: оно то проясняется в какой-то отвлечённой полуулыбке (говорят, малыш общается с Ангелами – в первые дни это невинное создание принадлежит только Богу), то сморщивается, словно в недоумении. Перед ним, несмышлёным, по воле тех же Ангелов открываются бесконечные голубые дали космоса и нескончаемые тернистые дороги жизни. В один миг – на стыке космического и земного, кажется, приоткрывается даже завеса Судьбы, чтобы обнажить секрет её, но всё вдруг снова окутывается таинственной пеленой. Жизнь – загадочная и противоречивая штука: невозможно понять ни её начала, ни конца, потому что тайна рождения и смерти вне самой человеческой жизни и её ограниченных земных рамок.

Тем временем мать трепещет над каждым движением своего чада, стараясь оградить этот хрупкий сосуд жизни от грубых прикосновений той же жизни извне. «Боже мой, столь невинное создание!» – невольно вырывается у неё, и сердце её окатывает новая волна нежности. Но жизнь, несмотря на старания взрослых, трогает малыша, обещая однажды, когда рядом не будет ни отца, ни матери, поговорить с ним тет-а-тет, начистоту, раскрыв все карты свои. Боль и угроза боли будут сопровождать появившегося на свет человека всю жизнь, уча преодолевать их и одновременно бояться и остерегаться. Боль будет стараться всячески унижать его, подчеркнуть зависимость от себя. Она попытается превратить его в труса и подхалима. Но в один прекрасный миг он преодолеет боль и, став выше неё, с гордостью осознает себя Человеком, так как поймёт, что не боль является регулятором поступков и действий, а Дух, который зреет и крепнет вместе со становлением человеческой личности.

Между тем родители не помнят себя от радости и счастья. Новые мечты и надежды переполняют их. Отец и мать видят в новорожденном себя и своё продолжение. Они искренне верят, что дети достигнут всего того, чего им самим не удалось добиться в жизни. Дедушки и бабушки не менее счастливы – глядя на малыша, они снова и снова вспоминают и переживают свою молодость и любовь. Они желают, чтобы малыш поскорее вырос, даже не задумываясь о том, что вместе с его взрослением уходит, приближаясь к критической черте, их собственная жизнь. Они ждут не дождутся, когда внучек встанет на ноги и прогуляется с ними за ручку по улицам и скверам, словно Весна и Осень. Весна и осень, дети и старики схожи в главном: они – начало и конец – близки к тайне жизни и смерти. Младенец и старец – словно два альпиниста у подножия высокой, крутой горы – одному ещё только предстоит взбираться на неё, другой уже сошёл с неё, усталый, измождённый... Поэтому они сочувствуют без слов друг другу и бессознательно тянутся друг к другу.

Тем временем ребёнок растёт, как того велят незыблемые законы Времени и Пространства, набирая первый опыт. Жизнь выводит на этом чистом листе (*tabula rasa*)

первые строки, всё больше втягивая человечка в себя и предъявляя ему всё новые и новые требования. Увы, не все принимают вызовы судьбы с достоинством, и нередко прожитая жизнь – не совсем удачная, неизданная, не принятая обществом рукопись...

А настоящий человек – это каждодневный тихий и часто не замечаемый окружающими подвиг. Это – постоянная борьба с самим собой и преодоление боли, которая рождается вместе с человеком, живёт с ним всю жизнь и даже остаётся после него.

2003 год

Три рассказа из цикла «Деды и салаги»

Изгой

Роман как-то не вписался в небольшой солдатский коллектив, сложившийся в ходе боевого дежурства резервистов в горах. Ребята на посту были опытные, натерелые в военном деле. Многие из них имели по несколько ранений на фронтах войны, которая ещё пару лет назад полыхала вовсю. Они гордились своими шрамами и часто рассказывали о собственных подвигах. Рассказывали хладнокровно, будто не придавая им особого значения. Роман же всю войну находился в России, а вернувшись месяц назад на родину, был призван вместе с другими военнообязанными на трёхмесячные сборы. И суровый солдатский быт с тысячью своих неписанных законов оказался явно не для него.

Роман совсем растерялся: ему претили вяжущая на вкус, однообразная солдатская похлёбка, сырость блиндажа и дымящая печка. Нещадно кололись грубые, сколоченные из наспех очищенных стволов молодых деревьев и ветвей нары, выстланные сухой листвой, кусали насекомые. Но главным неудобством был тяжёлый ручной пулемёт, который вместо автомата почему-то вручили именно ему. Он не только не умел с ним обращаться, но и не знал, таскать ли его всё время с собой или спрятать где-нибудь. «А вдруг потеряется...» – Романа пробирал ужас от этой мысли. То и дело натыкался он на осуждающие взгляды сослуживцев и слышал брошенные ему вслед обидные слова, лучшими из которых были «маменькин сынок».

Чтобы получить досрочное освобождение от сборов, Роман пошёл на хитрость: решил не снимать ботинок и не мыть ног до тех пор, пока они не покроются чирьями. Однако, вопреки ожиданиям, результат не произвёл впечатления на выдавших виды сослуживцев и не вызвал у них жалости. Наоборот, разоблачённого Романа совсем «зачморили», загрузили всяческой работой, переложив каждый часть своих обязанностей на него. Он должен был в день три-четыре раза таскать воду из родника, находящегося глубоко в ущелье, убирать блиндаж и территорию вокруг него, вырезывать квадратиками дёрн сапёрной лопатой для укрепления земляной крыши блиндажа, вычерпывать золу из печки, убирать со стола и мыть посуду... В общем, выполнять самую непочётную, чёрную, но необходимую в солдатском быту работу. За это сослуживцы прозвали его Мамой, и это святое для каждого в отдельности слово звучало в отношении Романа кощунственно, некрасиво, с нескрываемой издёвкой.

Перед отбоем Роман садился дежурить у печки. Он должен был поддерживать огонь, периодически бросая в железный зев впрок расколотые им же дрова, и рассказывать засыпающим сослуживцам анекдоты до тех пор, пока они не заснут.

Роман давно уже исчерпал запас анекдотов и, чтобы не повторяться, каждый раз выдумывал что-то от себя. Тайно надеясь возвыситься в глазах сослуживцев, рассказывал небылицы о своих похождениях в России, в которых он выступал крутым и дошлым парнем. Он кормил ребят мнимыми своими авантюрами на «гражданке» в отместку за их геройства на войне, рассказы о которых Роман всегда слушал со скрытой завистью. Бывалые вояки относились к байкам Романа, особенно к его успехам у слабого пола, весьма иронично, но слушали от нечего делать, изредка грубо прерывая, когда тот особенно зарывался в своих фантазиях.

– У тебя гарем что ли был, негодяй? Каждый раз новое имя... – уже засыпая, вяло бросил Вардан.

– Да этот новоявленный Дон Жуан наверняка в жизни к женщине не прикасался, – тоном, не допускающим сомнений, возражал Лёва. – Ты не выпендривайся, а следи за огнём. Замёрзну – не сдобровать тебе!

Если Роман засыпал невзначай и печка остывала, то на него сыпались не только брань и проклятия – летели ботинки, каска и другая нехитрая солдатская утварь. У него

всегда были красные глаза и опухшие от бессонницы, а вернее, от недостатка и жажды сна веки. Он худел день ото дня, постоянно снедаемый чувством голода, хотя, давно уже переборков отвращение, ел больше всех – в обед ему оставляли чуть ли не полкотла овсяной или гороховой похлёбки.

– Да у него совсем нет аппетита! – иронизировали ребята, наблюдая, как Роман с жадностью поглощает то, что другие едва осиливали с полмиски.

Когда все засыпали, Роман тихо колупал корочку от чёрствых батончиков, выдаваемых блиндажу вперёд на целую неделю, клал в рот и перед тем как проглотить долго смаковал эти крошки. Он старался не чмокать, прекрасно зная, что товарищи не простят ему тайного его чревоугодия.

К утру Роману разрешалось соснуть на пару часов. Свернувшись калачиком, он засыпал в углу блиндажа, который, несмотря на крайнюю тесноту, никто не занимал – кто-то брезговал, а кто-то считал ниже своего достоинства ложиться там, где спит изгой. Роман тотчас проваливался в сон, и ему не снилось ничего: ни дом, ни мать, ни девушка, которая, быть может, была у него. А если нечаянно и приснится что-нибудь, то всё тот же повседневный кошмар: натыкающиеся друг на друга в темноте тесного блиндажа солдаты, их злые лица и ругань, дымящая печка и вечно не хватающий хлеб. Сон и явь у него слились в одно...

Едва брезжил рассвет, Романа будил часовой, и он, полусонный, привязывал к себе на спину и грудь фляги и термосы, брал в руки два больших бидона и спускался в ущелье к роднику. Шёл босой – ребята запретили ему надевать ботинки, уверяя, что утренняя роса лечит от грибков. Возвращался весь в царапинах и ушибах от колючих кустарников и острых камней. Он наполнял котлы водой для приготовления завтрака и чая, разжигал огонь и, если время позволяло, дремал прямо у костра.

Но однажды Роман опоздал. В горах уже рассвело. Обещая жаркий день, летнее солнце всё выше поднималось над убогими блиндажами, из которых уже вышел последний солдат. А Мамы всё не было...

Ребята молча курили, но чувствовалось, что терпению их приходит конец. Напряжённую тишину наконец нарушил Гагик, зло процедив сквозь зубы:

– Дрыхнет, наверное, где-нибудь под кустом. Вернётся – тут же отправлю без завтрака обратно.

И снова злое молчание...

– А может, в заложники взяли? – пошутил Самвел, желая как-то разрядить обстановку.

– От такого всего можно ожидать: глядишь, сам добровольно к врагу переметнётся, – мрачно произнёс всегда весёлый Левон, и никто не понял, шутит он или говорит серьёзно.

Наконец Джон – самый старший в группе – бросил сигарету и, окинув всех быстрым взглядом, сказал:

– Надо сходить за ним...

Давид и Гагик молча взяли автоматы – перемирие перемирием, а возможность диверсионных вылазок из вражеского стана не исключалась. Старательно переставляя ноги, чтобы не поскользнуться в росистой траве, они медленно спускались по крутому склону к роднику, осматривая каждый куст.

– Куда он мог запропасться, не испарился же?! – не выдержал Давид.

– Сквозь землю что ли провалился?! – в лад ему произнёс Гагик.

Наконец в кустах что-то заблестело.

– Дурак, бросил флягу и дал дёру, – в невольном восклицании Гагика сквозило удивление.

– А может, сорвался?.. Он должен быть где-нибудь поблизости, – возразил Давид.

Ребята всё больше углублялись в ущелье. Под кустом шиповника они нашли вторую флягу и термос. А откуда-то из ближайшей поросли послышался тяжёлый храп.

Ребята приблизились. Роман лежал, распластавшись на росистой траве и широко раскинув руки, словно хотел обнять ясное, без единого облачка небо. Печать какого-то неземного блаженства лежала на его чёрном от гари лице.

– Сволочь, дрыхнет тут, а там ребята от жажды умирают, – Гагик собирался пнуть спящего Романа, но Давид неожиданно удержал его.

– Пусть поспит, а мы пока покурим...

Гагик нехотя подчинился.

Они сели поодаль и закурили, стараясь не смотреть в сторону Романа, будто там происходило нечто неприличное...

Солнце медленно спускалось в ущелье, наполняя его светом и теплом. Ласковый луч на миг остановился на прокопчённом лице Романа, и тот улыбнулся. Что-то необычное снилось ему...

2002 год

Нелепый поцелуй

Корюн проснулся от протяжного и требовательного звонка, открыл дверь. Маленький солдатик на пороге вручил ему повестку с «предложением», не совсем вяжущимся по тону с последующим текстом – «немедленно явиться в военкомат». Корюн поспешно оделся и отправился в военкомат, даже не позавтракав от волнения. Здесь его зарегистрировали, а вернее, захомутали, и отпустили домой собираться. Через несколько дней он снова получил повестку – теперь уже с «приказом немедленно явиться в военкомат», явился и был мобилизован в артиллерийскую часть.

Поначалу ему, «маменькиному сынку», с малолетства приученному к шаблонам обычной, гражданской жизни и домашнему уюту, всё казалось нереальным: подъём до рассвета, когда слипаются глаза и ноет неотдохнувшее тело, отбой, когда ещё толком не стемнело, суровые сержанты и старшина, вечно теребящие солдат и, словно нарочно, не дающие им и минуты остаться наедине с самим собой, отдышаться, расслабиться, подумать о чём-то своём, личном. Но это ещё полбеды: младшие командиры гоняли «салаг» днём – по уставу, а ночью начиналась совершенно другая, неуставная жизнь – теперь молодыми солдатами занимались «старики». Уже во вторую ночь Корюн был жестоко избит старослужащими солдатами за то, что отказался шить воротничок одному из «дедов», который зверствовал в оставшиеся ему полгода службы сильнее «дембелей», относительно мирно доживающих последние свои несколько дней в армии.

– Настучишь взводному – получишь ещё, – пригрозил «дед».

Корюн командиру не пожаловался, да и тот особенно разбираться не стал, хотя, конечно же, понимал, что фонарь под глазом – отнюдь не результат падения, как утверждал салага. Ещё пару месяцев старослужащие терзали группу молодых солдат. Большинство ломалось, становясь безропотным инструментом в руках у «дедов». Жизнь для них превращалась в сплошной кошмар. Днём они служили родине, а ночью – старослужащим, находясь у них на побегушках, подшивая им воротнички, стирая «дедовскую» военную форму и носки. Зло мира словно сконцентрировалось здесь – в казарме, где человек человеку был волком, и слабый немедленно пожирался более сильным. Маленький, тщедушный Корюн, движимый всё ещё оставшейся внутренней гордостью, сопротивлялся как мог. «Корюн – означает львёнок, и я должен быть сильным!» – внушал он себе. Но силы были неравны...

Не раз по ночам, обняв подушку, он глотал горькие, беззвучные слёзы, проклиная себя за слабость. Улучив минуту, писал матери письмо. Тут Корюн не боялся показаться слабым и беспомощным, подробно расписывал, как тяжело служится ему, пропуская лишь самые обидные для себя детали. Он явно жалел себя в письмах... Правда, отдавая дань справедливости, скажем, что по возвращении домой Корюн немедленно отобрал у матери свои армейские послания и сжёг...

Вспоминая после армию, он особенно стыдился за один эпизод. По прошествии трёх месяцев службы заместитель командира дивизиона, долговязый капитан, заметив на политических занятиях грамотность и начитанность Корюна, определил его в помощники писаря. Он стал чертить плакаты, помогал выпускать стенгазету, в общем, выполнял работу «канцелярской крысы», как с презрением, скрывавшем в себе ещё большую зависть, называли его сослуживцы. Корюн вдохнул наконец полной грудью. Теперь, когда других отправляли в наряд, караул или на парково-хозяйственные работы, у него появлялось достаточно времени, чтобы заняться собой. Между делом, отложив тушь и перья, «канцелярская крыса» могла позволить себе зайти в чайную, поупражняться в спортгородке или просто выйти прогуляться по расположению воинской части.

Именно во время одной из таких прогулок Корюн столкнулся у санчасти с ослепительной блондинкой-медсестрой. Та буквально вылетела из дверей лазарета, задев его плечом, и пронеслась мимо, бросив на ходу почти пренебрежительные и не совсем внятные слова извинения. При этом она едва удостоила солдатика мимолётным взглядом.

Однако Корюну этого было достаточно, чтобы запечатлеть в себе пару огромных глаз цвета фиалки.

Медсестра с аптечкой под мышкой явно спешила куда-то, почти бежала, но при этом не делала каких-либо лишних движений, оскорбляющих женственность и нарушающих ту неуловимую природную гармонию, которая делает женщину по-настоящему женщиной. Она, казалось, не касалась ступнями земли – настолько воздушной была её походка. Линии её стройной фигуры едва обозначались под просторным белым халатом, но это лишь воспало воображение и чувственную фантазию Корюна. Когда медсестра скрылась за углом большого кирпичного здания штаба полка, тень её осталась по эту сторону, витая перед солдатиком светящимся облаком...

Всю ночь Корюн грезил. Пятый месяц сдерживающий всякие проявления полового инстинкта, он с юношеским порывом воображал свою близость с медсестрой: изливался горячими признаниями в любви, обнимал и целовал её, заступался за неё, спасая от бандитов... А наутро она показалась ему до боли родной, и он страстно захотел ещё раз увидеть её.

Теперь после утреннего развода Корюн прямо направлялся к санчасти. Встав поодаль, он с замиранием сердца ожидал её появления. Дверь санчасти открывалась и закрывалась – входили и выходили солдатика, перевязанные бинтами, офицеры и прапорщички-медработники. А её всё не было...

Затаив дыхание, Корюн терпеливо ждал в тени клёнового дерева напротив санчасти до тех пор, пока наконец не выходила медсестра. Она проходила мимо, не замечая его. Он же потерянно смотрел ей вслед и уходил удручённый, чтобы дальше терзаться фантазиями своего разыгравшегося и неуправляемого воображения. И с каждой такой мимолётной встречей она казалась ему всё более недостижимой...

Но тут произошла неожиданная развязка. Один из медиков, заметив вскоре Корюна и его постоянные «засады» у санчасти, стал тайком следить за ним. Догадавшись, в чём дело, он поманил солдата и, заговорщически подмигнув, прошептал ему:

– Хочешь, свидание устрою?

– ...Вы о чем?.. Какое свидание?.. – пролепетал едва живой Корюн.

– Не притворяйся, сынок. Сам молодым был, – прапорщик лукаво улыбнулся. - Запомни, воздержание – вещь опасная.

Корюн горел от стыда – его заветная тайна была раскрыта!

– Ну, что ты ломаешься – хочешь Алёнку поцеловать? – задорно выпалил старшина. Корюн стал пунцовый.

– Это невозможно... – едва выдавил он из себя.

Здоровенный усатый прапорщик, похожий на сказочного Бармалея, разразился здоровым, раскатистым смехом.

– Ты бы видел, что эти девицы вытворяют с офицерами во вечерам! – прапорщик имел в виду молоденьких медработниц, которые, бывало, оставались ночевать в полку.

– Она не такая, – задыхаясь, произнёс Корюн, посмотрев с нелепой надеждой на прапорщика.

Последовал новый взрыв хохота – гусарские усы старшины затряслись.

– Услуга, как говорится, за услугу, – придя в себя, прапорщик надвинулся на Корюна и, снова подмигнув с хитрецей, прошептал. – После я попрошу тебя об одном небольшом дельце... Подожди здесь, сейчас приведу её.

Корюн хотел бежать, но неодолимое любопытство приковало его к месту. Через пару минут прапорщик действительно вывел медсестру под руку, говоря ей что-то на ушко. Одним глазом он глядел на Корюна.

– Этот что-ли? – задорно хихикнула медсестра, остановившись метрах в трёх и оглядывая солдатика с ног до головы иронично-оценивающим взглядом.

Корюн попятился. Ему казалось, что ноги вот-вот перестанут держать. Он не

разбирал черт лица блондинки – перед глазами стояло какое-то слепящее пятно, от которого ему хотелось прикрыться рукой, защититься, словно от яркого солнца.

Между тем прапорщик снова наклонился к ушку девицы, щекоча её своими длинными усами. Та вдруг зарделась и хихикнула. Потом сводник, приплясывая, подошёл к Корюну и с серьёзной миной тихо спросил:

– Куда целовать будешь?

Корюн стоял, потупив взор.

– Ну что ты красную девицу из себя строишь? В щёчку, в губы?.. – с явным нетерпением переспросил прапорщик.

Корюн помялся и вдруг неожиданно для самого себя выпалил:

– В грудь!

– О-о! Куда хватил! – загоготал старшина и весело побежал к медсестре.

– Что-о!.. Да пропадите вы пропадом, кобеля несчастные! – она округлила в изумлении глаза и хотела повернуться и уйти в деланном гневе, но прапорщик мягко удержал её за руку и снова задыхал ей на ушко.

– Ну, ладно, черти, делайте, что хотите. Только давайте быстрее, а то у меня процедуры с больными, – как-то обыденно, словно речь шла о целесообразности того или иного лекарства, произнесла медсестра.

Итогом челночной дипломатии старшины стало то, что Корюн, помешкав немного, подбежал, не помня себя, к женщине и поцеловал её... в щёчку. Затем под истеричный гогот своего сводника унёс ноги, не оглядываясь...

А услуга, о которой попросил Корюна прапорщик, заключалась в том, чтобы подложить в конспект замполита дивизиона, который чем-то насолил старшине, несколько картинок непристойного характера – в надежде дискредитировать его в глазах подчинённых. Но бывалый капитан сразу же почувствовал подвох и, не дожидаясь признания, чьих рук это дело, вывел весь взвод на плац и взамен политзанятий целый час гонял солдат строевым шагом на морозе...

Корюн долго не мог простить себя за слабость и унижение, за свою первую, армейскую любовь и нелепый поцелуй.

2003 год

Марш-бросок

Произошло это в советской армии.

Рядовой Игнатюк был кандидатом в мастера спорта по лёгкой атлетике и на 2 года старше своих сослуживцев (ему дали отсрочку для завершения учёбы в физкультурном техникуме), однако, несмотря на это, терпел ежедневные унижения, оскорбления и побои. Да, именно терпел – в силу своего, наверное, неправильного воспитания на гражданке. Он почти добровольно выполнял «чёрную» работу: чистил туалеты, мыл полы, убирался на кухне. Кроме того, стирал старослужащим одежду, подшивал воротнички, начищал сапоги, короче говоря, служил за «того парня», который всячески отлынивал от службы и пытался переложить свои обязанности на плечи таких «правильно», по-домашнему воспитанных, как Игнатюк.

«Игнатюк, принеси воды!», «Игнатюк, отнеси бушлаты в каптёрку!», «Игнатюк, достань сигарету!» – без конца слышалось в казарме в отсутствие офицеров. Игнатюк бессловесно выполнял команды, стараясь угодить всем и каждому. Но не тут-то было: вечно кто-то был недоволен им, кто-то ругал его, а бывало и бил.

Игнатюк пасовал перед теми, кто позволял себе прикрикнуть на него или всего лишь грозно посмотреть в его сторону.

– Ты что, блатной или быстро бегаешь?! А ну, давай, веник в зубы и вперёд лестницу подметать! – после таких наездов кого-либо из «стариков» (Игнатюк, как минимум, на год был старше их) он как-то скукоживался, гнул, словно молодое деревце под сильным ветром. Его так и подмывало сказать: «Быстро бегаю», – но он молча, почти с готовностью выполнял приказы своих «продвинутых» сослуживцев, которые пока не знали о его скрытом таланте.

Впрочем, мало кто знал даже имя Игнатюка, а фамилию его произносили так, будто матерились. У него не было друзей, а интересовал он сослуживцев постольку, поскольку был полезен и нужен им в том или ином деле. Общая безликость Игнатюка подчеркивалась следующей деталью: черт его лица невозможно было запомнить с первого раза – казалось, что на нём и вовсе нет лица.

Вторую неделю батальон, где нёс службу Игнатюк, находился на полевых занятиях. Наутро солдату предстоял первый за время его службы марш-бросок. Завтра же ему исполнялось 20 лет, но он почему-то стеснялся говорить об этом кому-либо.

Сразу же после подъёма и утреннего туалета батальон выстроился поротно, с оружием и полным комплектом боеприпасов, вещмешками, набитыми солдатской амуницией. Иными словами, помимо своего 50-60 килограммового живого груза «молодому» солдату, изнурённому каждодневными многочасовыми строевыми и тактическими занятиями, физо, недоеданием и недосыпанием, предстояло целых 10 километров таскать на себе дополнительных 15-20 килограммов.

После короткой команды начштаба батальон двинулся. Тяжёлому топоту солдатских сапог с едким запахом ваксы аккомпанировали лязг котелков с чашками-ложками внутри, тихий, незлобивый пока мат, без которого в армии практически не обходится ни одно мероприятие. Воздух был морозный, пар валил из ноздрей солдат и офицеров, как из котла, пот зёрнами катился с их лиц. Уже через километр некоторые из солдат стали выдыхаться. Ротные, взводные и командиры отделений то грубым окриком или тычком, то подбадривая армейскими остротами, подгоняли своих подчинённых. Игнатюк взял у одного из сдающих товарищей вещмешок и пошёл дальше, не сбавляя темпа. Вскоре он оказался впереди батальона, рядом с высоким, спортивного сложения замполитом.

Когда переходили вброд небольшую речку, кто-то из старослужащих сзади толкнул

Игнатюка. «Эй, урод, вырвись вперёд, натопи к нашему приходу печку, поставь чай и ведро с водой, чтобы помыться...» – тихо приказал «дед», просверлив его своим злым взглядом.

Выбравшись на берег, Игнатюк прибавил ходу. Вскоре он далеко оторвался от остальных, став маленькой точкой, а затем и вовсе исчез за горизонтом.

Батальон прибыл в расположение полевого палаточного городка лишь через полчаса. К тому времени Игнатюк не только успел сделать всё, что ему поручили, но и прикорнуть на пару минут у дышащей жаром печки.

Командир батальона объявил перед строем рядовому Игнатюку благодарность за отличный результат на марш-броске. Когда же взводный сообщил, что у солдата сегодня день рождения (об этом он узнал из штатного расписания взвода), комбат поручил замполиту подготовить благодарственное письмо Игнатюку на родину.

После команды «Разойдись!» «дед» поманил Игнатюка:

– Молодец – с заданием справился! Но это ещё не всё – под вечер мы с Саней рванём в деревню на дискотеку... Короче, постираешь мне форму, высушишь у печки. Усёк?.. Натрёшь до блеска сапоги, а подшиву на воротник сделаешь широкую, в два слоя, как и положено «старика»... Всё понял?

Игнатюк «понимающе» кивнул.

– А пока можешь поспать часок – никто тебя не тронет... Да, возьмешь в столовой мой паёк масла – ведь ты сегодня именинник, – «дед» ухмыльнулся, почти по-дружески хлопнув Игнатюка по спине.

Игнатюк был на седьмом небе от счастья. Двойную порцию масла он бережно намазал толстым слоем на кусок белой буханки, круто посыпав солью. Прежде чем съесть, полюбовался бутербродом – такого богатства он не держал в своих руках с тех пор, как надел военную форму: старослужащие часто отбирали у него и положенный 20-граммовый кружочек масла, который в армии ценился на вес золота. Откусил небольшой кусок, подержал его некоторое время во рту, словно не решаясь проглотить, затем, разминая губами, медленно всосал его в себя. Смакуя, доел остальное.

Заморив червячка, Игнатюк подумал, что теперь можно отправиться на боковую. Однако, свернувшись в своём углу нар, он вдруг почувствовал, что внутри зарождается нечто вроде бунта:

«Почему всё время именно я? Почему я должен пахать как проклятый, когда все отдыхают?..»

Игнатюк вырубился и не знал, пять минут или несколько часов спал он, но проснулся от сильного толчка в бок. Он увидел над собой злое, упитанное лицо «деда»:

– Эй, виновник торжества, вставай – кончилась твоя лафа!

– Отстань, с меня довольно! – неожиданно огрызнулся полусонный Игнатюк.

– Не понял! – «дед» застыл с открытым от изумления ртом.

Затем случилось то, что собственно и должно было произойти. С нар спрыгнули «старички» и, скинув Игнатюка на пол, стали лупить его из чисто корпоративных соображений. Сквозь густой мат до Игнатюка донеслось:

– Ты что, и вправду решил день рождения справлять, салага?

До рассвета Игнатюк зализывал свои раны, тихо плача – то ли от боли и обиды, то ли от гордости за себя и свой поступок.

2004 год

«Орёл»

Война была в самом разгаре. Каждый день с фронта приходили вести о погибших и раненых. Особую категорию жертв составляли пленные – тоже неперемный атрибут всякой войны. Многие солдаты предпочитали плену смерть, потому что плен ассоциировался с той же смертью, но позорной и мучительной, растянутой во времени. И всё же, попавшие в плен верили в чудо, продолжая надеяться, что на Родине сделают всё, чтобы выцарапать их у Смерти.

С карабахской стороны пленными занимался майор Костянян. Тяжёлая и крайне сложная работа, которую он выполнял уже третий военный год, укладывалась во внешне нехитрую схему: нужно было на основе официальных и неофициальных данных установить местонахождение пленного, выйти на контакт с лицами, занимающимися аналогичной работой с противоположной стороны, договориться с ними об обмене, обговорить условия последнего... Кто мог догадаться, что после каждого обмена живого человека или трупа у Костяняна на голове прибавлялось седых волос, появлялось какое-то непонятное чувство опустошённости, от которого не сразу приходил в себя?

Костянян родился и вырос в Баку, имел по ту сторону баррикады множество знакомых, а потому искал пленных как по официальным, так и личным каналам. Он выходил на контакты с людьми самого различного склада ума и характера, социального и общественного положения. Звонил, просил, убеждал. Многие обещали помочь и помогали. Любопытно, что, несмотря на продолжающуюся войну, поддерживали связь и бывшие пленные, добровольно предлагая свои услуги по поиску без вести пропавших. Костянян даже не задавался вопросом, почему все эти люди должны помогать ему – ведь встретиться на узкой тропе войны их сын или брат с карабахским солдатом, оба, не колеблясь, поспешили бы первыми спустить курки...

Костянян вёл свой старенький «Москвич» по улицам полупустынного военного города, мимо повреждённых от авианалётов и артобстрелов зданий, зияющих то здесь, то там пустыми глазницами окон. Его мысли были заняты Назилёй. Она была взята в плен во время боёв в Физулинском направлении. Девушка растерялась в общей суматохе, отстала от убегающих в панике родных. Солдаты нашли её в хлеву в полуобморочном состоянии.

Впрочем, называть Назилёю «пленницей» было бы несправедливо. Её, как и многих других азербайджанских женщин, стариков и детей, оставленных своими на произвол судьбы, карабахские солдаты практически вывели из зоны боёв, спасли им жизнь. С ведома властей девушка-азербайджанка содержалась дома у одного из командиров – тот рассчитывал обменять её на своего солдата, пропавшего без вести. Она была как член семьи, кушала с домочадцами за одним столом, вместе со всеми спасалась в подвале от артобстрелов и бомбёжек, которыми почти каждый день потчевали город её соплеменники. Костянян помог Назиле наладить переписку с родственниками в Баку. Недели две назад он сам позвонил им, попросил поискать человека для обмена.

Несмотря на войну, почти ежечасные обстрелы и бомбёжки, несущие смерть и разрушение, жизнь в городе продолжалась. Оплакивая потери, люди не забывали и о праздниках – они были отдушиной, позволяли хотя бы на миг забыть о нависшей над городом опасности.

Майор Костянян делал вид, что слушает тост, но на самом деле мысли его были далеко, по ту сторону линии фронта. Сосед по столу – военный фельдшер Борис – то и дело толкал его локтем, когда поспевало время чокаться. «Дорогая Нана, сегодня тебе исполнилось 16! Теперь ты уже взрослая девушка...» – в который уже раз в качестве своеобразной увертюры повторял эту или похожую фразу кто-то из опьяневших гостей, чтобы затем не без театральности попытаться сказать что-то своё. Костянян вдруг подумал, что и Назиле совсем недавно исполнилось 16. Он представил, как в день рождения её родня, вместо того, чтобы радоваться, поздравлять и дарить подарки, обливалась горькими слезами...

Когда вставали из-за стола, Костянян, заметив, что Бориса качнуло, решил подвезти его домой. Тот в свою очередь настоял на том, чтобы подняться к нему на чай.

– Только мне надо будет срочно позвонить. Телефон работает?

– Конечно, звони, сколько душе угодно.

Поднимаясь на четвёртый этаж, Костянян шутливо упрекал повисшего у него на плече Бориса в том, что тот поселился столь высоко.

– Орлы любят высоту! – парировал Борис.

Пока хозяйка готовила чай, Костянян снял трубку и набрал номер.

– Карен, здорово! Как там наша гостья?.. Можно с ней переговорить?

После небольшой паузы Костянян заговорил на азербайджанском:

– Салам! Бакидан не хабар?..

Он справлялся у Назили о здоровье, спрашивал, не получала ли она нового письма от родных, нет ли вестей относительно кандидатуры для обмена. Костянян не сразу заметил, что хозяин дома стал мрачнее тучи. Когда он положил трубку, Борис снял очки, аж запотевшие от злости, протёр их нервным движением и негодуя произнёс:

– Слушай, какое ты имел право говорить из моего дома на азербайджанском?

Костянян, которому в его 36 лет не раз приходилось попадать в самые щекотливые ситуации и выпутываться из них, на этот раз казался растерянным:

– Ты же знаешь, чем я занимаюсь... Я же не просто так позвонил. Мы поддерживаем связь с азербайджанцами, чтобы обменивать людей.

– Это меня не волнует. Ты осквернил мой дом!

– Мы же пытаемся обменять эту девушку на нашего солдата!

– В любом случае, ты не имел права говорить в моём доме на языке врага. Я патриот и не потерплю этого!

– Вот не ожидал от тебя... Ты же медик, где твой гуманизм?

– Ладно, хватит философствовать! Я знаю одно – эти люди, на языке которых ты только что говорил, убивают наших парней.

– Но ведь завтра и ты ко мне придёшь, если, не дай Бог, с родными что-нибудь случится... Вот тогда посмотрим, кто из нас философ.

– К тебе уж точно не приду... Не дождёшься!

Костянян вышел, не заметив, как спустился с четвёртого этажа, завёл мотор и погнал машину по улицам военного города. Потрёпанный «Москвич» сильно раскачивало на многочисленных колдобинах, образовавшихся в результате артобстрелов. Машина редела, скрежетала и лязгала старым железом, будто жаловалась на хозяина. Однако, не обращая на это внимания, Костянян жал на газ, словно хотел как можно скорее удалиться от дома, где минуту назад столкнулся с откровенным невежеством.

Прошёл месяц. Однажды январским морозным утром к Костяняну в кабинет пришла заплаканная женщина. Не сразу он узнал в ней родную сестру Бориса – она как-то осунулась, будто разом постарела. На фронте пропал их племянник...

Майор снял трубку и стал набирать номер...

Война продолжалась и в наступившем 1994 году. С фронта шли вести о новых раненых и убитых. Были, конечно, и пленные. Костянян по-прежнему занимался их судьбой.

А однажды во время очередного обмена с азербайджанской стороны к нему подошёл смуглый усатый мужчина. Он обнял Костяняна и поцеловал три раза.

– Это – за Самаю! Это – за Роксану! А это – за Назилию! – после каждого поцелуя он называл новое имя.

– Ты помог моим сёстрам заново родиться!..

2004 год

Прощание

Обнявшись, они стояли на лестничной площадке между вторым и третьим этажами детской больницы – мужчина в годах, одетый в робу синего цвета, и молодой человек лет 25-ти в афганке и с автоматом на плече. Мужчина плакал, не стесняясь своих слёз. Проходившие же мимо медработники реагировали на происходящее по-разному: кто-то сам смахивал слезу или сочувственно улыбался, кто-то, наоборот, бросал немой осуждающий взгляд на военного или же проклинал его, не стесняясь в выражениях...

Это были пленный и его охранник – азербайджанец и армянин. Мужчину звали Аваз. Ему было за 50. В плен попал как-то глупо. Ездил на свадьбу в далёкое прифронтовое село. Погуляли на славу. Тосты и вино лились рекой до поздней ночи. Хозяин настойчиво просил Аваза остаться переночевать. Он решительно отказался: «Дел невпроворот. Надо успеть». На обратном пути машину остановили военные, спросили что-то... на армянском языке. Поначалу Аваз подумал, что разыгрывают.

– А где наши? – наивно спросил он, поняв, что это не шутка.

– Ты что с луны свалился? – рассмеялся крупный бородач в камуфляже. – Ваши там, за горой, а здесь наши... И как это ты минное поле проскочил?

Теперь всё было ясно – перебравший на свадьбе Аваз вёл машину не в том направлении...

Пленных содержали в городской детской больнице. Как человека опытного и выдержанного, Аваза поставили старшим над другими пленниками – в основном желторотыми юнцами, взятыми на поле боя. С Авазом все считались, он улаживал споры, давал советы, следил за порядком и чистотой в комнатах. Сам Аваз брился каждый день, всегда был свеж и опрятен. Единственный из группы он хорошо изъяснялся на русском и являлся своеобразным переводчиком между пленными и охраной.

Однажды у Аваза приболела нога. Он долго колебался, прежде чем решился попросить нового охранника, Левона, освободить его от дневного построения. Тот молча

кивнул и повернулся идти, но пленник заковылял за ним, словно не надеясь, что его просьбу удовлетворят.

– Иди отдыхать, сегодня тебя никто не тронет, – сказал Левон.

– Спасибо, гардаш*! Век не забуду твоего великодушия.

После построения Левон, который был беженцем из Сумгаита, разговорился с пленным на его родном языке. Тот охотно рассказывал о своей жизни. Аваз был водителем-дальнобойщиком, много ездил и общался с людьми.

– Война не спрашивает фамилий и национальностей, разводя людей по разные стороны баррикады. Зачем нам Карабах? Зачем лить кровь и убивать друг друга из-за клочка земли? – говорил он.

Левон чувствовал искренность в словах пленника и всё больше проникался к нему симпатий и уважением.

«Такие как он прятали у себя армян во время погромов в Сумгаите», – невольно подумал охранник.

В очередное дежурство Левон принёс Авазу огромный гранат со своего приусадебного участка. С минуту пленник задумчиво держал в руках потрескавшийся перезревший плод, видимо, вспоминая что-то своё.

– Извини, я унёсся мыслями домой. У меня там роскошный сад, выращивал хурму и гранаты. Они такие же породистые, как этот... – умиротворенно говорил он.

По окончании смены Левон позвал Аваза и протянул ему свёрток.

– Переодевайся. Дело есть...

Вышли из здания больницы.

– Иди рядом, по сторонам не оглядывайся. Если патрульные остановят, молчи, я буду говорить за тебя.

Долго шли по полупустынному вечернему военному городу, пока не дошли до неприязнательного домика на окраине.

– Вот здесь и живу, – Левон открыл калитку. – Проходи, не стесняйся.

Аваз неловко, боком вошёл во двор.

– Жена, принимай гостя! – весело крикнул Левон в прихожую.

Зарезали курицу, принесли с огорода свежие помидоры, огурцы. Хозяйка быстро накрыла на стол. Поначалу Аваз не решался подойти к яствам – думал, что ему накроют отдельно, где-то в уголочке.

– Гардаш, не стесняйся, устраивайся поудобнее и, вообще, чувствуй себя как дома, – произнесла жена Левона на азербайджанском.

За ужином разговорились. Аваз быстро освоился, смеялся, шутил. Так он веселился впервые за время после злополучной свадьбы.

В один прекрасный день, а вернее, прекрасное утро во двор больницы въехала машина Красного Креста.

– Собирайся, – сухо сказал высокий подтянутый мужчина в штатском, сопровождавший сотрудника Красного Креста. – Домой едешь.

Лицо Аваза не выражало каких-либо эмоций.

– Вызовите Левона, я хочу попрощаться с ним, – попросил он дежурившего охранника.

– Где мы его тебе найдем? Он только завтра заступает на смену, – равнодушно ответил тот.

Аваз настаивал:

– Не пойду, пока с Левоном не попрощаюсь.

Ждали уже полчаса. Высокий мужчина начал сердиться.

– Смотри, другого возьмём, нам всё равно, – пригрозил он.

– Без Левона никуда не пойду, – пленник был непоколебим...

Левона он узнал по шагам и побежал вниз навстречу...

Обнявшись, они стояли на лестничной площадке между вторым и третьим этажами

детской больницы – мужчина в годах, одетый в робу синего цвета, и молодой человек лет 25-ти в афганке и с автоматом на плече. Мужчина плакал, не стесняясь своих слёз. Проходившие же мимо медработники реагировали на происходящее по-разному: кто-то плакал сам или сочувственно улыбался, кто-то, наоборот, бросал немой осуждающий взгляд на военного или же проклинал его, не стесняясь в выражениях...

2004 г.

Гардаш* – в переводе с азербайджанского означает брат

За дружбу!

Самвел всегда входил без стука, как, наверное, и подобает старому боевому товарищу. Я радовался его внезапным визитам – подобно порыву свежего ветра он разом отгонял уныние и скуку, которые целыми днями владели мною. Энергия у Самвела переливалась через край: он шутил, пел, смеялся здоровым, задорным смехом, и я заражался его бодростью, жизнерадостностью и беспечностью, забывая хотя бы на время о своём почти безвыходном, как в прямом, так и переносном смысле этого слова положении...

Вот и сегодня он шумно вошёл в незапертую, как обычно, дверь, да не один, а с ребятами – Давидом и Камо. Словом, собрались боевые друзья-разведчики, весь экипаж нашего БТРа...

Признаюсь, поначалу это меня очень удивило – все вместе не встречались давно, вот уже год. «Сегодня же праздник – День защитника Отечества!» – вдруг осенило меня, и я удивился не столько своему «открытию», сколько тому, что мог не помнить об этом.

Самвел торжественно нёс шампанское и большой, замысловатой формы пузырь водки. У ребят же в руках были всевозможные кульки с яством. Быстро, по-армейски накрыли на стол.

– Ну что, ветераны, начнём хвалить друг друга, ведь сегодня – наш день! – Самвел поднял стакан. – За нас!..

Выпили, и стол оживился. Ребята стали вспоминать войну – нет, не свои подвиги, а курьёзные, почти анекдотические ситуации, без которых не обходится ни одна война.

– А помните, как Тигран, выйдя ночью по нужде, спросонья забрёл на вражеский пост и, матерясь по-армянски, стал будить спящих часовых, а те и не поняли...

Взрыв хохота прервал Камо на полуслове.

– А этот... как его?.. Ну что вечно попадал в истории... Рома... Помните, как, приняв однажды на грудь, вдруг расхрабрился и решил за «языком» сходить, но сам попал в «плен» к нашим же из нижних постов?

И снова безудержный смех. У Давида даже слёзы полились, и со стороны могло показаться, что не хохочет он, а рыдает.

– Да, чуть не забыл – я же тебе деньги сразу за два месяца принёс! – Самвел вдруг обратился ко мне, картинно ударив себя по лбу. – В беседе сказали, что к празднику наскребли.

Признаюсь, я давно ждал этих денег. Мне, колясочнику, пособие нужно было как воздух: лекарства, мази, бинты и прочее. К тому же врач рекомендовал срочный курс против пролежней. Конечно, инвалидов войны, а тем более таких, как я – пригвождённых к месту – в основном обслуживают бесплатно. Но не могут же государство и общество быть постоянно в курсе всех твоих проблем, а потому, как ни крути, определённые расходы приходится делать самому.

– А за март не дали? – спросил я.

– Я же приносил в прошлый раз, – удивился Самвел.

– Это же за февраль было...

Воцарилась неловкая пауза. Все с недоумением посмотрели друг на друга.

– Как? – Самвел отрезвел и стал серьёзным. – Подожди, в прошлый раз...

Я понимаю, что случилось недоразумение. Разговор принимал весьма неприятный оборот, а потому стараюсь поставить на нём точку.

– Я, наверное, что-то спутал...

Но Самвел – не мальчик: он, конечно же, догадывается, что я говорю не совсем то, что думаю.

– Сколько тебе тогда принёс? – допытывается он.

– Не помню... В последнее время у меня путаница в голове, провалы памяти. Как это по-научному называется?.. Прогрессирующий склероз что ли? – улыбаюсь я, пытаюсь

вернуть разговор в прежнее весёлое русло. – Ребята, а помните как у села Айкаван?..

– Нет, подожди, по-моему...

Я делаю последнюю, решительную попытку сменить тему:

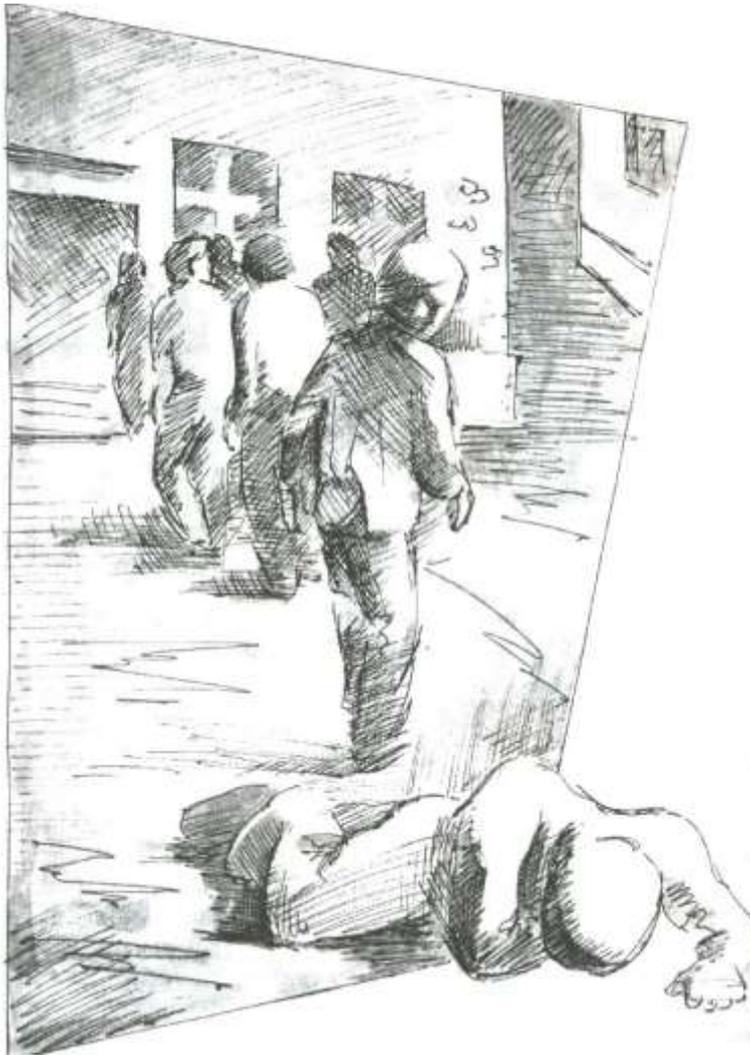
– Послушай, разговор этот мне не нравится. Зачем разматывать клубок колючей проволоки, которая никому не нужна? Зачем зря колоться и царапаться? Давай о чём-нибудь другом...

– Логично! – поддерживают меня Давид. – А теперь слушайте тост.

– Только давай покороче, а то всё стынет, – вставляю я, облегчённо вздохнув.

– За дружбу!..

2004 год

Циник

Глава 1

Кольцо сорванцов сомкнулось вокруг тщедушного мальчишки, который в ожидании нападения весь сжался подобно загнанному зверьку.

– Получай, Философ! – зло выкрикнул крупный веснушчатый пацан, по всей видимости, вожак стаи, въехав кулаком пареньку в лицо. – Будешь дальше нос задирать!..

Стая засвистела и заулюлюкала в знак одобрения. Вожак, подстёгиваемый первобытными воплями и криками, толкнул жертву двумя руками в грудь – та упала, и ещё двое сорванцов бросилось добивать её.

– Что на это скажешь, Философ? – один из них пнул поверженного в бок. – А на это?.. Ты ведь любишь давать советы!..

– Ты что, язык проглотил? – подхватил другой, тоже лягнув лежачего, который не сопротивлялся и лишь безмолвно корчился после каждого удара. – Подскажи же, как нам быть: бить тебя дальше или, может, хватит?

Стая загоготала. Появившаяся на лице у Философа кровь лишь подзадорила сорванцов.

– Бить, бить! – крикнул кто-то, и это стало кличем для подключения к избиению других членов мальчишеской стаи.

Тот, кого называли Философ, неожиданно вцепился зубами в щиколотку одного из своих обидчиков. Последний завопил и стал отчаянно вырываться. Философ ещё сильнее сомкнул челюсть, и от последовавшего истошного крика толпа расступилась. Кто-то попытался помочь пацану высвободить ногу, но тут прозвенел звонок на урок, и ватага третьеклашек помчалась в класс, оставив обе жертвы наедине друг с другом. Еле вырвавшись, заковылял на урок и укушенный за ногу мальчик. Философ же остался лежать на школьном задворке.

«За что?.. Что я им сделал?» – Артём беззвучно плакал, царапая асфальт под собой.

Глава 2

Весна была в разгаре. Впереди уже маячили долгие летние каникулы, и в их радостном предвкушении ученики третьего "Б" очень быстро забыли об инциденте. Только сам Артём не простил никому и помнил все обидные слова одноклассников в свой адрес, удары каждого в отдельности...

Артём рос в неблагополучной семье. Отца он не знал: мать была на четвёртом месяце беременности, когда муж её уехал в Россию, якобы в командировку, но с тех пор не давал о себе каких-либо вестей, исчез куда-то. Вскоре стало ясно, что он убежал от войны, которая тогда нависала чёрной тучей над краем и немного спустя разразилась продолжительной бойней. Соседи судачили, что он перебрался куда-то в Прибалтику (откуда они это взяли – оставалось загадкой), женился на старой деве, рассчитывая заполучить её квартиру. Было ли это действительно так, никто не знал. Однако переволновавшаяся женщина родила раньше срока. Артём был крошечным и рахитичным, врачи опасались, что недоносок не выживет. Выжил, но рос замкнутым, странным и необщительным.

Годовалым ребёнком он имел привычку кусаться. Кусал мать – вся шея, грудь и даже спина её постоянно были в ссадинах от его едва выбившихся, но острых зубиков. Возьмёт кто-либо из родственников на руки приласкать, а Артёмка уже присматривается, ища куда куснуть. Он никогда не улыбался, смотрел на всех волком. Соседи боялись за своих малышей и держали их подальше от него.

В школе Артём болезненно ощущал свою физическую ущербность и старался компенсировать её тем, что держался с одноклассниками с высокомерной отчуждённостью, говорил не свойственные его возрасту вещи, явно позаимствованные у взрослых.

Одноклассники особенно невзлюбили его за то, что обо всем он судил с видом знатока и нередко пробовал читать им нравоучения подобно учителю. За это они прозвали Артёма обидным, по их мнению, словом «философ». Как анекдот школьники с детским ехидством пересказывали случай, произошедший во время похода за город. Когда переходили небольшую речку, Артём вдруг крикнул:

– Осторожно, мальков задавите!

Ребятишки, не обращая внимания на его слова, да и не сразу поняв, в чём собственно дело, весело перепрыгивали с камня на камень, перебираясь один за другим на противоположный берег.

– Кому сказал?! – Артём преградил собой дорогу. – У рыб сейчас период выхода мальков из икры, а вы давите их!

Артёма подняли на смех. Кто-то выкрикнул: «Ну что ты присосался, как пиявка?!» И все загоготали. Не на шутку обиженный, Артём повернул обратно домой.

«Пиявка» тут же прилипла к нему, и теперь вперемежку с Философом его стали дразнить новым прозвищем. Но когда хотели сделать ему особенно больно, называли просто – «сын дезертира».

В учебе Артём преуспевал, но никогда не помогал отстающим. Скатать у него

контрольную было невозможно – хотя он и не прикрывал рукой работу, но мог громогласно, так, чтобы услышала учительница, отчитать осмелившегося заглянуть к нему в тетрадку соседа по парте.

Одноклассники сторонились Артёма, а Марат и Славик, самые крепкие и задиристые, проявляли по отношению к нему открытую враждебность и агрессивность. Они всячески унижали его, натравливали на него других. В последний раз на Артёма восстала почти вся мальчишеская половина класса...

Поняв, что рискует превратиться из «белой вороны» в изгоя, Артём инстинктивно стал вырабатывать собственную тактику выживания. Будучи наблюдательным от природы, он давно уже заметил, что пацаны с особым уважением, примешанным, конечно же, со страхом, относятся к тем, кто систематически притесняет других физически и морально. Именно таким способом Артём решил завоевать себе авторитет, выбрав для начала в качестве жертвы щедушного безответного паренька – «последнего атамана» в своеобразной мальчишеской иерархии.

Глава 3

Раннее майское солнце нежно улыбалось сквозь лёгкую дымку облаков. На улицах шумно проснувшегося города деловито щебетали воробьи, суетливо перепрыгивая в поисках случайной пищи с места на место. Они путались под ногами спешащих в школу и похожих на них своей непоседливостью ребятишек, кажется, вовсе не замечая их. Но как только кто-то из мальчишек нагибался, чтобы попытаться поймать птичку или бросал в неё камушек, та проворно перелетала на новое, более безопасное место...

Артём был хмур. Царящее вокруг оживление вовсе не занимало его. Он шёл быстрой и несвойственной ему решительной походкой, сжимая на правом боку сумку со школьными принадлежностями. Напряжённая складка у переносицы и сомкнутые челюсти выдавали серьёзность его намерений.

Артём минул широкий холл с белокаменными колоннами и вошёл в пустой пока класс. Он спрятал сумку в парту, вышел и огляделся. Надо было выбрать самое видное, лобное, так сказать, место, чтобы ничто не скрылось от взоров одноклассников и учеников из параллельных классов. Артём лелеял надежду, что Игорёк, будущая его жертва, придёт позже других. Он живо представлял, какой эффект произведёт его выходка, и как изумятся все, в особенности его обидчики. Артём встал в тени массивной колонны и стал наблюдать за входящими.

До начала первого урока оставалось ещё с четверть часа. Холл постепенно оживлялся: ученики младших классов входили, а вернее, влетали в двери шумно и суетливо. На ходу бросая сумки на парты, а то и прямо на пол, они тут же выбегали во двор школы порезвиться до звонка на урок.

Артём терпеливо выжидал свою жертву, напрягая зрение, чтобы не пропустить её в ватаге однообразно одетых школьников. Вот вошли вожаки – Марат и Славик. Оба крупные, большеголовые, правда, один – белобрысый, другой – чёрный. Два этих двоенника всегда держались вместе и наводили страх не только на одноклассников, но и на учеников параллельных классов. Это Марат натравил толпу на Артёма на задворке у школьной мастерской. «Ничего, когда-нибудь расквитаясь и с вами, – Артём сжал кулаки. – Сегодня каждый из вас сильнее меня, но завтра я раздавлю вас скопом, как вшей».

Наконец за пару минут до звонка на урок в холл вошёл хиленький Игорёк в огромных очках, с трудом неся на спине тяжёлый ранец. У Артёма внутри всё затрепетало от волнения и страха. Но эти предательские чувства пересиливало какое-то восторженное ожидание победы – теперь он не жертва, а охотник!..

Артём отделился от колонны, подкрался сзади к ничего не подозревавшему мальчишке, схватил его за шиворот и повалил на пол. Сев жертве на грудь, он сжал

обеими руками ей горло. Раздался чей-то удивлённо-испуганный крик. Все вокруг застыли, словно стараясь осмыслить происходящее. Никто, кажется, не слышал даже требовательного звонка на урок.

Игорёк не сопротивлялся, безвольно распластавшись на полу. Из его горла вырывался сдавленный хрип вперемежку с каким-то жалким свистом.

– Назови меня папой – отпущу! – зло прорычал Артём, немного разжав руки на горле у одноклассника, чтобы дать ему говорить. – Скажи: батюшка, сжался надо мной!

Но Игорёк уже был в обмороке.

Выйдя из оцепенения, школьники стали вырывать у Артёма жертву. Но тот, вконец озверев, стал беспорядочно колотить мальчишку в лицо, шею, грудь. Он бессознательно вымещал все накопившиеся обиды на совершенно безвинном по отношению к нему человеке, никогда не принимавшем участия в групповых издевательствах над ним. Единственная вина Игорёка была в том, что он был слабее всех...

Отрезвление пришло лишь с пронзительным криком одной из девчонок: «Нина Сергеевна идёт!»

Глава 4

Артёма едва не выгнали из школы. Когда белая от страха учительница повела его к директору, тот – грузный, лысый и эмоциональный мужчина – рвал и метал, едва удерживая себя от соблазна ударить зарвавшегося школьника.

– Зачем ты душил его, негодник?! Что он тебе сделал?! Объясни мне свой гнусный поступок! – орал директор, схватив Артёма за воротничок.

Мальчик стоял, потупив голову и стиснув зубы. Что было ему сказать? Поймут ли его? Ни директор, ни учителя не знали о постоянных издевательствах одноклассников над ним, а Артём считал постыдным рассказывать об этом кому бы то ни было, даже матери. Да и сам он вряд ли смог толком объяснить мотивы своих действий.

– За ним глаз да глаз нужен – этот человек крайне опасен! – директор никак не успокаивался, тряся Артёма. – На вид – словно Богом обиженный, а на самом деле пальца ему в рот не клади... Не будь сиротой, вышвырнул бы из школы...

После инцидента Артёма взяли на учёт в отделе по делам несовершеннолетних городской милиции. Раз в неделю к нему домой приходил участковый с толстой папкой под мышкой – проводить профилактические беседы. Это был высокий лейтенант с изъеденным оспой лицом. С полчаса он нудно читал статьи из уголовного кодекса, разъясняя, чем чревато нарушение закона. В паузах между чтением он назидательным тоном вставлял своё, типа: «Ну и поколение нынче пошло! А ведь все беды от непослушания взрослых...» Или же: «Закон – страшная сила, братец. Дружи с ним и никогда не иди против: ломает, как соломинку».

Потом он пил чай с вареньем, который неизменно подавала мать, и, раздобрев, дружески хлопал перед уходом Артёма по плечу.

– Ничего, не всё ещё потеряно. Мы сделаем из тебя настоящего мужчину, – говорил он что-то наподобие этого, заговорщически подмигивая своему подопечному.

Мальчик инстинктивно боялся и недолюбливал участкового – от него исходили грубая сила и непонятная угроза. Артём чувствовал фальшь в его словах и позах. Особенно его раздражало то, как милиционер держал чашку с чаем – подчеркнуто отставляя мизинец (по всей видимости, он считал это хорошей манерой).

После ухода участкового мать беззвучно плакала. «Людям в глаза смотреть стыдно. Был бы у тебя отец толковый – не рос бы таким непутёвым. Лучше бы он погиб на фронте, тогда хоть уважали бы», – тихо причитала она.

Тем временем в классе Артёма уже не трогали. То, что им занялась милиция, окружило мальчика неким таинственным ореолом. Если раньше Артём был всего лишь

«белой вороной», то теперь он стоял как-то особняком. Лишь Марат и Славик по-прежнему смотрели на него свысока, но теперь редко когда задевали его.

Сам Артём начал некий тайный эксперимент над собой. Во время летних каникул он упросил мать купить гантели и эспандер, старательно упражнялся с ними по несколько часов в день. Результаты не заставили долго ждать себя – Артём менялся на глазах: подтянулся, нарастил мускулы, которые выставлял напоказ при всяком удобном случае. Появился и форс. Теперь на уроках физкультуры он мог позволить себе позлорадствовать над теми, кого опережал в беге или перепрыгивал. Полусознательно, полуинстинктивно мальчик выработал для себя следующее жизненное кредо: покорно снеси пощечину от тех, кто явно сильнее, но не прощай, а лишь отступи и выжидай своего часа – случай отплатить той же монетой непременно представится; к тем же, кто слабее, не проявляй снисхождения и подчеркивай каждый раз, каждую минуту и каждый миг своё превосходство.

В классе он вскоре выбился в середняки и уже стучался в дверь к «атаманам»...

Только одно Артём никак не мог преодолеть в себе – болезненной робости перед противоположным полом. Даже потом, в старших классах, сядет бывало на школьных вечеринках где-нибудь в углу, не танцует, не веселится, наблюдая с тайной завистью за раскованными и развязными одноклассниками. «Куда деть свои руки, как двигать туловищем и ногами, чтобы это не выглядело комично, чтобы не стать посмешищем», – эта проблема донимала Артёма.

Если же кто-либо из девчонок ненароком пытался разговорить его, то он помимо воли ещё больше замыкался в себе, чувствуя, как весь наливается какой-то свинцовой тяжестью, сковывающей все движения, делающей его крайне неловким и неуклюжим. Тогда Артём боялся шевельнуться, чтобы вдруг не опрокинуть стакан с соком или кофе. Пару раз его безуспешно приглашали на «белый танец». «Ты слишком положительный, Артём, а это – неинтересно», – не без иронии говорили девчонки.

По возвращении домой Артём запирался в своей комнате и, включив музыку, танцевал. Он чувствовал, что получается не хуже, чем у многих из одноклассников. Но на следующий день всё повторялось: он краснел, когда вынужден был спросить что-то у одноклассниц, презирал себя за это, но был бессилён сделать с собой что-нибудь...

Порой Артём тихо влюблялся, однако держал своё чувство в себе, боясь, как бы кто не узнал об этом. И если кто-то из ребят ненароком отзывался о предмете его любви плохо или, наоборот, с симпатией и интересом, то он также тихо, но всерьёз обижался на него...

Глава 5

Мальчишеское ехидство – вещь жестокая и коварная...

Однажды на большой перемене Славик, скривив губы в злой ухмылке, издевательски бросил при всех Артёму в лицо:

– Что, этот мент всё ещё ходит к твоей матери?

– Он ко мне ходит, а не... – взрыв убийственного мальчишеского хохота прервал Артёма на полуслове.

Тут до него дошёл подлинный смысл слов одноклассника. Артём стоял как громом поражённый. Во всём его облике, в позе с растерянно раскрытыми ладонями безвольно повисших рук стоял немой вопрос... Когда ему было годика четыре, он придумал для себя такую игру – прикроет ладонями глаза и внушит себе, что спрятался от всех и никто не видит его, так как сам не видит других. Теперь Артёму хотелось сделать то же самое, чтобы не видеть бессмысленно-весёлые и одновременно жестокие лица одноклассек, чтобы никто не был свидетелем его замешательства.

Во время урока в памяти невольно всплывали подробности последних визитов

участкового. Не раз после обычных назиданий и нравоучений его отправляли погулять во двор. Артём тогда был уверен, что, оставшись наедине, взрослые всё ещё говорят о нём и его проступке, ломая головы над тем, как наставить его на правильный путь. Его даже не насторожило то, что, придя однажды со школы раньше обычного, нашёл дверь запертой. Он постучал кулаком, затем потянулся к кнопке звонка. Никто не откликнулся, и Артём уже спускался во двор, когда дверь отворилась.

– Ой... а мы тут заговорились, сынок, – механически, нервным движением мать поправляла причёску. – Что ж ты так рано?.. Учительница заболела?.. Случилось что?.. – она задавала один вопрос за другим, стараясь скрыть своё волнение, на которое, впрочем, Артём тогда и не обратил внимания.

В комнате сидел участковый с красным рябым лицом.

– Вот... дядя Карен хочет устроить тебя в секцию по баскетболу... Зашёл узнать наше мнение... – как-то сбивчиво объясняла мать.

Теперь Артём догадался, почему тогда на столе в гостиной отсутствовала толстая кожаная папка, которую милиционер в обычные свои, «официальные» визиты неизменно приносил с собой. И почему в самом участковом что-то было не таким, как раньше, и выглядел он скорее провинившимся мальчишкой, а не блюстителем порядка...

Придя со школы, Артём бросил сумку на диван и крикнул матери на кухню:

– Вырасту – стану милиционером и буду делать всё, что захочу.

Мать отложила посуду и подошла к нему. На Артёме не было лица.

– Что с тобой, сынок? Ты нездоров?.. – мать хотела приложить тыльную сторону ладони ко лбу Артёма, но тот резко отвёл её руку.

– Почему именно мой папа должен был бежать?.. Он был слабее и трусливее других?.. – спросил Артём, не глядя в сторону матери.

Она старалась не выдать своего волнения.

– Не все рождаются героями, сынок.

– А милиционер твой – герой? – наконец Артём взглянул, а точнее, вцепился взглядом в мать.

Та вдруг вся съёжилась и в бессилии опустилась на диван... Она, несомненно, знала о кривотолках, связанных с посещениями участкового. Но к такой реакции со стороны маленького Артёма была неготова.

– Что-то не узнаю тебя, сынок... А ну-ка, присядь, поговорим.

Артём бросил матери ещё что-то гневное и ушёл к себе, хлопнув дверью. Он чувствовал щемящее одиночество. Там, где немного раньше было родное, единственно родное существо, образовалась некая гнетущая пустота. «Теперь у меня нет и матери», – он упал ничком на свою кровать, стиснув подушку.

У женщины всё плыло перед глазами. Да, у неё была связь с участковым, но она до сих пор удивлялась, как всё это получилось. Что было это? Сдерживаемый долгие годы женский инстинкт, разорвавший вмиг свои узы, или же подсознательное стремление найти хоть какую-то опору для себя и ребёнка?..

Участковому было давно уже за тридцать, однако он всё ещё ходил в холостяках. Однажды, отправив Артёма в соседнюю комнату за дневником, он взял дрожащую ладонь женщины в свою холодную руку и заглянул ей в глаза. Арине, матери Артёма, не понравился этот взгляд – в нечистых, отливающих желтизной глазах было одновременно что-то требовательное и жалкое, нищенски-просительное. Карен вполголоса жаловался на своё одиночество, холод в душе, и ей казалось, что если откажет, то этот большой мужчина заплачет, как ребёнок. Она испугалась, но ещё больше пожалела его. Однако это противоречивое, примешанное с гадливостью чувство стало началом той непродолжительной связи, о которой сейчас Арина вспоминала с глубоким стыдом.

Участкового вскоре перевели на другую работу, и он навсегда исчез из жизни этой несчастной женщины.

Глава 6

Уже в шестом классе у Артёма появилось навязчивое желание стать юристом. Своим пытливым умом Артём пришёл к выводу, что, имея статус юриста, можно распоряжаться Правом так, как заблагорассудится, что можно совершать всякие правонарушения и даже самые гнусные преступления, формально не переступая черты закона, что Право всегда оставляет в себе нишу для безнаказанности – просто нужно уметь искусно пользоваться им. Живым тому примером был рябой милиционер, образ которого преследовал Артёма всё его детство и отрочество. Кто мог предъявить формальное обвинение в аморальности этому скользкому типу, который по роду своей деятельности и профессиональному долгу обязан был удерживать людей от неверного шага и наставлять их на правильный путь... И не удивительно, что где-то на задворках сознания Артём держал в качестве запасного варианта и карьеру человека в погонах, пусть и милиционера. Причем, в погонах с большими звёздочками, потому что, чем больше размер звёздочек (Артём знал по циничным разговорам взрослых), тем больше они защищены Законом и тем безнаказанней они могут нарушать его.

В восьмом классе Артём стал исподволь готовить себя к поступлению на юридический факультет. Школьный курс по правоведению явно не удовлетворял его, и Артём тайком от одноклассников ходил в городскую библиотеку читать энциклопедии и специальную литературу по юриспруденции.

Порой он позировал перед большим зеркалом у себя в комнате, изображая судью. Артём читал воображаемому подсудимому обвинительную речь, выработывая внушительный голос и дикцию. «Я поставлю себе на службу карающий меч закона. Вот тогда буду решать вопросы!.. Вот когда кое-кому придётся несладко!» – убеждал он себя.

Наконец подоспели выпускные школьные экзамены. Артём сдал их на «хорошо». Вручая ему аттестат зрелости, директор, успевший изрядно постареть, но не позабывший эксцентричной мальчишеской выходки Артёма, спросил, не скрывая недоброжелательности:

– Кем собираетесь стать, молодой человек?

– Юристом! – без тени сомнения ответил Артём.

– Ба!.. – удивление директора было неподдельным. – Не слишком ли вы высокого мнения о себе?.. Что ж, удачи...

Глава 7

И удача не отвернулась – Артём поступил! К тому же не в своём городишке, а в большой столице – в госуниверситет!

Правда, не всё шло гладко, и ему пришлось изрядно переволноваться. С самого начала многие вообще отговаривали ехать – «куда, мол, со свиным рылом да в калашный ряд: тамошние «тузы» давно уже все места для своих детей забили».

Артём поехал, несмотря на уговоры, впрочем, мало веря в свои шансы. Сдав первые два экзамена по специальности на «удовлетворительно», он чуть не провалился на сочинении. Выбрав свободную тему «Моя милиция меня бережёт», Артём слишком утрированно расписал миссию представителя правоохранительных органов в обществе. Вначале он стал рисовать патетичный образ героя-красавца, готового в одиночку ринуться в бой с организованной преступностью. Но в тот момент, когда нужно было перейти к действию и показать своего героя в деле, Артём неожиданно стал разоблачать его – «мента», «взяточника», «труса», «прелюбодея»...

Старый профессор с огромными очками, лезущими на низкий лоб, нудно выражал недовольство, приправляя свою речь едкими нравоучениями:

– Логика, конечно, интересная и изложение пикантное, но в целом ваш опус ни в какие ворота не лезет... К тому же всё это страшно неграмотно. Я имею в виду неграмотность, а если точнее, невежество с профессиональной точки зрения, неверность жизненной позиции, с которой вы смотрите на вещи. Короче говоря, вы – циник, молодой человек. Циник чистой воды – хотите и рыбку съесть и на кол не сесть! Вы не понимаете правды жизни, и с такими взглядами вам нет места среди юристов, – под конец профессор почти насмеялся над незадачливым абитуриентом. – И всё же мне жаль вас с вашей порочной философией – по крайней мере вы были искренни. Берите вашу вымученную «тройку» и благодарите Бога, что я сегодня добрый... Но знайте, по конкурсу вы наверняка не пройдёте.

Не дожидаясь объявления окончательных результатов, Артём вернулся домой, как казалось ему, на щите и без меча. Он уже перестал мечтать о поступлении, будучи уверенным, что сорвётся по конкурсу...

Третий день юноша не выходил из своей комнаты. На душе было мутно. Перед мысленным взором вереницей проходили все обиды школьной поры, доставляя новую боль и досаду. «Я не такой, как все, – он словно делал для себя открытие каждый раз, когда на него нападала хандра. – Почему у других всё получается легко и естественно? Что знают они такого, чего не знаю я?.. Когда кончатся все эти назидания и наставления на путь истины, которые лишь вводят в заблуждение и ещё больше запутывают?!»

Сейчас, как и когда-то в школе, Артём не мог понять, почему, говоря правду, во всяком случае ту, в которой сам лично был убеждён, неизменно становился предметом насмешек и издевательств. «Выходит, обществу, и не только детям, но и взрослым, правда не нужна?» – он вновь ощущал себя «белой вороной», и безысходность, словно яд, медленно парализовывала его мысли и чувства.

Ко всему прочему, Артём был подавлен перспективой военной службы – нескончаемой, в его понимании, череды унижений и притеснений. Он предощущал гнетущую атмосферу унылой в своём однообразии казармы с назойливо-дотошным старшиной, озверевшими под конец службы «дедами»...

Но судьба распорядилась по-иному, подкинув Артёму счастливый билет.

Глава 8

Не веря в Бога (как малыш не подозревает о существовании, пусть и в прошлом, своего прадеда, так зачастую и взрослый человек не догадывается о существовании Бога), Артём искренне верил в Случай, который иной раз неожиданно улыбался ему. Вот и теперь фортуна вдруг оказалась на его стороне – Артёма приняли в университет: среди почти десятка набравших равное количество баллов предпочтение отдали ему как единственному абитуриенту «из провинции».

Какое-то восторженное и вместе с тем боязливое чувство – чувство ожидания чего-то незнакомого, доселе им не изведанного, охватило Артёма, когда его, едва сошедшего с автобуса с огромным старомодным чемоданом и стопкой не поместившихся в нём книг, окатила мощная волна жизни большого города.

Узковатые панели улиц кишели людьми. Словно муравьи в большом муравейнике, горожане сходились лицом к лицу, иногда сталкивались друг с другом, но молча, словно не замечая визави, обходили друг друга. Каждый был занят собой, своими заботами и проблемами, обращая внимание на других постольку, поскольку это ему было необходимо.

Безразличие людей и полное отсутствие знакомых не пугало Артёма. Наоборот, это освобождало от пут множества условностей, характерных для маленького города – никто не лез в душу, не приставал с советами и просьбами, настырно не приглашал сходить с ним куда-нибудь. Артём предпочитал оставаться незамеченным, растворившись в толпе,

не ждал и не желал помощи от кого-либо, лишь бы не мешали. Он направился к невзрачному частному домику неподалеку от университета, где останавливался во время вступительных экзаменов. Комната, которую Артём снял, поражала своей убогостью. Она была карикатурна: три на два метра прогнившего пола с щелями, куда спокойно можно просунуть палец, голая железная кровать, стул, развалившаяся тумбочка с хламом внутри, оставшимся от прежних съёмщиков, потрескавшаяся от сырости грубая штукатурка стен, местами покрытых плесенью. Фанерный потолок почти касался макушки головы Артёма, а дверь не запиралась – на ней и вовсе не было замка. Тем не менее другого выбора у новоиспечённого студента практически не было: через два дня начинались занятия и нужно было срочно обзавестись хотя бы временной крышей над головой.

Хозяйку, сгорбившуюся под тяжестью лет маленькую старушку с живописно крупным носом, Артём подкупил своей солидностью и «взрослостью суждений». В обед она принесла ему жареный куриный окорок и маленькую банку варенья.

– А ты, я вижу, уже устроился: вещи разложил и даже прибрался, – кряхтя и жалуясь на свою немощь, говорила она, заглядывая совсем не вяжущимися с её дряхлостью живыми глазами в каждый уголок, словно искала там кого-то.

Она похвалила Артёма за аккуратность и вдруг неожиданно произнесла:

– Надеюсь, молодой человек, женщин домой приводить не будешь.

Артём даже покраснел от смущения и не нашёлся, что ответить.

– Я никогда не сдаю комнату девицам – пусть лучше она пустует. Все беды в этом мире исходят от женщин, – старушка тяжело повернула голову, плутовато посмотрев на Артёма снизу вверх.

Артёму показалось, что она даже подмигнула ему.

– Если хочешь добиться чего-либо в жизни, обходи этих тварей стороной. Завлекут тебя всяческими хитростями в свои сети, век не выпутаешься.

Слова старушки-женоненавистки долго не давали Артёму заснуть – он был в том возрасте, когда простое слово могло окрылить или, наоборот, сразить наповал. Не ведая того, это, давно уже изжившее свой пол и потому, наверное, ополчившееся на женщин существо, задело юношу за самое больное место. Артём никогда не пользовался успехом у противоположного пола. Назвать его красивым и даже просто симпатичным было нельзя – он принадлежал к тому типу людей, черты лица которых с первого раза не запоминаются. Он был не красив и не уродлив, однако казалось, что на лице у него чего-то не хватает. Главное – у него не было выразительного взгляда, более того, глаза немного блуждали, как у подвыпившего.

Между тем венцом желаний Артёма (он стеснялся признаться в этом самому себе) было познание женщины, которая незримо присутствовала во всех его юношеских грёзах. В свои восемнадцать он никогда не целовал девушку, никогда не дружил с ней и стыдился этого, а ещё больше боялся, что кто-то узнает об этом.

Артёму казалось, что познание женщины произведёт революцию в его жизни, возведя в новое качество, без которого невозможны полноценное мировосприятие и верная ориентация в различных ситуациях, перипетиях жизни. Он был уверен, что тогда всё будет выдавать его – уверенный взгляд, особый тембр голоса, новые, более солидные манеры... Вместе с тем Артём был серьёзно озабочен отсутствием близкой перспективы сближения с противоположным полом. Делу, как мы уже знаем, мешала его природная, почти патологическая стеснительность. Артём опасался, что этот недостаток серьёзно навредит ему в жизни, помешает занять достойное место в обществе, продвигаться по служебной лестнице. И он поклялся себе во что бы то ни стало перебороть болезненный синдром...

Глава 9

По вечерам, лелея надежду на романтическое знакомство, Артём выходил гулять по городу. Особенно манила его площадь с поющими, переливающимися огнями фонтанами, где с наступлением сумерек собиралось много молодёжи. В основном это были влюблённые парочки или ловеласы-одиночки, жаждущие приключений. Артём не без волнения наблюдал, как тот или иной Дон Жуан непринуждённо подходил к совершенно незнакомой девушке и, отпуская фривольные шуточки, делал ей загадочные предложения. Нередко девушка принимала предложение своего случайного ухажёра, и новоиспеченная парочка садилась на скамейку у фонтана или углублялась в аллею...

В своём родном городке Артём был наслышан о вольных столичных нравах, однако многое в лёгких и откровенно фальшивых взаимоотношениях молодых людей удивляло и поражало его, одновременно вызывая какое-то тоскливо-завистливое чувство. Наблюдая происходящее, Артём негодовал на себя и своё неумение держаться легко и непринуждённо – сидящий в нём комплекс, словно лезвие гильотины, разом отсекал волю, когда он, мучимый неодолимым желанием познакомиться, сблизиться с кем-то, уже готовился сделать шаг.

Пока Артём копался в себе, проклиная себя за слабость и нерешительность, мимо прошла парочка. Впрочем, назвать их парой можно было лишь с натяжкой, так как по всему было видно, что Он и Она только знакомятся. Высокий, худой парень в цветастом летнем пиджачке шептал что-то на ушко стройной, по моде коротко подстриженной девушке. На её раскрасневшемся лице было изображено лёгкое негодование. Смущённая смелостью своего ухажёра, она периодически одёргивала свою маленькую красивую головку, но обозначающиеся то и дело ямки на щеках говорили о том, что комплименты парня ей нравятся. Перед тем, как свернуть в аллею, парень приобнял девушку за талию... От этого Артёма словно ударило током: «Вот так – легко и красиво... А почему не я, чем я хуже?..»

Анализируя после увиденное, Артём пришёл к злему, но успокаивающему его заключению: «Женщины – кокетливые, слабые и распутные по своей природе существа. Просто нужно подобрать к ним соответствующий ключик, сыграть на нужных струнках души. Тогда перед тобой откроется ларчик со всеми спрятанными там сокровищами...»

Глава 10

Вскоре Артёму вручили студенческий билет. Началась бесконечная канитель лекций и семинаров. Десяток доцентов и профессоров и даже один известный чуть ли не на весь мир академик разом навалились на новоиспечённых студентов, давя их: кто – своими необъятными познаниями, кто – требовательностью и придирками, а кто – просто своим авторитетом.

На курсе обучалось около 40 человек. В основном это были молодые люди из уважаемых семей госчиновников и преуспевающих предпринимателей. Таких «случайных», как Артём, было раз-два и обчёлся. Однако строгие преподаватели не делали поблажек никому. Артёму приходилось часами просиживать в читальном зале, чтобы не садиться в лужу на семинарах. «В чём же прелесть студенческой жизни, о которой твердят студенты со стажем?» – недоумевал Артём.

Первым из сокурсников, с кем Артём сошёлся близко, был высокий, атлетического сложения юноша с крайне уродливым лицом. Едва завидев его в аудитории и ещё не зная настоящего имени парня, студенты прозвали его Квазимодо. Особым умом он не блистал, но был начитан и имел хорошо подвешенный язык. Не утруждая себя записыванием лекций, Квазимодо, которого на самом деле звали Геворком, пользуясь не совсем аккуратными конспектами Артёма, очень активно проявлял себя на семинарах.

Геворк весь дышал какой-то грубой, животной энергией, переливающейся через край. Он успевал всюду, принимал активное участие во всех студенческих затеях и

мероприятиях.

– Страшно даже подумать, как мало времени отпущено человеку. С того самого момента, когда мы появляемся на свет, жизнь наша, словно песок в песочных часах, неумолимо идёт на убыль – рассчитана каждая минута, каждый миг. И никто не в силах перевернуть эти часы обратно. Поэтому нужно спешить жить...

Всё это Геворк говорил с каким-то страстным, отчаянным негодованием. В такие минуты на него страшно было смотреть: некрасивое, непропорциональное лицо его вытягивалось, нижняя челюсть неестественно выдавалась вперёд, вследствие чего одна губа его кривого рта, в уголках которого всё время пенилось, наезжала на вторую, глаза же, окутанные паутиной красных прожилок, казалось, вот-вот вылезут из орбит...

Словно не замечая собственного уродства, Геворк всё время рассказывал о своих победах над прекрасным полом. Однако эта его навязчивая привычка на первых порах не тяготила Артёма. Наоборот, он слушал своего приятеля-ловеласа с затаённым интересом. Про себя же думал: «Чего же не достаёт мне – те же руки и ноги, та же голова на плечах, а черты лица гораздо эстетичнее?.. Он что, из другого теста?»

– У тебя нет «движения», а девчонки любят активных и дерзких, – словно отвечая ему, воодушевлённо говорил Геворк, косясь одним выпученным глазом. – С ними не стоит цацкаться – к чёрту всякие церемонии! Для начала выбирай самых некрасивых – те податливей... Сделал небольшой подарок, вроде букета цветов или флакона духов, и вперёд – смело требуй взамен любви!.. Если хочешь взнудать женщину и отучить её брыкаться, скорей ложись с ней в постель и попытайся найти её самую эрогенную зону: у кого-то это – грудь, у кого-то – живот или подмышки, а у кого-то – подошва ноги. Бери её языком – в прямом и переносном смысле. Женщины любят ушами, но ещё больше любят, когда их лизжут. Главное – не брезговать...

Геворк вдруг отогнул ворот сорочки и показал большое лиловое пятно.

– Посмотри, никак не отойдёт! – сказал он, многозначительно посмотрев на Артёма.

Он уверял, что это след от страстного поцелуя, несколько дней подряд показывал синяк однокурсникам и знакомым студентам из других курсов до тех пор, пока тот наконец не исчез.

«Как можно любить такого, да ещё с таким жаром? – искренне удивлялся Артём. – Задавался ли он вообще когда-нибудь вопросом – что думает о нём партнёр, приятен ли он или вызывает отвращение? Или всё ему до лампочки?»

Сам Геворк, конечно же, в полной мере осознающий своё уродство, тем не менее без тени иронии и на полном серьёзе говорил:

– Эх, вот раскрутился бы, будь у меня товарный вид!.. Но лучше быть колоритным уродом, чем пресным и вялым красавцем. Есть у меня на филфаке знакомый – он почти единственный на курсе самец среди восьмидесяти девиц. Но до сих пор ни одну не «заклеил»... Представляешь?! Будь я на его месте, каждый день по одной домой бы водил...

Принимая по своей неопытности рассказни сокурсника за чистую монету, Артём не догадывался, что Геворк очень часто шёл на всевозможные хитрости и унижения, чтобы «уломать» девиц, а когда добивался своего – бахвалился этим, явно приукрашивая свои приключения и отпуская многие обидные для себя подробности. Тем самым он подавлял в себе комплекс, связанный с внешним уродством.

Глава 11

Хотя в глубине души Артём и завидовал своему ушлому товарищу, надоедливые наставления последнего задевали его самолюбие. Он всё ждал с ужасом, что Геворк вот-вот спросит его – а бывал ли он вообще с женщиной? Но тот не делал этого, видимо, и не

подозревая по своей испорченности, что в таком возрасте можно быть девственником.

После общения с Геворком Артём чувствовал себя ещё более беспомощным, всё явственнее ощущая магическую силу женского начала над собой, патологическую зависимость от него и даже страх. При случайном разговоре с женщиной он весь мялся, скукоживался, как это бывало в школьную пору...

Было очевидно, что подобная асимметричная дружба между Артёмом и Геворком долго длиться не могла. И повод для разрыва недолго заставил себя ждать:

– Проснись, не спи как в ухе у верблюда! Возьми движение в свои руки, назначай свидание сразу нескольким девицам – одна из них непременно придёт, – как всегда горячо и вычурно поучал Геворк Артёма, но вдруг осёкся и, призадумавшись, воскликнул:

– Слушай, идея! Могу я иногда пользоваться твоей хатой?

Артём не сразу понял, о чём речь. А когда до него дошло, пробурчал что-то невнятное, что Геворк принял за «да».

– Договорились! В случае чего идём к тебе. И как я раньше не догадался?!

Вечером третьего дня Геворк действительно привёл на «хату» к Артёму девицу. Всё в ней выдавало дешёвую уличную проститутку – низенькая, с короткими, толстоватыми ножками, неопрятная и развязная. Первое, что спросила девица, даже не поздоровавшись с Артёмом, было: «Где находится та грустная комната?»

Геворк с видом знатока «перевёл» опешившему Артёму её иносказательную речь:

– Ей в туалет приспичило.

Затем отпустил сальную шутку, от чего девица разразилась глухим смехом, перемежающимся с кашлем.

Артём вышел, оставив их одних. Сев поодаль на скамейке, он с волнением прислушивался к шорохам и едва внятным звукам, доносящимся с той стороны двери. Минут двадцать спустя Геворк вышел. Из одежды на нём были только штаны, держащиеся на одной тесьме подтяжек, по-пижонски перекинутой через голое плечо. Другая тесьма безвольно свисала. Лениво потянувшись, Геворк процедил сквозь жёлтые, испорченные табачным дымом зубы:

– Хочешь сам?

Артём промямлил что-то.

– Ты что схиму принял? Не будь растяпой, сейчас я договорюсь за тебя...

Артём попробовал остановить его, но тот стряхнул его руку со своего могучего плеча и скрылся за дверью.

Вскоре Геворк появился и почему-то торжественно заявил:

– Ни в какую, зараза! Устала, говорит...

Потом прошептал Артёму на ухо:

– Да и не в обиду тебе будет сказано, всем подряд не отдаётся. За кого, говорит, принимаете меня? Признаюсь, сам еле уломал!

На самом деле Геворк насчёт Артёма с девицей и не говорил. Вся эта комедия была разыграна им с целью подчеркнуть своё превосходство над товарищем и в расчёте на то, что тот расскажет сокурсникам и знакомым об очередной его победе.

Впоследствии Геворк несколько раз возвращался к этому фальшивому эпизоду с отказом девицы, с напускным сочувствием советуя Артёму не отчаиваться...

– Все они такие стервы! Общаясь с ними, нужно держать в одной руке пряник, а в другой – кнут. Причём, один пряник должен чередоваться с двумя ударами кнута... А ты у нас мягкий, потому и не получается.

Узнав, что о «неудаче» товарища Геворк рассказал и сокурсникам, Артём молча отошёл от него.

Но обида и боль от посыпанной на открытую рану соли долго ещё преследовали его.

Глава 12

Тем временем подоспела первая экзаменационная сессия. Артём успешно сдал зачёты и два экзамена – по истории и теории права. Домой он не поехал, решив в короткие каникулы отойти от экзаменационной лихорадки, хорошенько отоспаться, расслабиться. Позвонил матери, попросив выслать до стипендии немного денег.

По вечерам Артём направлялся в ближайший бар, заказывал большую кружку пива и пару пирожков с мясной или картофельной начинкой. Пил он медленно, смакуя каждый глоток. По мере поглощения пива какое-то удовлетворение и во многом ещё не понятная радость росли в нём, словно на дрожжах, переполняя душу. Всё кругом, казалось, улыбалось ему, и он искренне удивлялся, как ещё минуту назад можно было огорчаться по различным пустякам и не наслаждаться всю жизнь. Окружающие были ему симпатичны: и усатый бармен за прилавком, и не в меру накрашенная и грубоватая официантка, которая теперь казалась ему верхом вежливости и предупредительности, и даже оба обросших и шумных, вечно вдрызг пьяных мужика-завсегдатая в углу бара. «Что мне до них, пусть шумят и матерятся, раз им так хочется. Главное – я счастлив, и они не мешают и не могут помешать моему счастью...»

Каникулярная неделя пролетела незаметно. Завтра снова начиналась канитель лекций и семинарских занятий. Последним днём свободы Артём решил воспользоваться сполна. Когда он опорожнил второй бокал, официантка подошла и уставилась на него с выжидательной, хитроватой улыбкой. Она показалась уже достаточно пьяному Артёму не только привлекательной, но и доступной. Он решил немного пококетничать с ней, перебирая в памяти все подхваченные во время вечерних прогулок по городу обрывки фраз влюблённых пар. Но ничего подходящего на ум не приходило, и он заказал ещё одну кружку пива, надеясь, что она, наконец, развяжет ему язык.

«Сегодня непременно что-то должно произойти, – внушал он себе, с томленьем глядя на пышный, туго обхваченный форменным халатом бюст официантки. – Идея завоевать мир у Гитлера и его сообщников возникла именно в пивной. У меня амбиции поскромнее... Хотя, говорят, завоевать женщину порой сложнее, чем целый мир...» – чтобы не отрезветь, Артём отогнал от себя мысль о том, что в действительности обе эти задачи для него почти в одинаковой степени труднорешимы.

И именно сегодня он решил наконец близко познакомиться с женщиной.

Глава 13

Артём рассчитался, выложив почти весь остаток своих скудных сбережений. Выходя, он бросил многозначительный взгляд на официантку, с которой так и не разговорился.

Природа уже дышала весной, обаянию которой мягкая и бесснежная зима легко и охотно поддавалась. Воздух был не по-февральски тёплым и ласковым. Артём перешёл улицу и ступил на аллею, протянувшуюся по правую сторону станции метро «Молодёжная».

Из рассказов Геворка он знал, что по вечерам здесь промышляют девицы лёгкого поведения. Но Артём не собирался тратиться на проститутку, пусть и совсем недорогую. К тому же он был в плену своих амбиций, и лёгкая добыча не прельщала его. Юноша жаждал борьбы и сопротивления, сломив которое навсегда утвердил бы внутреннюю свою власть над Женщиной. Три кружки поглощённого пива подбадривали его. Артём сел на скамью в глубине аллеи и стал высматривать свою будущую жертву.

Скучающая по настоящей весне и любви молодёжь прогуливалась по скверу – парами, небольшими группами и в одиночку. Были и совершающие моцион перед ужином пожилые люди, иные – с собакой, наверняка единственным другом угасающей жизни,

другие – наедине с самим собой, своими воспоминаниями – живыми осколками безвозвратной молодости...

Вскоре показалась и первая девица лёгкого поведения. Ей, по-видимому, было лет тридцать. Старательно раскрашенное лицо начинало чахнуть, и никакая пудра не в силах была скрыть изрезавшие его вдоль и поперёк морщины. Джинсовая мини-юбка некрасиво обтягивала раздавленные бёдра. Она подошла к скамейке и, не говоря ни слова, села совсем вплотную к Артёму (словно там его и не было). Артём отодвинулся и удивлённо уставился на неё. Та заёрзала, помяла сумочку и не без жеманства, делающего её более неприятной и отталкивающей, спросила, который час. Артём неохотно ответил, после чего с минуту длилась неловкая пауза. Женщина явно не решалась прямо предложить себя. Она снова заёрзала на месте и вдруг стала вытаскивать из сумочки какие-то шмотки: шорты, тенниску, два-три вычурных сувенира.

– Не купите?..

Артём покачал головой, и та молча встала и удалилась, на ходу запихивая свой нехитрый скарб обратно в сумку.

Артём мысленно лепил ту, которую ждал – одинокую вальяжную женщину бальзаковского возраста, выделяющуюся в толпе. Окружённая дымкой таинственности, она медленно и грациозно проплывёт мимо, бросив на него взгляд своих волооких глаз. Артём уловит в этом мимолётном взгляде томление и тоску. Ей, безусловно порядочной женщине, вдруг стало невыносимо одиноко, и она вышла развеять свою тоску, в глубине души лелея (как и он сам) необычное, романтическое знакомство. Артём всё больше вживался в свою мечту и почти уже осязал её. Неистово-восторженное ожидание, поощряемое ещё не ослабевшим действием алкоголя, овладело им. Такое чувство бывает, наверное, у хищника, почуявшего близость добычи.

Вдруг у него бешено забилося сердце: та, которую он так страстно воображал, действительно появилась в начале аллеи.

Глава 14

Она направлялась в сторону небольшого кафе, притаившегося в тени роскошной плакучей ивы. Первое, что Артём невольно отметил для себя – изящно очерченную линию тонкой талии и гармонично развитых бёдер. Молодая женщина села за свободный столик и заказала что-то выросшему перед ней официанту. Понаблюдав немного и убедившись, что она никого не ждёт, Артём приказал себе: «Вставай же! Действуй!»

Он встал и заставил себя сделать несколько шагов в сторону заветного столика. Откашлявшись, Артём попросил разрешения сесть на один из двух свободных стульев. Незнакомка едва наклонила голову, лишь краешком глаза посмотрев в его сторону.

Артём сел и стал изучать её профиль: невысокий, слегка напряжённый и немного выпуклый лоб, оттянутые кверху уголки больших карих глаз, нос с едва заметной горбинкой, нежные завитушки золотистых волос у миниатюрного ушка, пожалуй, чересчур тонкие, но чётко очерченные губы, чуть заостренный маленький подбородок, родинка на щеке. На всём этом лежала печать какой-то роковой скуки (во всяком случае, так показалось Артёму), что делало знакомку загадочной и особо привлекательной. Ей можно было дать лет 28.

Официант принёс на серебряном подносе стакан оранжевого сока для женщины и уставился профессиональным взглядом на Артёма. Тот заказал кофе и стал придумывать первую фразу для знакомства.

– Скучаем? – Артём выдал из себя нелепую по сути фразу, приложив немало усилий, чтобы она показалась естественной и непринуждённой.

Визави обернулась, посмотрев на него каким-то невидящим взглядом, словно куда-то мимо, и ответила лишь после второго вопроса:

– Вы, кажется, чем-то озабочены?
– С чего вы взяли, молодой человек? – голос её был сухим и надменным. – И какое вам вообще до этого дело?
– У вас кислое выражение лица, – Артём почему-то был уверен, что ведя себя развязно, грубо и фамильярно, сумеет если не завоевать симпатии женщины, то хотя бы внушить ей считаться с собой.
Однако та вздернула носик и отвернулась с миной негодования.
– Я, кажется, обидел вас?.. – отступить Артём не намеревался.
Не отвечая, женщина отпила сока и встала. Артём тоже встал и молча пошёл рядом с ней...

Глава 15

– Послушайте, молодой человек, вы ведёте себя как самый настоящий хам, – женщина остановилась, строго взглянув на него в упор.
– Я хочу познакомиться с вами. Меня зовут Вардан, – соврал Артём. – А вас?
– Да, отстаньте же! Я не знакомлюсь на улице с кем попало! – гневно бросила она и пошла, ускорив шаг.
Однако это ещё больше подзадорило Артёма. Вся его робость и скованность словно улетучились.
– Не стройте из себя недотрогу – знаю я вашу породу! – Артём сам удивлялся собственной развязности.
Женщина презрительно фыркнула и свернула на людный проспект.
Артём не отставал. Он попытался взять её руку, та резко отмахнулась.
– Чего вы от меня хотите? – женщина снова остановилась. Голос её теперь дрожал.
– Денег?.. Вот, сколько есть... – она достала из сумочки портмоне.
– Не притворяйтесь! Вы сами прекрасно понимаете, чего я хочу, – Артём заглянул ей в глаза, словно надеясь найти там что-нибудь обнадеживающее для себя. Если бы он был трезв, то прочёл бы в них страх, примешанный с чувством гадливости. И это, может быть, остудило бы его.
– Отстаньте, или я позову на помощь!
Артём оглянулся. Прохожие не обращали на них особого внимания. Поблизости не было видно и стражей порядка. К тому же уже смеркалось. Он ухватил её за локоть, но тактику решил сменить, подумав, что немного лести помогут делу.
– Да поймите же, наконец, что вы – моя мечта... Живое воплощение идеала той женщины, о которой я постоянно грежу. Я понял это, как только увидел вас. Вы словно возникли из ничего – такая невесомая и воздушная, превратив этот убогий сквер в настоящий Эдем... – Артём поражался своему красноречию: слова, казалось, сами выплывали из его рта, слагаясь в пышные фразы.
– Отпустите руку, мне больно!..
– Я разомкну свою ладонь только в том случае, если получу гарантию, что синичка моя не упорхнёт...
И тут произошло неожиданное – то, на что Артём почти уже не надеялся. Женщина наконец нормально ответила ему, пусть и на сей раз с упрёком, но упрёком уже иного рода – в нём не было враждебности, сейчас говорило уязвлённое женское самолюбие.
– Значит, всё-таки синичка? – на этот раз, показалось Артёму, она взглянула на него не без любопытства.
– Нет, нет, простите, я оговорился. Вы журавль!.. Вы лебедь моей мечты!..
Артём чувствовал, что внутри что-то стремительно растёт, приближаясь к критической черте, и что оно вот-вот лопнет, подобно шаровой молнии, высвободив накопившуюся разрушительную энергию.

– А вот и наш дом... Прощайте, молодой человек, – женщина снова попробовала высвободить руку.

– Я провожу вас до подъезда, – Артём уже не слышал собственного голоса. Он, сам того почти не сознавая, силой тащил её к тёмному подъезду.

– Ну, теперь прощайте, – нервно потянулась она. – Я уже...

Артём не дал ей договорить. Больше он уже не мог сопротивляться нарастающему давлению животной страсти. Затащив женщину в глубину подъезда, он, закрыв одной рукой ей рот, другой стал рвать одежду на ней. Та отчаянно билась. Они повалились на какой-то щит, и пока Артём судорожно добирался до её нижнего белья, в паху у него вдруг всё онемело, словно под воздействием местного наркоза, а через миг горячая струя и вместе с ней вся злая энергия выпрыснулись прочь из его взвинченного до предела организма...

Опомнившись, Артём увидел, что женщина лежит без чувств... Он вытолкнул себя из подъезда и побежал стремглав, растворившись в темноте ближайшего сквера.

Глава 16

Наутро Артём проснулся с туманом в голове. Вчерашнее казалось ему кошмарным сном, и он не хотел верить в реальность случившегося. В глубине души он всё-таки надеялся, что всё это ему примерещилось. Однако, собираясь на занятия, Артём с ужасом понял, что потерял студенческий билет, который всегда носил с собой. Он был уверен, что билет упал в подъезде во время схватки. «Его уже отнесли в милицию», – от этой внезапно появившейся мысли Артём в бессилии опустился на кровать. Он уже почти убедил себя, что стражи порядка пришли за ним в университет и, не найдя его там, вот-вот заявятся к нему домой. Артём обратно лёг в ещё не остывшую постель и зарылся в неё с головой, словно одеяло могло защитить от нависшей над ним угрозы.

Воспалённое воображение рисовало чудовищные картины. Вот его со скрученными руками ведут на глазах у изумлённой хозяйки и соседей к патрульной машине. Он тщетно пытается объяснить, что это случилось как-то само собой, помимо его воли, что во всем виновато ОНО, что он был пьян, наконец, но никто и не слушает его.

«Негодяй! Насильник! Мразь!» – слышит он за собой клеймящие, удивлённо-негодующие возгласы.

Артём свернулся калачиком и ещё глубже ушёл в постель. Ему казалось, что все вокруг уже знают о его поступке. Он явственно ощутил опасную, засасывающую пустоту вокруг себя. «А что, если она так и не пришла в чувство?» – мороз пробежал по коже.

Помучив себя и вконец обессилив, Артём заснул тяжёлым сном. Сон оказался, пожалуй, мрачнее и болезненнее, чем явь. Приснилось, что он – дома, открывает альбом, где хранились все его фотографии с детства, чтобы якобы выбрать фотку для нового студенческого билета. Но альбом – пустой, вернее, на снимках – одни чёрные пятна... Чёрные пятна вместо людей, вместо одноклассников, вместо матери, вместо самого себя – словно после большого пожара... Артём проснулся в холодном поту и понял, что серьёзно заболел.

Он не появлялся в университете почти три недели. Когда наконец переступил порог аудитории – бледный, исхудалый, с воспалёнными глазами – его немедленно вызвали в деканат.

– Молодой человек, вы, как я вижу, сожалеете, что поступили и упорно добиваетесь отчисления, – зрачки у замдекана неестественно округлились под толстыми стёклами очков (у Артёма же стали подгибаться колени). – У вас 78 часов пропуска. Если завтра же не принесёте справку, можете собирать чемоданы...

У Артёма словно гора свалилась с плеч. «Значит, о случившемся не знают!» – он почти уже не слышал замдекана, предъявляющего ему и другие ультиматумы.

Артём вышел, неся на спине тяжёлый взгляд второго человека на факультете, которого студенты побаивались больше первого. Однако на душе у него было легко. Справку он не принёс, но деканат всё-таки воздержался от крайних мер, дав Артёму шанс исправиться. Правда, некоторые преподаватели стали относиться к нему с явной недоброжелательностью, недвусмысленно давая понять «прогульщику», что сдавать экзамены будет совсем непросто.

Особенно невзлюбил Артёма прыщеватый доцент по истории Римского права. Перед началом лекции он оглядел аудиторию и остановил недоумённый взгляд на Артёме:

– Вы кто?!

– Студент... – невозмутимо ответил Артём.

– А почему мы не знакомы? Значит, вы – плохой студент...

Артём начал было возражать, что незнакомство само по себе не может служить критерием для подобной оценки, но преподаватель резко прервал его...

– Не лезьте в бутылку, молодой человек. Вы бы ещё к самому концу семестра явились. Я не представляю, как вывернетесь на экзамене, – козлиная борода доцента нервно затряслась.

– А почему помещение не проветрено, юноша? – перед тем, как презрительно отвести взгляд, неожиданно бросил доцент.

Надвигающаяся на Артёма невидимая угроза постепенно стала обретать контуры.

Глава 17

До сессии оставалось меньше месяца. Артём лихорадочно готовился к экзаменам, пытаясь наверстать упущенное. Он часами просиживал в библиотеке за книгами, ворошил гору литературы по римскому праву, теории государства и права, правоохранительным органам...

Артём старался не вспоминать жуткий эпизод в подъезде, но образ женщины, как наваждение, то и дело вставал перед глазами, застилая собою всё. Не оставляла также навязчивая мысль, что за ним вот-вот придут милиционеры с его студенческим билетом. Клеймя себя за слабость, Артём готов был пожертвовать многим, чтобы раз и навсегда вычеркнуть этот эпизод из своей жизни, а главное, из памяти.

«Прав всё-таки Фрейд – всё решают инстинкты. Разум и воля – ничто перед ними... А совесть что? Да, я сейчас раскаиваюсь перед угрозой и под воздействием другого, более сильного инстинкта – инстинкта самосохранения, но где гарантия, что всё это не повторится, если снова окажусь один на один с женщиной?..» – Артём невольно представил себя наедине со своей мучительницей и почувствовал, как сжимается сердце. Нет, она не отталкивала его, несмотря на тяжёлые воспоминания и пережитые страдания. Наоборот – сейчас, когда опасность отдалилась, он по-прежнему подспудно желал её и, пожалуй, с ещё большей силой...

Однажды Артём засиделся в библиотеке допоздна. Текст перед глазами расплывался, а перенапряжённый мозг отказывался воспринимать ещё что-либо. «Пора уходить», – говорил он себе, но, словно загипнотизированный, никак не мог сделать над собой усилия, чтобы подняться... Вдруг ёкнуло сердце, и предательская дрожь пробежала по всему телу – в двери читальни вошла Она! Сейчас он предпочёл бы превратиться в маленькую мышку и укрыться в ближайшей щели на полу. Она подошла и не то что с упрёком, а, скорее, с досадой, но добродушно и незлобиво спросила:

– Что ж вы, господин студент, заставляете так долго ждать себя. Я думала сами придёте, попросите прощения.

Артём чувствовал себя кроликом, парализованным взглядом удава.

– Вы боитесь меня?.. Вы думаете, что я испорчу вам жизнь? Откровенно говоря, найдя на следующее утро ваш студенческий билет рядом с моей разбитой косметичкой, я

решила заявить на вас в милицию. Но пожалела – вы так молоды, и, признайтесь, никогда не общались с женщиной...

Артём залился густой краской. Он не смел поднять голову и взглянуть на свою мучительницу.

– Я не держу на вас зла, но запомните, цинизм, которым вы так опрометчиво вооружились, копьё обоюдоострое и рано или поздно пронзит вас же насквозь. Не зарьтесь на чужое, не хватайте то, что не принадлежит вам, а с женщинами ещё успеете наладить отношения, – она засмеялась коротким смешком...

– Проснитесь же! – почему-то вдруг сказала она совершенно другим голосом и, легко коснувшись его плеча, исчезла, растворилась в воздухе.

Артём очнулся. Над ним стояла библиотекарша:

– Закрываемся, молодой человек. Вы спите уже четверть часа. Не стоит надрываться – гранит науки ещё успеете перегрызть.

Артём посмотрел на часы – стрелки показывали начало десятого. Под впечатлением сна он добрёл до своей комнатухи. Ему нездоровилось, он снова заболел и слёг. Два дня его лихорадило. Всё мерещилась Она. Артём порой не мог понять, во сне это или наяву. Встанет обычно у изголовья и молчит... Артём знал, что она там, но боялся обернуться и посмотреть на неё.

«Лучше бы прямо в сквере дала мне пощёчину, тогда не было бы всего этого!» – сердился на неё Артём...

А однажды Она взяла его за руку и стала нащупывать пульс. Затем вдруг позвала его знакомым ему с момента появления на свет голосом. Артём открыл глаза и увидел... мать. Впервые во взрослой своей жизни он заплакал. Плакал не от нежности к матери и долгой разлуки с ней. Артём плакал от жалости к самому себе, как ребёнок, тянущийся за защитой к взрослому в минуту опасности.

«Сердцем чуяла, сынок, неладное...» – утирала сыну слёзы мать.

Глава 18

До экзамена теперь оставались считанные часы. Понимая, что не в состоянии учить ещё что-либо, Артём отложил конспекты в сторону. Голова его, словно мусорная корзина, была набита лоскутами всевозможных древних и современных теорий, из которых практически невозможно было собрать что-то цельное. Снедаемый мрачными предчувствиями, он заснул лишь к утру, а проснулся с пудовой гирей на плечах вместо головы.

Артём не сразу решился войти в экзаменационную, когда подоспела его очередь.

– Заставляете себя ждать, молодой человек? – изрядно потрёпанный профессор по теории государства не скрывал своего раздражения. – К экзаменам, надеюсь, подготовиться успели... Тяните билет.

Артём взял билет и механически, не слыша собственного голоса, назвал его номер, сел за парту и стал искать в ворохе обрывочных знаний – закономерном итоге бессистемно-лихорадочного чтения – нужные слова и фразы.

Первый вопрос по теории Руссо о государстве Артём кое-как осилил. Но при ответе на вопрос о позитивном праве экзаменатор ловко поставил Артёму подножку, потребовав объяснить, «в чём заключается суть соответствия между позитивным правом и правовым чувством граждан». Артём промямлил что-то, сам до конца не понимая собственных слов, на что профессор сокрушённо покачал головой и задал дополнительный вопрос – что такое «автократия»? Артём перепутал её с «олигархией».

– У вас всё трещит по швам, – торжественно произнёс профессор-экзакутор. – Придёте на переэкзаменовку в конце лета. А пока – «неуд».

Он размашисто расписался у себя в ведомости, протянув с победным видом

Артёму так и не раскрытую зачётку.

Через несколько дней Артём получил «неуд» и по Римскому праву от доцента с козлиной бородкой, а на третий экзамен и вовсе не явился...

Глава 19

«Ну вот, юрист со средним образованием, – иронизировал сам над собой Артём, упаковывая чемоданы. – Чему быть, того не миновать – будем надеяться, что всё к лучшему. И великих людей по странной прихоти Случая отчисляли из университетов, но Время расставляло всё по своим местам. Лишь бы Случай не вывел из игры раньше срока».

Артём ехал не домой. Он не хотел снова предстать побитым мальчишкой перед одноклассниками и знакомыми, помнившими его изгоем и неудачником. Ещё более он не желал возвращаться неким блудным сыном к матери, которой к тому же не простил связь с милиционером.

«Родители вечно врут своим детям, а сами требуют взамен честности и открытости», – мучил он заочно мать во многом утрированным упреком.

Артём решил долго ещё, во всяком случае в ближайшие восемь-десять лет, не появляться на родине. Такое решение возникло у него не в одночасье. Он часто задумывался над тем, почему отец уехал навсегда, порвав одним махом всё, что связывало его с родиной, семьёй, прошлым.

«Наверное, ему было известно что-то такое, чего не знают другие? – гадал Артём. – Родина, патриотизм – высокие, но пустые слова. Где хорошо – там и родина!»

Ход его мыслей постепенно принимал конкретное направление: «Дальше, дальше от тех людей, кого я знал и кто знал меня: они, и даже память о них тянут меня назад, к прошлому... Я сделаю блестящую карьеру вдали от родины, чего бы это мне ни стоило, вернусь когда-нибудь в высоком чине, и заставлю всех уважать меня».

Артём решил податься в Россию, надеясь, что на её необъятных просторах легче будет найти работу и продвигаться по служебной лестнице. Он обнадеживал себя и тем, что справка о годовом юридическом образовании поможет ему устроиться в правоохранительные органы.

«Где-нибудь на севере страны, где оторванность от цивилизованного мира и лютые морозы компенсируются «горячим стажем», за десять лет можно достичь таких чинов, которые другим будут стоять полжизни», – Артём представил себя статным, энергичным полковником, только голову чуть припорошило, но это лишь придаёт солидности.

Он позвонил матери, соврал, что едет на студенческую практику.

«Ничего, поймёт и простит», – успокаивал он себя.

Глава 20

Итак, придя в себя после первого крупного провала, Артём решил стереть из своей памяти неудачу, перечеркнуть всю свою прошлую жизнь и начать всё сначала. Он чувствовал в себе готовность ради достижения цели использовать все средства, терпеть всяческие лишения, невзгоды и даже унижения. Душа его была разгорячена предстоящей борьбой.

«То, что не убивает нас, делает нас сильнее, – вспомнил он вычитанное у великих. – Мечтать – удел слабых, а сильные ставят себе цель и выбирают пути для её достижения. Я одолею себя и поднимусь над другими, чего бы это ни стоило».

В странствия в поисках новой жизни Артём пустился почти с пустыми карманами. Все его сбережения при очень экономном расходовании могли бы хватить на пару недель.

Он рассчитывал и на золотую цепочку, подаренную матерью на его совершеннолетие.

Вряд ли Артём представлял себе, какая долгая и тяжёлая одиссея ждёт его впереди. Из города в город он переезжал автостопом на первом подвернувшемся транспорте, зайцем в товарняке, а однажды – на попутном мотоцикле. «Голь на выдумку хитра», – иронизировал он сам над собой.

В каждом городе Артём старался познакомиться с преуспевающими земляками, просил их помочь устроиться на работу. Однако без прописки даже мечтать о постоянной работе, к тому же в правоохранительных органах, было бессмысленно.

Впрочем, у земляков хватало собственных забот. Нередко, желая скорее отделаться от него, они давали ему небольшую сумму денег, которых разве что хватало на билет до другого населённого пункта и хлеб на пару дней. В лучшем случае ему предлагали работу грузчика на рынке или посыльного, мальчика на побегушках. Такие предложения всерьёз обижали Артёма. Тем не менее ближе к зиме ему пришлось разгружать вагоны для того, чтобы обзавестись тёплой одеждой.

Не все соотечественники относились к Артёму доброжелательно. Иные грубо прерывали его:

– Слушай, какой я тебе земляк?! Не земляк ты мне, а обуза... Если на родине не сумел прожить, здесь вообще потеряешься.

– Своих хватает! – как правило, холодно отвечали местные, когда, набравшись смелости, Артём обращался в то или иное учреждение.

Артём поворачивался и уходил, не дослушав назиданий, и с каждым отказом запас его надежд хирел.

Жил он почти бомжом, часто ночевал на вокзалах, бывало голодал целую неделю. «Поразительный феномен – деньги: есть они – ты человек, нет – ты уже ничтожество, пустота, обуза всем и в первую очередь самому себе», – думал Артём, грызя кусочек припасённого на самый чёрный день окаменевшего хлеба. Несколько раз ему на ум приходила мысль о самоубийстве: «Лучше сразу одна большая боль, которая разом решит все проблемы, чем эти ежедневные мучения». Препятствия на родине казались ему нереальной, неким далёким сном.

Пару раз Артёма приводили в отделение милиции, и приходилось пускаться в ход весь арсенал хитростей, чтобы уговорить или разжалобить стражей порядка. При этом он неизменно показывал уже изрядно потрёпанную справку о своём годовом юридическом образовании...

Артём успел побывать даже в заложниках. Его взяли в залог большого долга, в который влезла небольшая группа его земляков-торговцев на рынке – у них он ночевал несколько дней. Взяли всех скопом, не разбираясь, и Артём просидел в тёмном сыром подвальчике целую неделю, пока не принесли долг. В качестве компенсации за страдания ребята купили ему билет до ближайшего города и снабдили карманными деньгами.

Артём тут же дистанцировался от людей, к которым обращался за помощью, независимо от того, отказали ли они ему или поддержали, чем смогли. «Не считай себя обязанным никому, не обременяй себя чувством благодарности – оно будет тянуть назад. Попользовался и вперёд! Будь эгоистичным и наглым. Говори одно, а делай совершенно противоположное, если это тебе на руку. Будь скользким, как мокрый обмылок, чтобы никто не смог взять тебя голыми руками. Главное, не настраивай против себя толпу – в толпе даже самый слабый сильнее тебя», – за время скитаний на чужбине Артём выработал себе такую тайную философию, а вернее, новую систему самозащиты.

Но на практике она приносила мало результатов. Теперь уже лишь по инерции, ухватившись за краешек всё слабеющей надежды, Артём пробирался всё дальше и дальше к самым окраинам необъятной страны. «Может, хотя бы на крайнем севере найдётся место для меня», – он уже стал отчаиваться, когда судьба (а может быть, случай, в который Артём единственно и верил) неожиданно улыбнулась ему.

На одной из северных окраин он нашёл влиятельного соотечественника –

заместителя начальника известной на всю страну тюрьмы. Чувствуя, что это последняя для него, утопающего, соломинка, Артём начистоту рассказал ему о всех своих невзгодах и злключениях. Тот слушал молча и, казалось, с недоверием, внимательно наблюдая за каждым его жестом и мимикой, потом вдруг встал и хлопнул Артёма по плечу: «У нас много схожего – я тоже трудно начинал. Только учти, тюрьма – не курорт: ты должен пахать», – тюремщик заикался, и Артём, казалось, пережил целую жизнь, пока тот тяжело выговаривал роковые для него слова.

Земляк помог Артёму с временной пропиской и взял его к себе в тюрьму.

Глава 21

Артём жил в тюрьме вместе с заключёнными – в небольшом помещении, отличающемся от обычной одноместной камеры лишь отсутствием жалюзи на окне и наличием старенького, задрипанного дивана.

Помощник коменданта тюрьмы, в помощники к которому в свою очередь Артём на первых порах был нештатно определён, целую неделю инструктировал новичка о тюремных порядках, говорил о неприменной строгости с арестантами, недопустимости поблажек. Главной функцией Артёма было отпирание и запираание дверей. Вроде бы примитивная работа «ключника», но она отнимала почти всё время и страшно утомляла: практически в течение всего дня и части ночи приходилось выводить несколько сотен заключённых на прогулку, на хозработы или ещё куда, заводить обратно. Первые полтора месяца Артём работал беспрерывно, а в короткие часы отдыха вырубался мёртвым сном.

Поначалу он побаивался зеков – в основном это были злые на судьбу и окружающих люди.

«Ты-то зачем сюда сунулся? – однажды вполголоса бросил ему один из заключённых. – Зачем молодость губишь – ты же одним воздухом с нами дышишь? Мы-то, может, и выйдем, а ты останешься замурованным в этих стенах на всю жизнь».

Артём не ответил ему: заключённый был прав. Тюремщикам не позавидуешь – специфический запах, которым насквозь пропитаны стены, ночные смены, высокое напряжение, insult... Они здесь умирают рано – в 45-50 лет...

Артём присматривался к заключённым – этим людям, оказавшимся по стечению роковых обстоятельств запертыми в четырёх стенах. Он пытался понять, чем преступник отличается от обычного человека. Лишь некоторые производили впечатление закоренелых злодеев. Особо отталкивал его старик-рецидивист с изуродованным лицом. Ему было уже за семьдесят. Полжизни он провёл за решёткой за различные преступления. На этот раз он сидел по обвинению в... изнасиловании малолетки. Старик уверял, что не имеет к этому никакого отношения. «Да какой из меня насильник? Лет десять не имею дела с женщиной», – убеждал он, пожирая собеседника одним уцелевшим злым глазом...

Артём не хотел наживать себе врагов в тюрьме. Он старался найти ту золотую середину, которая позволяла бы ему держаться, как эквилибристу на канате, между блюстителями порядка и его нарушителями, одновременно угождать начальству и не особо обижать содержащихся под стражей, боясь их мести в будущем (несколько таких случаев имело место). Нередко он закрывал глаза на мелкие нарушения заключёнными правил внутреннего распорядка и даже порой тайком угощал их дешёвыми сигаретами, которые бесплатно выдавались персоналу тюрьмы (сам он не курил и даже никогда не сосал сигарету для проформы, как это делали многие его ровесники из ложной идеи самоутверждения, и, наоборот, считал курение привычкой слабых людей). Артём был уверен, что дозированные отклонения от режимных требований содействуют предотвращению ЧП. Во всяком случае, он был на хорошем счету у начальства.

Через полгода в День внутренних войск Артёму объявили благодарность за добросовестную службу, а ещё через три месяца произвели в прапорщики. После смены

Артём заперся в своей комнате-камере, достал из развалившегося диванчика припрятанную (тогда не знал – на чёрный ли день или для радостного случая) бутылку.

Пил прямо с горлышка и натошак, чтобы скорее раздуть иллюзию праздника. Поначалу вместе с самогоном приятное тепло и радужные надежды стали наполнять его. Но очень скоро крепкое содержимое пузатой бутылки неожиданно раскрыло ему глаза, вмиг убрав розовые очки.

Артём вдруг осознал реальное своё положение: кто он теперь – вырванный с корнем росток, не прижившийся на родине; песчинка, заброшенная ветром судьбы за тридевять земель; заблудившаяся в чужой стране овечка, с трепетной надеждой ожидающая милости и благосклонности окружающих?! Кто он здесь? Надзиратель над заблудшими душами, а по сути такой же зек без семьи и отечества, без того, что может дать человеку настоящее чувство свободы... Он даже хуже этих несчастных, мечтающих о глотке свободы, так как сам пошёл на добровольное заточение ради призрачного благополучия в будущем... Здесь даже время словно замёрзло, – добивал он себя, глядя на толстый слой обледи на своём окошечке.

Но это была лишь минутная слабость. Наутро Артём полностью освободился от своих пессимистических настроений, с головой окунувшись в тюремные будни.

Глава 22

Через год по ходатайству зама Артём получил погоны лейтенанта и вскоре был назначен на должность помощника коменданта, получив солидную надбавку к зарплате. Теперь он остепенился, отрастил для солидности небольшое пузо, приняв начальственный вид, не фамильярничал с заключёнными и держался с ними нарочито строго и сухо.

Впервые за четыре года своих странствий он отправил матери немного денег и письмо, в котором скупно сообщил, что у него всё нормально и просил прислать бутылку армянского коньяка и бастурму. Посылка шла почти целый месяц. Помимо заказа в ней были тонкий лаваш, пара банок с вареньем, сушёные фрукты, грецкие и лесные орехи (диковина для здешних мест), пара вязаных шерстяных носков и длинное письмо. Мать подробно расспрашивала Артёма о житье-бытье, где и на чём он спит, чем укрывается, не голодает ли, не мёрзнет?.. Между строк она жаловалась на своё одиночество. «Приезжай как-нибудь. Уж больно стосковалась...» – просила мать.

Письмо Артёма не растрогало. Его задело лишь то, что один из его одноклассников, как писала в письме мать, ничем не приметный и, казалось, совсем далёкий от каких-либо амбиций, Арман, вдруг сделался помощником начальника городского управления внутренних дел...

Однако вскоре, когда, отложив письмо, Артём стал вдыхать позабытый аромат домашнего лаваша, он вдруг почувствовал, что внутри, там, где, наверное, сидит Совесть, что-то гложет его. Действительно, за все четыре года чужбины он написал матери всего одно письмо и позвонил пару раз. Сначала ждал, когда дела поправятся, чтобы было о чём писать. Затем, когда дела вроде бы пошли на лад, как-то не тянуло писать. «Главное, что всё нормально. Мать должна чувствовать это. Она всегда улавливает каким-то особым чутьём, когда мне хорошо или плохо, – успокаивал он себя, пытаясь оправдать лень и безразличие. – Ей скоро 50. Поднакоплю деньжат, возьму отпуск и поеду к ней... Соберу всех родственников и соседей, закачу пирушку с живой музыкой, а шабаш буду давать только в валюте – пусть знают, какой я теперь...»

Глава 23

Артём отнёс коньяк и палочку бастурмы заместителю начальника тюрьмы.

– «Арат»! Мой любимый!.. Конечно, мне приятно, но зачем было тратиться? – начальствующий земляк пригласил Артёма сесть и стал раскупоривать бутылку. – Хоть и возбраняется пить во время работы, но разик можно. Тем более, что повод весьма уважительный имеется.

Он достал из шкафа два стакана и разлил коньяк.

– Что ж, с повышением! – бодро сказал зам.

Прежде чем чокаться, Артём произнёс встречный тост:

– За вас, Артур Борисович!.. Вы фактически вынули меня из петли.

Артём поймал себя на мысли, что впервые за последнее время он искренен по отношению к другому человеку.

– Да ладно, давай пить! – отмахнулся Артур Борисович. – Давно не пробовал наш, армянский!

Он пил медленно, смакуя каждый глоток.

– Отличный коньяк! Он самый!.. – произнёс земляк с довольным и одновременно страдальческим выражением лица. – И всё же, не утолить таким способом тоску по родине. Тяга к ней передаётся вместе с молоком матери... Но иногда, дорогой мой, родина предстаёт в образе злой мачехи...

Приложив тыльную часть руки к губам, Артур Борисович с полминуты молчал, как бы вспоминая что-то.

– Однажды и меня больно обидели там... Впрочем, что рассказывать?.. – голос его неожиданно упал.

Артём с удивлением увидел, как у земляка заблестело в уголках глаз, как дрогнули скулы, изрезанные мужественными морщинами.

– Из-за женщины я вынужден был оставить всё: дом, родителей, друзей... – зам старательно выговаривал каждое слово, потому что в минуту волнения его природный недостаток речи усугублялся.

– Да, я был безумно влюблён. Влюблён впервые, со всей силой и искренностью первого настоящего чувства... Я – ущербный, наивный и ослеплённый мальчишка, на полтора года младше её. А она – писаная красавица... Естественно, отказала. Но это ещё полбеды. Оттолкнула, грубо прервав меня на полуслове: «Иди научись для начала говорить по-человечески. А то лаешь, как собака...»

Артур Борисович перевёл дыхание, закурил. В том, как опрокинув голову, он выпустил краешком рта несколько жидких колечек дыма, Артём почувствовал какую-то обречённость. Оба они молча наблюдали, как невесомые колечки медленно поднимаются вверх, растягиваясь из стороны в сторону, и постепенно тают в воздухе.

– Тогда я был очень молод, горяч и опрометчив! – Артур Борисович снова заговорил. – Мне казалось, что везде, за каждым углом, затаилась измена, что все тычут в меня пальцем и смеются. Я не знал, куда себя деть... Тут весьма кстати призвали в армию. Это было настоящее спасение! Тогда Страна советов была одна общая, необъятная родина, и на распределительном пункте я попросился на крайний север, как можно дальше от моей с тобой настоящей родины. Просьбу мою работники военкомата приняли с удивлением и нескрываемой радостью... После службы остался здесь...

Зам притушил сигарету в пепельнице в виде птичьего гнезда, обвитого змеёй. Её, по всей видимости, искусно смастерил кто-то из заключённых, используя сподручный материал, природу которого сразу трудно было определить.

– Короче говоря, я бежал, не оглядываясь. Бежал с глубокой и незаживающей раной в сердце, ища прибежища и успокоения на чужбине. Ведь тогда родной край ассоциировался у меня с моей нелепой любовью...

Глава 24

Очень часто, слушая того или иного собеседника, Артём невольно цеплялся за его слова, задумываясь о чём-то своём, подспудно его волновавшем. Сейчас он пытался понять, почему почти все встречавшиеся до сих пор ему люди – и стар, и млад, говоря о женщине самое разное, часто полярное (кто-то настойчиво советовал держаться от них подальше, кто-то, наоборот, чаще и ближе общаться с ними), неизменно отзывались о них, как о существах роковых, причём с отрицательным смыслом. А ведь по собственным наблюдениям Артёма всё обстояло наоборот – не женщина, а мужчина часто нёс в себе разрушение: его отец, рябой участковый, студент Квазимодо, да и он сам с его нелепой робостью и в то же время необъяснимой агрессивностью...

– Страсть к женщине подобна огню. Если ты её контролируешь, она согревает, если нет – сжигает, – продолжал тем временем Артур Борисович. – Конечно, несуразная моя любовь помогла мне в определённом смысле: я добился своего, дослужился до подполковника. Но не зря говорят, что чужая невеста всегда кажется краше. В действительности всё оказалось мишурой: должность, положение, привилегии... Думал, уйду далеко, и родина перестанет даже сниться мне. А она всё снится и мерещится. Родина, как нога или рука, органическая составная человека. А чужбина похожа на протез – каким бы качественным он ни был, никогда не станет полноценной заменой живой части организма... Знаешь, что я любил больше всего в отрочестве? Ездить на лето к бабушке, лазить по тутовым деревьям и лакомиться сочными сладкими ягодами. Особенно мне нравилась немного перезревшая тута, она словно вбирала в себя солнце, в ней чувствовался аромат и вкус лета... А ещё я соскучился по вкусу горной родниковой воды... Как это было давно!..

С минуту длилась пауза. Слышался лязг замков и цепей открывающихся и почти тут же захлопывающихся железных дверей. Новый ключник всюду орудовал своим нехитрым орудием.

– От судьбы, всё равно, не убежишь... – Артур Борисович снова закурил. За стеклом разыгралась вьюга. Она, казалось, смеялась над его южными мечтами. – Когда-нибудь в открытом поле ты встретишь маленького человечка. Он посмотрит в упор на тебя суровым взглядом, и ты, по глупости и самонадеянности своей, примешь это за вызов и схватишься с ним. Ты попытаешься свалить его. Но он глубоко врос своими ногами-корнями в землю, и из его крепких объятий теперь уже ты не можешь вырваться... Это и есть твоя судьба, и никуда от неё не деться: ты в её руках, она – в твоих.

Артур Борисович неожиданно запел, затянув грустную армянскую песню о потерянной любви: «Я полюбил, а яр*** мою увели...» Артёму стало по-настоящему жаль его. Умудрённый опытом земляк, казалось, достигший достаточного успеха в жизни (успеха, о котором Артём ещё только мечтал), теперь уже не представлялся ему, как раньше, неким рыцарем без страха и упрёка. Теперь глаза его заволакивали слёзы. Он плакал, как ребёнок...

– Умирать всё равно поеду на родину, – как-то обречённо произнёс Артур Борисович.

Наконец он посмотрел на полные стаканы.

– Впрочем, что это мы всё о грустном?.. Жизнь ещё не раз придушит, чтобы напомнить нам о смерти, но отпустит в самый последний момент. Надо быть сильным и готовым ко всему... Вот что я подумал: тебе необходимо продолжить образование, да и диплом пригодится. Готовь бумаги, мы поможем тебе устроиться в университет на заочное отделение. Теревить особо не будут – раз в полгода поедешь сдавать экзамены... Ну давай, за тебя и твои успехи!..

Они чокнулись, выпили, и на миг Артёму показалось, что Родина, давно уже ставшая для него абстрактной категорией, вдруг приблизилась, обретя плоть и кровь.

Глава 25

Уже через полтора месяца Артём был зачислен на заочное отделение юридического факультета университета ближайшего города, расположенного в сотне километров.

Вновь во всей своей силе ожили прежние мечты, которые чуть было не погибли подобно птице, замерзающей в местные 50-и градусные морозы прямо в воздухе и падающей камнем вниз. Воображение рисовало самые лестные картины: вот, вернувшись на родину с погонами полковника могучей державы, он заставит всех на своей маленькой родине разинуть от изумления рты. Встречные почтительно кланяются ему, молоденькие женщины улыбаются и оборачиваются вслед, любясь его статной фигурой и необычным мундиром. Его принимает сам президент, который вызывает старика-министра внутренних дел для знакомства с молодым перспективным полковником. Тот в свою очередь предлагает ему должность одного из своих заместителей. Скорее с улыбкой иронии, чем благодарности Артём принимает предложение... А через год-два, глядь, и он – в министерском кресле. «Вот тогда будем решать вопросы. Вот тогда кое-кем займусь всерьёз...» – страстно подумал он.

Однажды по дороге в университет, как раз в тот момент, когда Артём в очередной раз в своём воображении примеривал генеральский мундир, его остановил патрульный сержант.

– Уважаемый, – милиционер издали поманил его, деловито щелкнув большим и средним пальцем высоко поднятой руки, по всей видимости, узнав в нём кавказца (Артём был в штатском). – Документики!

Артём, которому такое обращение до поступления на службу было привычным, сначала невольно сжался, готовясь к защите, потом, словно внезапно вспомнив что-то, выпрямился и с вызовом посмотрел на милиционера.

– А ну представься, сержант! – Артём встал на дыбы, тыча милиционеру в нос своё лейтенантское удостоверение. – За кого ты меня принял? Или за черномазого считаешь?! Меня – российского офицера?!

С минуту он менторским тоном отчитывал явно опешившего патрульного, бросив напоследок:

– Тебе повезло, что я сегодня добрый!

Артём удалился, довольный собой и вдохновлённый тем, как приструнил сержантика... С некоторых пор он завёл себе привычку анализировать своё недавнее прошлое: с каждым годом и даже месяцем он относился с иронией и недоверием к «прежнему себе», считая на данный момент себя более зрелым и мудрым. «Вот бы тогда теперешний мой ум!» – говорил он себе, разбирая ту или иную ситуацию, тот или иной свой поступок. О прежнем же Артёмке-изгое он вообще стеснялся вспоминать.

Глава 26

Несмотря на успехи по службе, вопрос нормального жилья оставался для Артёма нерешённым. Тесная и сырая комната-камера, где он жил, не только морально давила, но отражалась и на здоровье. У Артёма постоянно болели суставы, однажды схватили почки, приковав почти на неделю к постели. Помимо всего прочего Артём опасался, что отсутствие постоянной прописки и жилья на определённом этапе могут стать серьёзной помехой для карьеры.

Тут совершенно случайно Артём узнал, что неподалеку от университета, где он заочно обучался, живут его земляки – брат с сестрой. Он стал интересоваться... Каково же было его изумление, когда сестра оказалась не кто иная, как Аида из бывшего параллельного класса...

В свободное от смены воскресенье Артём встал спозаранку, побрился, погладил выходную форму, оделся, надушился и отправился на перрон. Через полтора часа он

сошёл с электрички, купил в ближайшем цветочном ларьке большой букет и взял такси. Вскоре он оказался возле скромного особняка с зелёной калиткой. В ответ на стук залаяла собака, а затем вышла невысокая круглолицая женщина в пёстром домашнем халате. Артём не сразу узнал её. За пять лет, что они не виделись, Аида пополнила, похорошела лицом. В школе она была обычной, незаметной тихоней, далеко не преуспевающей в учёбе. Но сейчас благодаря брату, который давно жил в России, устроилась в банке и даже была ведущим специалистом в отделе.

Аида стояла в непринуждённой, несколько картинной позе – не осталось и следа от прежней её угловатости. С полминуты она удивлённо глядела на представительного молодого человека в форме с офицерскими погонами, потом нерешительно, как бы сомневаясь, воскликнула: «Артём, какими судьбами?!»

Они обнялись, обменявшись дружескими поцелуями.

Аида провела Артёма в дом. «Вот так и живём», – она, а вместе с ней и Артём, обвели взглядом хорошо обставленную гостиную.

– Брат на рынке, у него там контейнер. В месяц раз ездит за товаром – почти за 1000 километров отсюда. Работает без выходных. Домой возвращается поздно...

За чаем Артём расспрашивал Аиду о жите-бытье, рассказывал о себе, медленно подбираясь к тому, из-за чего собственно и приехал. Он тайно возликовал, узнав, что брат девушки собирается жениться и переехать на квартиру в центре города. Прощаясь после вкусного домашнего обеда, по которому он успел изрядно стосковаться, Артём в ответ на просьбу Аиды почаще приходить, пожаловался на свою занятость, обещав зайти, как только освободится.

За это время он должен был продумать детали своего тайного плана.

Глава 27

Через воскресенье Артём снова сидел в гостях у Аиды. «Пора настраивать её на конкретный лад», – убеждал он себя.

Хозяйка была весела, румяные её щеки дышали здоровьем, избытком нерастраченной девичьей энергии. Поговорив немного о всяких пустяках, Артём вкрадчиво начал:

– Аида, мне стоит невероятных усилий признаться в этом... Но мы, в конце концов, взрослые люди и не должны стыдиться того, что внушает нам чувство... – он стыдливо опустил глаза. – Скажу без обиняков, я часто вспоминал тебя все эти годы...

Девушка взглянула на него с любопытством.

– Да, да, не удивляйся. Как я счастлив, что слу... (он хотел сказать «случай», но вовремя поправился), что судьба наконец предоставила мне возможность признаться тебе в сокровенном.

Аида рассмеялась.

– Только не говори, что приехал за тридевять земель специально из-за меня! Неужели десяти школьных лет тебе было недостаточно? – попробовала отшутиться она.

– Но ведь тогда мы были ещё детьми. Только сейчас я осознал, что лишь с тобой могу быть счастливым...

Аида чуть не поперхнулась чаем. Она вдруг стала серьёзной.

– Но Артём, дорогой, извини... у меня – парень...

– О, тогда прошу прощения... – у Артёма померк взор. Он был крайне разочарован и явно не предвидел такого ответа.

– Что ж, поздравляю! Надеюсь, ты познакомишь меня с ним. Наш он или из местных? – Артём быстро взял себя в руки.

– Местный, – односложно ответила Аида, давая понять, что не собирается особо распространяться о своих сердечных делах. – Чаю добавить?

Разумеется, так просто сдаваться Артём не собирался. Он лишь отступил, чтобы обдумать дальнейшие свои шаги.

Когда он вернулся в тюрьму, дежурный передал ему письмо. Он пробежал неровные строчки. «Опять!» Мать всё беспокоилась за него, жаловалась на своё одиночество и нехорошее предчувствие. «Что такого ответить ей?.. Сколько денег послать, чтобы она поняла, что у меня всё нормально, и успокоилась наконец...» – зло отмахнулся Артём, вовсе не удивившись своей реакции.

В следующий раз он явился к Аиде неожиданно – посередине недели. Ей нездоровилось. Она лежала в постели с обмотанной полотенцем головой. Артём попросил её не беспокоиться, собственноручно заварил чай и поднёс его больной на серебряном подносе. «Стол и постель – необходимые атрибуты брака», – невольно пришли на память слова кого-то из великих (Артём, как всегда, не помнил чьи конкретно – у него в голове всегда царил хаос на сей счёт). Он сел у изголовья больной и попробовал покормить её с ложечки мёдом. Аида искусно скрывала своё раздражение.

– Твои слова не дают мне покоя – которые уже сутки не могу сомкнуть глаз, – Артём взял её белую пухлую руку, заглянув ей в глаза печальным, потерянным взглядом. – Я чувствую, что без тебя моя жизнь будет блеклой и бессмысленной. Зачем тебе связывать судьбу с человеком не нашей национальности? Непрочен такой союз, да и счастье на чужбине призрачно и недолговечно...

– Ты-то в таком случае зачем сюда подался, миленький?! – Аида вдруг вспыхнула.

– Но я временно... – произнёс Артём и запнулся.

– Не морочь мне голову. Признайся: ты покидал родину, лелея надежду получше устроиться... Хотя бы молчал и не лицемерил, – по лицу Аиды мелькнула тень неподдельной злобы.

На Артёма жалко было смотреть – Аида, казалось, раскусила его. Он сидел сгорбившись, лобные залысины покрылись зёрнами пота. С полминуты они молчали. Аида плотнее укуталась в шаль, а Артём вытирал своё взмокшее лицо платком.

– Сдаётся мне, вовсе нет у тебя никакого женишка, – неожиданно произнёс Артём, встав и давая всем своим видом понять, что задет за живое, оскорблён до глубины души. – Ты просто меня отвадить хочешь.

– Артём, неужели ты уже настолько безнадежен, что готов хвататься за всё, что попадётся под руку?! Извини меня за прямоту, но ты пытаешься склеить собственное счастье из случайных лоскутков личной жизни других, ворованной любви и украденных фрагментов чужого счастья. Ни к чему хорошему это не приведёт... А женишок мой не виртуальный, а вполне реальный, к тому же крутой и ревнивый – тебе лучше с ним не связываться.

Вновь воцарилась неловкая пауза. Артём думал: «Вот какой идейной стала. Откуда она набралась всего этого?! Интересно, где у неё эрогенные зоны, и есть ли у неё они вообще?»

– Все беды в этом мире от вас, женщин, – вдруг он заговорил словами старушки-хозяйки из своей студенческой поры. – Ты понимаешь, что разбиваешь мне сердце! Теперь я не знаю, как быть... Впрочем, знаю! Прощай! – он схватил фуражку, но вместо того, чтобы решительно двинуться к двери и, хлопнув ею, уйти, Артём встал как вкопанный.

Аиде стало жалко школьного товарища. Артём стоял посередине комнаты с опущенными плечами и головой. В растерянности он мял форменную фуражку. В этой жалкой позе он стоял несколько мгновений, словно действительно не зная, как быть. Могла ли Аида догадаться, что это был лишь искусный театральный жест, и что в душе его поклонник смеётся?! Она попросила Артёма подойти, взяла его за руку, чтобы успокоить:

– Ну, извини, Артёмка. Я не хотела тебя обидеть...

Тут случилось невероятное. Артём обнял Аиду и стал лихорадочно обсыпать

поцелуями её лицо, шею, грудь. Поначалу она отчаянно вырывалась, но, ослабленная болезнью, сопротивлялась недолго. Аида вдруг упала, словно подстреленная куропатка, и сникла...

К изумлению Артёма, Аида оказалась девственницей... Это шло вразрез с его планами.

Глава 28

Теперь Артём инстинктивно боялся её, понимая каким-то чутьём, что Аида не только не будет ему опорой, но, наоборот, грозит стать серьёзной помехой на пути к вершине, которую он для себя наметил. Однако любопытство и неутолённая страсть толкали Артёма к ней, словно мотылька к огню. Вскоре сама Аида неожиданно прикипела к нему и теперь с нетерпением ждала его визита. Артём приходил каждую неделю – в субботу или воскресенье.

– Ты мой первый мужчина, но единственный и последний, – самозабвенно говорила Аида, и Артём удивлялся произошедшей с ней столь разительной перемене. – Сейчас мне кажется, что любить можно только твои губы, твой нос, твой подбородок, твой беспокойный лоб... У меня такое чувство, что я всегда любила только их... И как я не замечала тебя в школе?!

Каждый раз она придумывала для него что-то новое, нежное и ласковое... Все это начинало раздражать Артёма.

– А как же женишок твой? – не без злорадства ввернул однажды Артём.

– Я отшила его, – беззаботно сказала она и вдруг... укусила его в руку. Артём почувствовал настоящую боль.

– Что за страсти?! – не скрывая своего недовольства, произнёс он.

В глубине души Артёму нравилось, что наконец его полюбили, что он стал причиной счастья для кого-то, хотя сам был не вполне счастлив. Но от намёков о браке Аида уже перешла к откровенному разговору и предлагала Артёму поговорить с братом, с которым ему пока так и не довелось по-настоящему познакомиться.

– Он в курсе наших отношений и хотел увидеть тебя.

Между тем Артём жил с раздвоенным сознанием. Он теперь отдавал себе отчёт, какую тяжёлую ношу ответственности взваливает на себя, связав жизнь с женщиной, которую не любил и которая, вопреки ожиданиям, оказалась строгих, старомодных, в его понимании, нравов. Ведь он добивался лишь её расположения для фиктивного брака и постоянной прописки, а она, выходит, берегла себя для одного-единственного. По роковому стечению обстоятельств этим единственным оказался он. Артём прекрасно понимал, что разбивает ей жизнь и что сам теперь просто так не отвертится...

– Ну что ты молчишь? Неужели у тебя не осталось слов для меня? Ты же раньше почти стихами говорил, – допытывалась Аида. – Скажи, что хоть чуточку любишь меня.

Артём хотел сказать в ответ что-то ласковое, чтобы она оставила его в покое, но ничего не вышло. Самому себе он вынужден был признаться, что, стремясь быть сильным на пути к достижению своей цели и не поддаваться ни в коем случае чувствам, подавил в себе много такого, без чего не в состоянии давать другим тепло и радость. Он методично вытравливал из своей души остатки и даже намеки на всё доброе и хорошее – лишнее и слабое, в его понимании, мешающее быть твёрдым на пути к цели. Неискренность и чёрствость стали привычкой и нормой в общении с окружающими. У него атрофировалась способность к адекватному чувству...

Обуреваемый сомнениями относительно целесообразности дальнейшей связи, Артём однажды не выдержал и в ответ на обычные признания Аиды выпалил:

– Все вы, женщины, на одно лицо... Вам всё время подавай предметное доказательство любви!

Аида уставилась на него огромными, вопрошающими глазами:

– Признайся, я тебе в тягость?

Она усадила Артёма на диван и попыталась вызвать на откровенный разговор. Он пролепетал нечто вроде извинения, хотел ещё что-то добавить, но неожиданно выдавил из себя нелепое и бесчувственное нравоучение:

– Не надо быть такой сентиментальной... Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

Про себя же он негодовал: «Вот впутался!»

Глава 29

В очередное воскресенье, которое по злой иронии пришлось на День святого Валентина – праздник влюблённых, Артём купил шампанское, дорогую бонбоньерку и шикарный букет. Он решил красиво распрощаться с Аидой и больше никогда не видаться с ней. Однако, когда вошёл, Аида так искренне и бурно проявила свою радость, что Артём заколебался. Она обсыпала своего «жениха» поцелуями, кокетливо коря его за то, что так потратился.

Сейчас Артём был столь же нерешителен, как в первые дни, когда собирался делать Аиде предложение. Пока распивали шампанское, он несколько раз приказывал себе сказать то, для чего собственно и пришёл. Но язык никак не поворачивался, и Артём всё ждал более удобного момента. Вдруг послышался стук в ворота.

– Брат? – насторожился Артём. Он не хотел видеть его, но Аиде сказал обратное: – Вот и познакомимся наконец.

– Нет. Он в отъезде...

Стук повторился, и через минуту мужской голос позвал:

– Аида, открой! Это я...

– Это он, Володя, – Аида побледнела.

– Значит, он всё-таки существует, – словно обиделся Артём. – Я поговорю с ним.

На самом деле Артём был далёк от такого намерения. В душе он ликовал, как утопающий, которому в последний момент бросили спасательный круг: «Значит, всё может разрешиться само собой. Тот, кто нам мешал, тот нам и поможет». Артём картинно поднялся и повернулся в сторону двери.

– Прощу тебя, не надо... Постучит и уйдёт, – Аида схватила его за предплечье.

Артём стряхнул с себя её руку и строго посмотрел на неё.

– Почему ты скрывала от меня? – со злым упреком произнёс он. – Признавайся, ты что-нибудь обещала ему?

– Я не хотела тебя зря тревожить, думала – отстанет. Не тут-то было: говорит, что я разбила ему сердце, и что он обязательно сделает что-нибудь с собой или со мной.

– Я поговорю с ним, – повторил с напускной решимостью Артём и подался вперёд, но Аида встала перед дверью.

– Как-нибудь потом, когда остынешь... Он, кажется, ушёл.

Артём так и не сказал ничего Аиде, отложив свои планы до следующего раза. Об интиме в этот раз он и не думал, но когда прощался, Аида неожиданно вцепилась ему в руку и повлекла к постели. Артём сопротивляться не стал. Однако любовь на этот раз показалась ему пресной и невыносимо скучной.

Уходил он уже в сумерках. Аида проводила его до калитки.

– Будь осторожен, наших здесь не особенно жалуют, – сказала она, поцеловав Артёма на прощанье. – В субботу приготовлю хинкали, по особому рецепту. Жду, миленький!

Глава 30

До последней электрички оставалось четверть часа. Чтобы сократить путь к вокзалу, Артём пошёл напрямик, по тёмному скверу. Он был крайне недоволен собой. Если поначалу победа над Аидой, которая, несомненно, помнила Артёмку-изгоя (да и сама, невзирая на свою любовь к нему, являлась неким живым укором ему), ассоциировала с победой над прошлым и вдохновляла его, то сейчас Артём понимал никчемность и нелепость этой связи. «Голые амбиции, эгоизм и неутолённая животная страсть были мотивом моих поступков! – корил он себя, с удивлением обнаруживая, что его охватывает какое-то неведомое ранее чувство, похожее на раскаяние. – Жертвой же предательского желания, притаившегося в уголках сознания, стало невинное по сути существо»... Он решил больше не возвращаться к Аиде.

Артём был уже где-то в середине сквера, когда сзади позвали:

– Эй, дядя, закурить найдётся!

Голос показался Артёму знакомым. Он обернулся, но в темноте ничего не разобрал.

– Не курю, – бросил Артём и повернулся, чтобы продолжить свой путь, но повелительный возглас остановил его.

– Постой, черномазый! Базар есть! – появившиеся из темноты четыре тёмных силуэта приблизились, окружив его со всех сторон.

– Ну вот и встретились!.. Будем знакомы – Володей меня величать! – коренастый малый в кожанке задиристо, как бы в шутку протянул руку. – Догадываешься, с кем говоришь?

– Ребята, вы меня с кем-то путаете, – Артём не взял его руку.

– Нет, дружок, как раз ты нам и нужен! Мы тебя давно уже пасём. Ведь это ты ходишь к нашей банкирше? – тот, кто представился Володей, плотнее подступился к Артёму и с наглым вызовом заглянул ему в глаза (даже в этот критический для себя момент Артём в силу своей привычки заиклился на слове «нашей», моментально проанализировав не только смысл, с которым оно было произнесено, но и уловив все его оттенки). – Знаешь, собака, чьё мясо съела?!

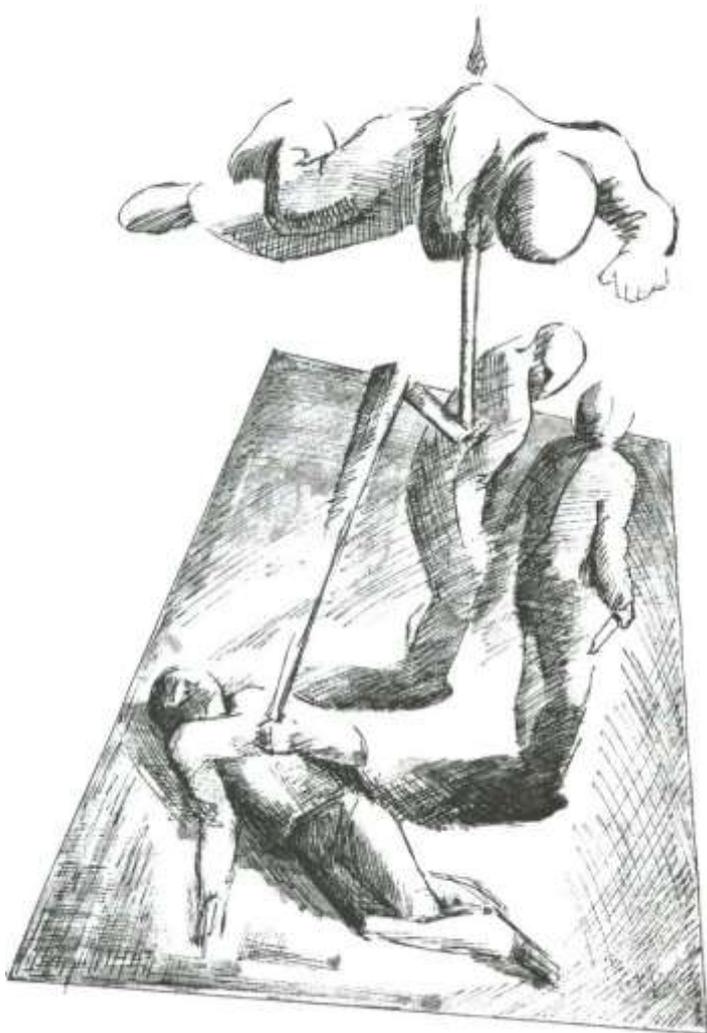
– Да пошёл ты!.. – Артём изо всех сил толкнул Володю и попытался убежать. Но его тут же сбили и стали пинать. В воздухе что-то блеснуло, и Артём почувствовал пронзительную боль в области паха. Он попытался схватить лезвие повторно занесённого ножа...

– Будешь зариться на чужое!.. – сквозь кровавый туман до него доносился глухой и злой голос Володи.

Он уже не чувствовал ударов тяжёлых ботинок и совсем не сопротивлялся... «Цинизм – оружие обоюдоострое», – вновь послышалось ему то ли во сне, то ли наяву, и уже позабытый образ женщины в белых одеяниях пролетел над ним...

Артём лежал, распластавшись на холодной чужой земле. «Всё! Так глупо и нелепо!..» – пронеслось в угасающем сознании.

Вместе с вытекающей кровью уходили, умирая, и мечты Артёма...

Послесловие

Вот так неожиданно оборвались мечты Артёма.

Читатель, пожалуй, обвинит автора в жестокости – ведь он внезапно остановил своего героя на полпути, на том самом месте, когда после долгих мытарств, наконец, вроде бы стали исполняться его заветные желания.

Но ведь Артём – образ собирательный, несмотря на некоторую уникальность его судьбы. Сколько молодых жизней было принесено в жертву призрачных надежд, эгоизма и ложных амбиций, часто облачённых в сомнительную броню цинизма, безнравственности, наглости и бесстыдства! И как часто в жизни именно в тот момент, когда с тайным ликованием уже собираешься надеть на себя тогу победителя, судьба распорядится иначе. На одного счастливого, увы, приходится тысячи обманувшихся в своих расчётах и надеждах молодых людей.

Что касается конкретно Артёма, то ему, наверное, больше всего не хватало главного – веры. Веры в то, что можно достичь чего-либо в жизни без обмана и интриг, оставаясь человеком, критерием оценки которого является нравственность. Артём пытался подстроить под свои планы всё, в том числе поставить на службу себе сам Случай, в который единственно, пожалуй, и верил. Он опутал себя паутиной придуманной им же ложной системы ценностей, став в конечном итоге её заложником. Увы, на пути к сомнительным вершинам человек растрчивает много того, что должно быть для него свято, что он всю жизнь должен был нести как факел в ночи, чтобы не заплутать, не

сбиться с верного пути.

В планетарном масштабе земля, конечно, одна общая на всех. Но отказываться от того самого уголка, где тебе было уготовано появиться на свет Божий, всё равно, что отворачиваться от родной матери и проситься в пасынки к чужой женщине, которая вовсе и не желает быть мачехой, ибо у неё хватает своих детей...

2003-2004 годы

Примечания:

*Даи – почтительное обращение к пожилому человеку

**Вертухай – надзиратель в тюрьме

*** Яр – любимая

Иллюстрации Альберта Саркисяна